
Россия, Русь! Храни себя, храни!

Союз писателей России

Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Александр КАЗИН. «Ангел священной брани»	3
Валентин КАТАСОНОВ. Что нам готовят?	90
Людмила РЯБИЧЕНКО. Великий и ужасный, или Всё под контролем	126
Владислава РОМАНОВА. «Культурная революция» тёмных людей	136

ПРОЗА

Владимир КРУПИН. Громкая читка. Повесть	9
Николай ХАПЛАНОВ. Рассказы	102
Татьяна ГРИБАНОВА. Два рассказа	142
Александр АЛЕКСАНДРОВ. Просто кончилась зима. Рассказ	156

ПОЭЗИЯ

Валерий ХАТЮШИН. Моя звезда. Стихи	76
Александр ХАБАРОВ. Белая рубаха. Стихи	116
Наталья РАДОСТЕВА. Шафрановый настой. Стихи	122
Юрий КРАВЦОВ. Сенокосная страна. Стихи	172
Виктор КАРПУШИН. Настало время холодов. Стихи	178

УРОКИ ИСТОРИИ

Николай БУЛГАКОВ. Как православным относиться к Сталину?	181
---	-----

СИМВОЛ ВЕРЫ

Мария МОНОМЕНОВА. Кесарю — Божие	204
Павел ВАСИЛЬЕВ-ЕФРЕМОВ. Искушение вирусом	209

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Валерий ШАМБАРОВ. За всё, что натворили	214
Валерий ГАБРУСЕНКО. Антонов против Антонова	220
Василий СМИРНОВ. «Военный гений» Тухачевский	223
Сергей ХОЛОДОВ. Шляхта и мы	226

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Валерий МЕДВЕДЬ, Сергей ДОЦЕНКО. Угроза национальной безопасности	229
Константин НОВИКОВ. Уничтожающие память	233
Мария МОНОМЕНОВА. Два миллиарда доз вакцины	236
Валерий ФИЛИМОНОВ. Всё исполняется на наших глазах	239
Игорь РОМАНОВ. Кто скрывается под маской?	241
Александр КАЗИН. Новые «средненькие европейцы»?	244
Валерий ГАБРУСЕНКО. «Империя наоборот»	248

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Валерий ХАТЮШИН. Протуберанцы. Размышления и воспоминания. Продолжение	250
---	-----

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Наталья ЕГОРОВА. «От меня это было...»	261
---	-----

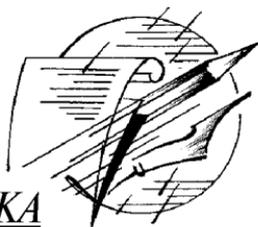
ИСКУССТВО

Татьяна НИКОЛЬСКАЯ. Народ безмолвствует	273
Содержание за 2020 год	283

Александр КАЗИН,
доктор философских наук, профессор

«АНГЕЛ СВЯЩЕННОЙ БРАНИ»

2020 год войдет в историю тремя событиями: пандемией коронавируса, либеральными бунтами в США и Европе и принятием обновленной Конституции в России. Понятно, что пандемия упоминается здесь как социальное событие, обострившее многие общественные болезни. Что касается антирасистских по поводу и антигосударственных по существу протестов в Америке и Европе, то они являются очевидным свидетельством того, что «закат Европы» (в более точном переводе — «Закат Западного мира» — «Der Untergang des Abendlandes»), о котором пророчествовал Шпенглер сто лет назад, достиг в начале XXI века своей идейной зрелости. Наконец, итоги голосования по поправкам к российской Конституции стали, в свою очередь, знаком политической и, главное, духовной мудрости русского народа (и других традиционалистских народов России), не желающих, подобно самодостаточным носителям позитивистской англо-американской ментальности, расплываться в пустой «свободе без берегов», но стремящихся, напротив, сохранить сакральную вертикаль своего национального существования, каким бы именем она ни называлась.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Конечно, Европа, подобно другим ключевым цивилизациям, начала свой исторический путь с религиозно освященной власти. Яснее всех эту священную природу государственности отразил в своих «Законах» Платон, для которого порядок социума являлся прямым продолжением гармонии космоса. Правда, уже в Риме статуя кесаря нашла себе место в храме рядом со статуей Юпитера. Католическая церковь оказалась во многом продолжением римской державы — князь-папа, борьба за светскую власть, «папоцезаризм» и т.п. Эпоха Ренессанса — начало модерна — только усилила эту роковую для Запада антропоцентрическую тенденцию. Точка сборки власти в период Возрождения сместилась от сакрального к светскому, от религиозного к гуманистическому. Именно человек в эпоху Ренессанса сделался мерой всех вещей, результатом чего оказались, с одной стороны, Реформация (община вместо Церкви), а с другой — то, что впоследствии получило название капитализма, с его свободным предпринимателем-буржуа, не зависящим ни от кого, кроме самого себя («невидимая рука рынка»). Последующие буржуазные революции отодвинули («освободили») сектор власти в Европе ещё дальше от центра — от религии к экономике, в сторону материально-хозяйственной жизни вообще. Не случайно XIX столетие произвело на свет марксизм — эту, при всей её диалектике, редуционистскую (снижающую) теорию, подозревающую человека в том, что он, в конечном счете, только «экономический персонаж». Об этом «железном» веке верно написал в своё время Александр Блок:

*Но тот, кто двигал, управляя
Марионетками всех стран, —
Тот знал, что делал, насылая
Гуманистический туман:
Там, в сером и гнилом тумане,
Увяла плоть, и дух погас,
И ангел сам священной брани,
Казалось, отлетел от нас.*

Сущность человека не сводится к экономике, гуманизму и свободе, «ангел священной брани» отлетает от такого человека и такого общества — вот чего, по факту, не понял в своей Большой истории (метаистории) гений Запада. И это в очередной раз (пожалуй, впервые в таком масштабе после «революции воображения» 1968 года) продемонстрировали массовые беспорядки в Америке/Европе, с одной стороны, и голосование по Конституции в России — с другой.

Чего хотели — и хотят — чёрные и белые бунтари на улицах Нью-Йорка, Чикаго и Лондона? Зачем они крушили на своем пути не только роскошные витрины, но и памятники истории? Чем им помешали не только генералы американской южной Конфедерации, но и государственники Севера, и сам Христофор Колумб, а в Европе — Уинстон Черчилль? И даже изображения Христа некоторые предлагали перекрасить в черный цвет из соображений политкорректности и расового равенства...

Ясно, что дело тут не только, и не столько в гибели от рук полиции потомка африканских рабов, которого хоронили в золотом гробу, поклоняясь при этом как идолу и заставляя всех (в том числе полицейских) становиться на колени — дело в **утрате современным Западом начала координат собственного существования**. Марксисты говорят, что в кризисе виноват капитал, как катком вытаптывающий всё, что ему мешает, — веру, государственность, национальную традицию, культуру, даже имя и пол человека. Но это и означает, что западная цивилизация уничтожает самое себя, поскольку её единство, даже поверхностное, вроде государства как «ночного сторожа» — не может держаться только на долларе. Для этого нужны совсем другие скрепы — именно те, о которых размышлял ещё Платон. Сегодняшняя Америка, как показали события лета 2020 года, представляет собой пестрый набор экономических, информационных, расовых и сексуальных меньшинств, малых и средних диаспор, не только не поддерживающих, но глубинно враждебных друг другу (трайбализм), на фоне чего избирательная распря республиканцев и демократов может показаться детской возней в песочнице. Те и другие используют любые нигилистические тренды в своих целях, как будто не замечая, что им нечего предложить людям в качестве идеала: свобода от всего высокого и право на всё низкое в Евроатлантике уже достигнуты (т.н. «новая нормальность»).

Это состояние мира предсказано Достоевским устами Великого Инквизитора: «О, мы разрешим им и грех, они слабы и бессильны, и они будут любить нас как дети за то, что мы им позволим грешить». «Ангел священной брани» — божественный луч — не освящает подобный социум: погруженные в своё «слишком человеческое» люди не замечают его, и он покидает их, оставляя сиротами, со всей их безбрежной либертарианской свободой и неприкосновенным правом человека... перестать им быть (трансгуманизм). Часть евроамериканцев (особенно молодежи) почувствовала себя обманутой и покинутой своими мыслителями, своими знаме-

нитыми художниками и музыкантами, своими лукавыми политиками — всеми проповедниками религии *антропоцентризма* (человекобожества). Как писал тот же Достоевский, «свобода, свободный ум и наука заведут их в такие дебри и поставят пред такими чудами и неразрешимыми тайнами, что одни из них, непокорные и свирепые, истребят себя самих, другие, непокорные, но малосильные, истребят друг друга, а третьи, оставшиеся, слабосильные и несчастные, приползут к ногам нашим и возопиют к нам: «Да, вы были правы, вы одни владели тайной, и мы возвращаемся к вам, спасите нас от себя самих».

Вот и крушат памятники королям и законодателям возмущенные толпы (отнюдь не только чёрные) — они просили у своей гордой цивилизации духовного хлеба, а та протянула им камень в виде почти пустых церквей, виртуальной фантастики (от наркотиков до 5g) и реальной бессмыслицы бытия. Им говорили, что прогресс заключается в возрастании свободы, но не объяснили, в чём содержание и цель этой свободы. Им говорили, что западные ценности — самые разумные на планете («всё действительное разумно, всё разумное действительно»), и автор этой формулы не постеснялся приписать своей логике божественное достоинство, но на деле оказалось, что прав был не профессор Гегель, а бельгийский художник Рене Магритт, едко посмеявшийся в своё время над подобными сверхчеловеческими претензиями «чистого разума». На его картине под названием «Каникулы Гегеля» изображен раскрытый зонтик со стаканом воды на верхушке: чуть наклонишь зонтик — изменишь точку зрения на вещи — вода прольется, и вся величественная логика вместе с диалектикой рассыплется прахом.

Бог Запада действительно умер — и потому началось разрушение его знаков и символов. Скоро, вероятно, дойдет до храмов и университетов. Воинственные негритянские группировки США уже потребовали себе Техас, а индейцы — Оклахому. Существует предположение, что следующим президентом Америки будет одноногая негритянка лесбийской ориентации — очевидно, только такой персонаж сможет удовлетворить многие (хотя, конечно, далеко не все) меньшинства, которые на наших глазах делят между собой грозную заокеанскую империю. Чего стоит один радужный флаг, поднятый над американским посольством в Москве рядом с государственным звездно-полосатым штандартом США!

Против всего этого и вышла на улицы американских и европейских городов запутавшаяся в своих союзниках и противниках молодежь. Я не оправдываю варварства, но, в сущ-

ности, эта молодежь протестует против самой себя, не зная, что ей делать в этом «сверкающем граде на холме». Критика полиции оказалась, по сути, критикой ценностно-смысловой нищеты защищаемого ею порядка вещей, и хотя накал выступлений после месяца яростного штурма постепенно снизился, огонь бунта тлеет внутри «общества потребления» постоянно. Не случайно в Америке и Европе популярен троцкизм. Перманентная революция XX—XXI веков началась в России 1917 года убийством Царской семьи и сносом памятников правящей династии (к счастью, не всех), продолжилась выносом тела Сталина из мавзолея и недавним «ленинопадом» на Украине, и вот теперь вернулась в Америку, откуда и приплыл на парохоме в Россию изобретатель этой перманентной теории. Змея кусает себя за собственный хвост. С точки зрения не-Запада — например, Индии, Китая, исламской уммы — белой расе больше нечего предложить человечеству: духовно она мертва.

Как пишет отказавшаяся недавно от сотрудничества с бывшим «идеалом свободной печати» — газетой «Нью-Йорк таймс» — журналистка Bari Weiss, в «американской прессе, и особенно в этой газете, возник новый консенсус, что де истина является не результатом коллективного поиска, а ортодоксией, известной просвещенному меньшинству, чья работа — информировать всех остальных». Это и есть либеральный террор «истины, известной просвещенному меньшинству» — террор *небытия, пустоты, как основы сущего*. Но об этом — молчок. Об отлетевшем ангеле — ни слова. Великий инквизитор не велел.

Что касается России, то в ней также имели и имеют место описанные процессы. У нас тоже выходят группы «рассерженной» молодежи на улицы городов — правда, памятники после 1991 года пока не сносили. Однако решительное отличие России от Америки/Европы в том, что анархистские движения представляют у нас преимущественно феномен субкультурных слоёв «возраста несогласия», когда всё равно, с чем не соглашаться («праздник непослушания»). Материк русского «глубинного народа» пока несокрушим, хотя и подъеден с разных сторон либеральным соблазном. Коренная народная интуиция на всем протяжении отечественной истории воспроизводит примерно одну и ту же религиозно-социальную матрицу — легитимистскую или народную монархию.

«Ангел священной брани» пока с нами, и не дай Бог, если он и нас покинет — на этот раз мало не покажется не только самой России, но и всему миру. В Америке и Европе либе-

ральные революционеры только примериваются к государственности (и потому не выносят Трампа) — наше государство уже дважды разрушалось ими за XX век, но каждый раз восстанавливалось именно благодаря «глубинному народу» и его вождям. В этом и заключается смысл русских революций. Даст Бог, так будет и впредь. Русская православная цивилизация — это последняя надежда на осуществление христианского благовестия на земле хотя бы в тех относительных пределах, которые предположены Христом для этого падшего мира. Либеральные критики «кремлевской деспотии» этого не понимают — или, наоборот, понимают, но потому и воюют с ней. В последнее время откровенно высказывается мысль, что единственный способ исправить Россию — это избавиться от неё вообще. Со своей стороны, В. Путин задал вопрос: а зачем нам мир без России?

В заключение подчеркну, что последние американско-европейские бунты включают в себя, по меньшей мере, четыре ключевых аспекта: 1 — элементарное (в том числе возрастное) хулиганство; 2 — классовый (социалистический) вызов бедных богатым; 3 — протест (отчасти справедливый) черных против работорговли и расизма белых; 4 — наконец, главное — отрицание самих культурных и экзистенциальных основ общества, лишённого Бога, с заменой Его инквизиторским разрешением на грех и эстетизированное самоубийство. Я пишу это с печалью, потому что речь идёт о наших западных единоверцах, и особенно молодежи, живущей в темном пространстве интернета. Российскую молодежь тоже пытаются увлечь на этот путь — от блогеров из того же интернета до либеральных профессоров университетов. **За Россией стоит другая история и культура.** У нас не было межконтинентальной работорговли, а включённые в Российскую империю племена становились её органической частью (в том числе частью её аристократии) и защищали подчас её решительнее самих русских. Как писал А.С. Пушкин, «Россия никогда не имела ничего общего с остальной Европой; здесь нужна другая мысль, другая формула».

Вот сейчас мы эту формулу и осуществляем.

ГРОМКАЯ ЧИТКА

ПОВЕСТЬ

Писательские территории

Писатели, особенно в России, самые настоящие владельцы территорий. Как Питер, так Пушкин да Достоевский, да приставший к ним Блок. Как Москва, так опять же Пушкин, да приставший Булгаков. Как Тамань, так Лермонтов, как Ялта, так Чехов. Как Рязань, так Есенин. Как Север, так Шергин. Из современников: как Енисей, так Астафьев, как Байкал, так Распутин, как Вологда, так Белов. Можно продолжить: Дагестан — Гамзатов, Башкирия — Мустай Карим, Калмыкия — Давид Кугульдинов, Грузия — Думбадзе, Чиладзе, Молдавия — Друце, Чобану, Латвия — Вилис Лацис... Словом, не занятых территорий нет.

И вот я попал первый раз в Ялту, иду по набережной, и сразу соображаю: да, вот тут гуляла уехавшая от мужа дама с собачкой, и тут встретил её уехавший от жены Гуров, герой повести. Реально гуляли, даже в этом не сомневаешься. Хотя ирреальны, выдуманы, сочинены, иллюзия, галлюцинация, виртуальность. Нет, в том и штука — живые. Как иначе: имеют имя. А оно даётся при крещении.

ПРОЗА

Не крещёные? Тогда как им умирать? А они не умрут: им Чехов бессмертие дал. А кто он такой, чтобы людьми распоряжаться? Он писатель. А-а. Вот оно как бывает.

Первый раз был в Ялтинском Доме творчества, да ещё в таком элитно-престижном, да ещё в бархатный сезон — золотая осень — в самом начале 70-х годов уже прошлого века. А вроде так недавно, и так радостно и ярко помнится. Сам и помыслить бы не мог о таком счастье жизни, но помог очень знаменитый тогда писатель Владимир Тендряков, земляк. Не у одних евреев солидарность, у вятских людей тоже. Я работал редактором в издательстве «Современник» и мне досталась для редактирования его книга. Редактировать знаменитого Тендрякова? Смешно! Я очень даже робел перед ним, но после первых встреч увидел, что он начисто лишён даже тени славолюбия, прост, с юмором. Я осмелился показать ему свои рассказы, составлял первую книгу. Владимир Фёдорович их прочёл и сам вызвался написать предисловие. Конечно, оно помогло рукописи продвигаться. Он-то и предложил вместе поехать в Ялту. Хотя формально я не мог претендовать на путёвку в Дом творчества: не член Союза писателей. Но его жена, красавица Наталья Григорьевна, всё прекрасно устроила. Я заплатил за путёвку. Вроде и немного, но сразу скажу, что для нас с женой и это было трудно: выплачивали кредит за кооператив, но жена радовалась за меня, и отказалась от покупки осенних туфель — купил билет и, через три дня после Тендряковых, оказался в Крыму. От вокзала Симферополя троллейбусом до Ялты, там, от остановки поднялся по восхитительной змееобразной дороге среди вовсю цветущей зелени и вот: предел мечтаний — я в Доме творчества.

В регистратуре спросил о Тендряковых. Да, здесь, живут на втором этаже. Он каждое утро бегаёт к морю. Оказываются, они говорили им обо мне. Что приеду, что хотя я и не член Союза писателей, но писатель. Мне уже выделено место жительства. Не апартаменты, а служебная комната с маленьким окном, выходящим во двор. Кровати нет, только диван. Но это для меня был такой восторг! Стол есть. Чего ещё писателю нужно: голову с собой привёз, не забыл.

В комнате громко работало радио. «Мицно время двенадцать годин, двадцать хвилин», — услышал я. А вскоре радио поведало, что «погода буде хмарна, без опадив». Радио, чтоб не мешало, выключил.

Прежний житель этого помещения, сантехник, высокий и белокурый, был первым моим знакомым в Доме творчества. Он особо со мной не церемонился, да и я с ним.

Познакомились.

— Александр, — сказал он, — с утра Сашкой звали. А здесь вообще Сашок. Сашок и Сашок. А уже тридцать пять. А за что тебя сюда загнали? Со мной сравнили. За меня не переживай, у меня в городе комната в коммуналке. Тут иногда падал на пересыпку или когда ночью что случалось. Не могли тебе номер дать?

— Мордой не вышел.

— Но ты разрешишь иногда зайти, пересидеть полчасика?

В дверь постучала и вошла дежурная:

— Сашок, на тебя заявка. С кухни. Срочно. Позвоню, что ты уже идёшь. — И исчезла.

— Беру под козырёк, — отвечал он ей, а мне добавил: — Что бы у них было, когда бы не было меня. И солнце б не вставало. Иду! — Потянулся. — Эх, не пора ли нам, пора сделать то же, что вчера. — И мне: — Принимаешь? Вечером посидим? А? Земеля! Душа винтом! Тут у меня и стакан свой персональный. И один запасной. Пользуйся. Не давай им простаивать.

— Ни в коем случае, — твёрдо ответил я. — Я приехал работать!

— А кто не даёт, работай. Но и жизнь не упускай. А то жизнь пройдёт, и жизни не заметишь. Работа! С работы конидохнут. Молодой, успеешь нагорбатиться.

— Ни за что! Пить и в Москве можно...

— И нужно! — вставил Сашок.

— Я с таким трудом вырвал время для работы, нет, Саша, не соблазняй.

— Ну, смотри, а я, как пионер, всегда готов.

Творческий режим

Конечно, хотелось скорее увидеть наставника, как я про себя называл Тендрякова, но не посмел беспокоить. Я уже знал, что он — человек железной дисциплины. Несомненно, работает. Он сам, перед обедом, меня нашёл. Осмотрел мою келью, проверил, есть ли в кране вода, посмотрелся в зеркало над раковиной, хмыкнул, одобрительно посмотрел на стол, на котором я уже поставил пишущую машинку и разложил бумаги.

— Всё! Жить можно! Идём обедать. Место тебе мы заняли, сидим за одним столом. Втроём. Я четвёртого просил не подсаживать: лишние разговоры.

На крыльце ждала Наталия Григорьевна. С Владимиром Фёдоровичем исключительно все здоровались. В том числе и

знаменитости, известные мне по книгам. Но он особо в разговоры не вступал. Пришли по дорожкам меж цветников из главного корпуса в обеденный. Просторный обеденный зал ресторана был полнѐхонек. Полон приятной музыки, которая звучала поверх разговоров, звяканья ложек и вилок.

Во время обеда Владимир Фѐдорович объявил мне мои обязанности:

— Ни с кем не останавливайся, в разговорах не вязни, никаких шахмат, никакого бильярда, никакого трѐпа, никакого всякого остального! Позавтракал — бегом за стол! Краткая прогулка — опять за стол! Пообедал — спать на час-полтора: кровь после обеда должна быть в желудке, а не в голове. Проснулся за стол! Только так! Каждый вечер тут кино, фильмы берут с закрытых показов, но не увлекайся, ничего это не даёт. Ну, увидишь постели, драки, и что?

— Володя, — вставила слово Наталия Григорьевна, — сегодня «Гений дзюдо».

— Да, это надо, — согласился Владимир Фѐдорович, — увидишь, как победы достаются. И — никакого любования морем: не курортник — ломовая лошадь. Но с утра, — он назидательно вознёс указательный палец, — до завтрака бежим к морю и заплываем. То, что ты умеешь плавать, не сомневаюсь: ты — парень вятский.

— Володя, — попробовала остановить его жена, — через неделю ноябрь. Это ты такой ненормальный, а ему зачем?

— Тоже для работы, — хладнокровно отвечал мой наставник. — Да, и ещё: питайся как следует, здесь кормят от пуза...

— Володя!

— А что, неправда? Тут осенью самый цвет из всех республик, сплошные ходячие памятники. Номенклатура. Литфонд старается всех убажить. В общем, налегай на калории. Надо голову питать. От писательства устаёшь больше, чем от физической работы. Там землю покопал, лес повалил, шпалы поукладывал, на тракторе посидел — поел и спать. И голова свободна. У нас она работает даже не в две-три смены, круглосуточно. Или у тебя не так? Ты ночью вскакиваешь что-нибудь записать? Да? Тогда всё в порядке. И вскакиваешь, и просыпаешься уставший. Вот почему надо взбадривать себя купанием и поддерживать питанием. Значит, так. Заканчиваю инструкцию: в шесть пятнадцать ты одет, обут, хотя можешь и босиком бежать...

— Володя!

— Одет, обут, уже в плавках, сухие трусы и полотенце под мышкой, стоишь у выхода. Через секунду я выскакиваю, и, ни слова не говоря, с места бегом к морю, к водным процеду-

рам. Молча. Каждый думает о том, на чём вчера закончил работу и о том, с чего сегодня начнёт продолжать. Дышать носом, выдыхать ртом. Не уставать, не отдыхать. Прибежали — сразу в воду. Заплыли — выплыли, растёрлись — обратно. Если за мной не будешь успевать — ничего страшного, отставай, придёшь один: дорогу знаешь. На завтраке дватри слова и — по коням! Ни с кем не разговаривай, знакомств не заводи. А то классики любят при себе молодых держать. Чтоб их жён на прогулку выводить, да для них за мороженым бегать.

— Володя!

— Всё! — скомандовал учитель. — Иди! Садись за стол! Не пишется, всё равно сиди. Не смей из-за стола вставать. Дверь не закрывай, ибо могу прийти проверить, работаешь или нет.

Что было возразить? Конечно, он никогда не проверял и ни о чём не спрашивал. А Наталия Григорьевна, чувствуя мои страдания, утешала:

— В следующий раз приезжайте с женой. И всё пойдёт. А в Москве приходите с ней к нам на её выучку. Писательская жена — это жена самая страдающая. Писателю, когда он работает, всегда ни до кого. Дело писательской жены одно — не мешать мужу, скрываться с его глаз. Но в нужное время оказываться, быть рядом. Как угадать это нужное время — это главное. Тут никто не поможет.

Второй знакомый

Пошёл в свой малооконный рабочий кабинет. И тут же нарушил запрет учителя — ни с кем не знакомиться. Не по своей вине: меня перехватил писатель из западной Сибири. Он, оказывается, бывал в нашем издательстве, и там меня видел. Сергей. Да и я, вроде, тоже. Старше меня, уже с книгами, уже член Союза писателей. Поджарый, энергичный.

Сразу, сходу попросил меня взять на редактирование его рукопись.

— Давай на ты, чего там церемониться: одно дело делаем. Прошу: веди мою книгу. Я бабам не очень верю. Они как корректорши — это неплохо, а когда лезут в текст, так прямо как в душу. Да они все у вас городские, причём блатные, дочери всяких секретарей Союза писателей. Разве не так? Что они, голодали, что ли, со мной в моём детстве? Чего понимают в жизни? Жили с пайками, не мёрзли.

Этот Сергей знал про моё издательство больше, чем я. Это вообще присуще провинциалам. Сплетни и новости московские им более, чем москвичам, всегда ведомы. Так что, уехав

из Москвы, попал я на московские разговоры. На мою беду этот Серёжа приехал в Ялту ещё и с капитальцем. Откуда денежки, не скрывал.

— Я пробил договор под соцзаказ. Аванец приличный. Так что пора пропивать. Помогай! Ты первый день? Я неделю уже, тут выпить не с кем. Тихо сам с собою я веду беседу. Понемногу поддаю.

— А с этим сантехником не пил?

— Да как-то в рассуждение даже не брал. А о чём с ним говорить? Знаешь ведь анекдот: двое ловят третьего, взяли штуку, расплескали. Третий утёрся, говорит: Ну, всё, парни, побежал. — Куда? — А поговорить? Пьём-то ведь не для пьянства, для общения. О, слушай, пока не забыл. Про второй фронт. Они же, Черчилль и Рузвельт, разве нас любили? Жди! Ненавидели. Дождёшься от них. Выжидали, кто кого свалит. Только после Сталинграда сообразили, что и без них обойдёмся, стали шевелиться. Адо этого вот анекдот. Фронтовой. «Ну, как там второй фронт?» — Да вроде немножко прочерчиллевиется. Но пока всё безрузвельтивно». Вот русский язык. Только нам и понятно. А расскажи китайцу, не поймёт. Японцу там.

И слопал у меня этот Серёжа часа полтора. И спросить было неудобно, зачем он в Дом творчества приехал? Анекдоты травить? Знал он их массу. И знал, например, что председатель Правления Союза писателей России Леонид Соболев часто ходил к Хрущёву, и тот всегда ждал его со свежими анекдотами.

— Ну, однажды он Никите не угодил. Тогда же был лозунг «Догоним и перегоним Америку» по всяким показателям.

— Да, — подержал я, — на токарном станке работал, назывался ДИП-200, то есть догоним и перегоним.

— Ну, вот именно. А Никите говорят: «Догнать можно, перегонять нельзя» — «Почему?» — «Голую задницу увидят». А в миллиард сгоняем?

— Серёжа, не могу, — и тут я соврал: — мне надо ещё обязательно на почту. Домой позвонить. — Хотя, честно сказать, собирался сидеть над рукописью. Звонить вечером.

— Я с тобой. Тоже давно не звонил. Тут, я покажу, по дороге к морю, не доходя до бульвара, есть автомат. А рядом газетный киоск, деньги меняют. Телефон и в Доме творчества есть. Но он занят постоянно. Ты послушай их разговоры: Сёмочка, не забывай гаммы, Сёмочка, не забывай тёплый шарфик. Сёмочка, ты помнишь свою бабушку?

Что ты будешь делать? Пошли звонить. По дороге он ещё угощал анекдотами, в основном, «чапаевскими».

— Василий Иванович, — говорит Петька, — белого в плен взяли. Знаешь, как я его пытал? — Как? — Вечером напоил вусмерть, утром опохмелиться не дал. — Садисты ты, Петька. Да, вот тебе политический: Ленин показал, как надо управлять государством, Сталин показал, как не надо, Хрущёв показал, что государством управлять может каждый, Брежнев показал, что государством можно вообще не управлять.

Позвонил домой. У них холодно. Отопление пока не включили. Дочка простыла, сидит дома. «За нас не беспокойся, — сказала жена, — у нас всё хорошо. Работай спокойно».

Серёжа пошёл в «разливуху», уличную пивную, но не пивом торгующую, а вином в разлив.

— Ленин в разливе. Помнишь такую картину? Там с ним Зиновьев был, говоря по-русски, Апфельбаум.

Выше уровня моря

В общем, я вернулся в свою комнату, сел за стол и понял, что не напишу ни строчки. Даже не из-за Сергея. Что-то сразу не пошло у меня. Может, от того, что встретились несколько знаменитостей. И пришлось поздороваться. Тут уже я сам вспомнил, не анекдот, а историческую быль: Павел I пригласил Державина на приём в дворцовую библиотеку и, указывая на бесчисленные шкафы с книгами, сказал: «Вот ведь, Гавриил Романович, сколько уже написано, а всё пишут и пишут». Что Державин ответил, не знаю. Наверное, вроде того, что: «Они ничего другого делать не умеют».

И я решил посетить библиотеку Дома творчества. Это и Владимир Фёдорович не запретит. В библиотеке не было никого. Ну, конечно, позавтракали творцы, сидят, молотят. А их продукция, вот она. Огромный отдел книг с автографами бывавших здесь прозаиков и поэтов. Подумал: может, когда и моя книга тут будет? И тут же, охлаждая сию мечту, высветился вопрос: «И что это изменит?» Эти сотни томов, толстых и тонких, что изменили? Тоже, небось, дерзали вразумить человечество.

Походил по территории, вышел за неё, поднялся повыше. Долго искал точку, с которой пространство было бы ничем не закрыто — всё сплошь заросли деревьев и кустарников. Поднялся к огромной крымской сосне, я её издали заметил. У меня в Вятке соснам нет такого простора, чтобы совершенно, не думая о других, распространять свои ветви, занимая ими свет и воздух. Там сосны как свечи. И называются они корабельными. А эта сосна, развалистая, разлапистая, других к себе не подпускает. А какие шишки на ней, ближе к верши-

не, открылись. Тут же решил обязательно сорвать одну на память.

Лазить по деревьям — дело знакомое. Покарабкался. Конечно, посадил на рубаше и на брюках пятна смолы. Ладно, не на танцы ходить. Сверху всё более открывался морской горизонт. И расширялся обзор на горы, которые казались всё выше, а море отодвигалось, распахивалось и тоже вздымалось.

А огромные шишки росли не у ствола, а на концах ветвей. Хотя ветви были толстенные, появилось опасение, что они подо мной хрустнут. Но будь что будет. Решился. Выбрал одну, толстую, крепкую на взгляд, и пополз по ней. Ветвь покачивалась, но держала. Желанная шишка близилась. Я поглядывал вдаль, на корабли и лодки, и вдруг взглянул вниз — даже голову крутануло: как же я высоко! Передохнул. Стал откручивать шишку, будто отлитую из осенней бронзы. Пока откручивал, решил сегодня же послать её дочери. Смолистый запах убьёт простудные бактерии, дочка выздоровеет. Да и полюбуется.

Открутил, засунул под рубаху. Полез обратно. Пятиться, потом ползти вдоль ствола вниз было труднее. Но справился.

Зашёл в номер, взял деньги и отправился вниз, на почту. По дороге набрал ещё ягодок с шиповника, мелких ярких цветочков, веточку можжевельника. На почте купил коробочку, всё в неё уложил, черкнул записку, закрыл. Когда коробочку завернули в белую бумагу, я написал на ней адрес. Коробочку взвесили и присоединили к другим посылкам. Моя была самая маленькая.

И ещё, не утерпел, пошёл к телефону, по которому недавно звонил. И дозвонился, и услышал родные голоса. «Не звони, не волнуйся, не трать деньги, у нас всё хорошо».

Прошёлся по набережной. И — смешно — увидел нескольких дам с собачками. Вот как литература заразительна. Ходили же в Петрограде блоковские «незнакомки» с чёрной розой в волосах. Утверждали, что это именно они и есть.

Вернулся в Дом творчества. Время обеда. И обед прошёл. Владимир Фёдорович ни о чём не расспрашивал. Видно было: весь в работе. Я вернулся в номер. Лёг спать. И спал до ужина.

А потом пошёл в кино. Гений дзюдо меня мало утешил. Только и запомнилось, как он учился у кошки становиться на ноги. Он берёт кошку за четыре лапы, поднимает и отпускает. Она в воздухе ловко переворачивается и приземляется на все четыре. И песня лезла в голову, жалостливая, из другого фильма: «У кошки четыре ноги, а еще у неё длинный хвост. Но трогать её не моги за её малый рост, малый рост».

И потекли «творческие» дни. Утро. Бежим к морю. Молча. Прибегаем. На весь берег мы одни такие ненормальные. На нас, уже в осенних пальто и куртках, приходят смотреть. Наставник учит:

— Разделся — не сидеть. Вспотеешь, может просквозить. В воду! Сразу! Сколько можешь, проплыви. Обратно. Растирайся до красноты. Оделись — сразу бежать. Смотри, дышишь плохо, неровно, судорожно. Дыхалку тренируй. Выдыхаешь носом: раз-два-три-четыре, выдыхаешь ртом: раз-два. В армии гоняли?

— Ещё бы.

— Основа есть. Здоровье для писателя — первое дело. Чего ты напишешь, когда будешь весь в соплях. Ну, побежали.

И обратно молча бежим. Конечно, медленнее: в гору.

Там завтрак, там тупое сидение за столом. То, что собирался делать, стало почему-то неинтересным. Привёз и заготовки, черновики. Перебираю — ничего не хочется доводить до ума. Одно дело делал — три дня читал и писал рецензии на привезённые рукописи. Крепко забил голову текстами рукописей о рабочем классе и колхозном крестьянстве. А также о счастье прихода в Россию революции. Что делать — это мой заработок. Отсылал их бандеролью в издательство. Звонил, конечно, домой. Жена жалела, что много прозваниваю. Но я без их голосов не мог. Посылочку мою они, к моей радости, через два дня получили. Шишка крымской сосны стала украшением стола на кухне. Этот факт я лично сам рассказал «своей» сосне, к которой полюбил подниматься.

Но — хоть стреляйся — не писалось. Даже, для настройки на работу, перечитал, сидя у сосны, «Капитанскую дочку». Ничего не настраивалось, только понял своё ничтожество: так же мне не написать.

Ходил по набережной. Поднимался по канатной дороге на самый верх над городом. Уходил повыше, находил место потише, дышал простором. К обеду воздух горячел, осенние, предзимние травы напоследок оставляли о себе память наркотическим запахом. Посещал и библиотеку, там всегда никого не было. Спокойно, светло, много окон. Пролистывал книги с автографами авторов, написанные именно здесь. Ну, так-то, как они, может, и напишу, но зачем, если только так?

Владимир Федорович сидел в своём номере безвылазно. Вечером они уходили гулять. Иногда и меня приглашали. Он тогда писал повесть «Ночь после выпуска». И ещё статью для «Правды» о бригадном подряде. Его возмущало, что

бригады южных людей, армян, молдаван, гуцулов, перебивают заказы у местных мастеров на строительство. А начальство местное нанимает приезжих, оправдывая это тем, что приезжие работают быстрее. Всё так, но у местных ещё и свой дом, домашнее хозяйство, дети. А платят им меньше, чем приезжим. Почему? Те работают аккордно, по договору, у местных зарплата или трудодни. Как ни работай, больше не заплатят. А ещё в минусе то, что приезжие могут и подхалтурить, где-то понебрежничать, для скорости могут, как выражаются строители, шурупы не ввинчивать, а заколачивать как гвозди. Сверху глядеть — красиво, а внутри разорванная резьбой древесина, удобная для загнивания. Много всего. Стены кирпичные кладут, торопятся, экономят. Кладут в один кирпич, другой ряд, параллельно, так же, а пустоту засыпают чем угодно. Разве сохранит тепло такая стена.

Это мы с ним, как люди сельские, знали досконально и обсуждали со знанием дела. Он вообще считал, что аккордная оплата труда поможет поднять колхозы.

— Почему же своим не дать заработать? — возмутился Владимир Фёдорович.

Такие разговоры вряд ли нравились Наталье Григорьевне.

Утренние пробежки соблюдались неукоснительно. Дождь не дождь — бежим. Однажды утром с нами побежал и Сергей. Но только один раз. На берегу сказал, что в воду не пойдёт, у него от холода сводит икроножные мышцы. Потом, когда вместе шли на завтрак, объяснил:

— Я эту группу икроножных мышц надорвал, когда занимался бегом на короткие дистанции. Я спринтер, — объяснил он, — я человек рывка. А тут надо стайером быть. Я и пишу так. С низкого старта резко, и пошёл-пошёл до финишной ленточки. Я тут, тебя ещё не было, повестушку намахал за неделю. Прямо на машинке настучал. Там, у себя, я тебе рассказывал, соцказак через обком выбил. Лозунг «Всем классом на ферму!» Поддержка призыва партии. То есть выпускники не в институты едут поступать, а остаются в колхозе. Тут и сюжет. Одна девчонка у меня говорит: «А я хочу врачом быть». А парторг: «Кто же тогда будет поднимать отстающие колхозы? — И так ей отечески: — Ты всё успеешь, ты ещё молодая, поработай для познания жизни два года». А в городе идёт движение: «Всем классом на завод!» Там другие проблемы: борьба сознательной молодёжи со стилистами, фарцовщиками.

— А ты напиши ещё: «Всем классом в литературу!»

— Ладно, не поддевай, — отмахнулся он, — я ж только для заработка. Для души я тоже делаю, давно строгаю одну вещь,

но, — он постучал костяшками пальцев по перилам крыльца, — тьфу-тьфу, не сглазить, не буду разглашать.

Катание шаров

После завтрака он всё-таки затащил меня в пустую бильярдную. И я согласился сгонять партию. Проклинал себя: нарушаю запрет учителя, но и оправдывался перед собой: всё равно же не пишется. И надо же акклиматизироваться.

Сергей меня, конечно, обстучал. Хотя к концу партии мои руки и глаза, наверное, вспомнили, как, бывало, игрывал в клубе нашей части, и пару-тройку «чужаков» от двух бортов в среднюю лузу вогнал. Что называется, разогрелся. И сам предложил:

— Давай ещё одну.

Уж очень хороши были здесь шары, медово-жёлтые, из слоновой кости, стучали друг о друга как-то по-особому, не звонко и не глухо, а чётко, как будто команду отдавали. Армейские были так избиты, с такими выщербинами, и так самостоятельны, что сами решали, куда им двигаться после пинка кием, могли и свернуть от приказанного направления.

Во время второй партии Сергей доверил мне свою заветную мечту: переехать в Москву. Мечта эта была вполне осуществима. Надо было просто жениться на москвичке.

— Смотри, — сказал он, — ты этих писателей всех знаешь, даже фамилий не буду называть. Они там у себя, в областях, делали первые шаги, чего-то добивались, в Союз вступали, потом с женами разводились, а в Москве женились. Из Петрозаводска, из Архангельска, из Оренбурга, Барнаула, Иркутска, Кургана, Кирова... Да ты их знаешь. И дела у них пошли. Даже не от того, что ближе к кормушке, в Москве же общение, жизнь кипит. В провинции задохнёшься, я тебе говорю. Болото. А вражда! Десять членов союза — три партии. Вон и у Чехова сёстры кричат: «В Москву, в Москву!» Я зимой путёвку в Переделкино возьму. Там близко ездить до центра на электричке. У меня и наметки есть. Пару редакторш в издательствах присмотрел. Они, я по глазам чувствую, не против.

— Переспать с тобой?

— Нет, по серьёзному. Да вот хоть и в твоём издательстве. Вот эта, которая у меня редактор. Немножко в годах, но годится.

— Ты же говорил: не хочешь, чтоб книгу баба вела.

— Так то книга. А тут жена.

— И квартира?

— И это надо. Или готовая, или кооператив.

— Но твоя-то жена как? Теперешняя? — В этом месте я заколотил в угловую. И примеряясь к новому удару, заметил: — У меня все друзья женаты один раз. — Ударил. Промазал.

Сергей вытер тряпкой набелённые мелом пальцы.

— Понимаю. Тут же задаю ответные вопросы: А если женился по пьянке? А если дура оказалась? А если жить негде, коммуналка? Мне же писать надо! Если Бог талантом наградил, значит, надо реализовать. Так? Или не так? А если нет условий? Тёща сволочь, тесть пьёт и пилит. А если загуляла? А если ребёнка не хочет?

— И это всё одна?

— Нет, это варианты. У меня другое: у меня глухое непонимание, чем я занимаюсь. Ни во что не ставит. Напечатаюсь, показываю. Она: «А сколько заплатят?» Ты бы стал с такой жить?

— Так ведь и меня пилит. Если с парнями с гонорара выпью. А кого не пилит? Такая у них обязанность. Вчера перед кино случайно услышал, как этого, знаменитого, на втором, блатном этаже живёт, да знаешь, о ком говорю.

— Знаю. И что? Баба пилит? Так она у него третья. Я на второй остановлюсь. Только надо всё рассчитать.

— А как же любовь?

— Любовь? А что важнее: любовь или литература? Искусство поглощает целиком. Меня крепко вразумил один матёрый, ты должен знать, Фёдор Александрович, говорит: «Ты хотел быть писателем?» — Да. — «А зачем женился? А если женился, зачем ребёнок? Ты — писатель!» Но мне-то вначале надо в Москву переехать. Там решать. Нельзя время упускать, надо в литературу по уши, по макушку завинчиваться. Старичок! Навсегда сказан афоризм: кадры решают всё. А для писателя что есть кадры? Окружение. Оно его защищает, как свита короля.

Тут и он промазал. И воскликнул:

— Эх, хохол плачет, а жид скачет.

— Наоборот, — поправил я. — Жид плачет, хохол скачет. Знаешь ведь давнюю пословицу: — Где хохол прошёл, там евреям делать нечего.

Тут я благополучно и аккуратно закатил подряд три шарика и вышел в лидеры второй партии.

— Ещё? — раззадорился Сергей. — А? Третья, контрольная!

— Боюсь в разгон пойти, — отказался я. — Я человек заводной. Контрольную давай отложим. У тебя два тут срока пребывания, у меня один. Вообще давай считать, что ты победил.

Да, бильярд, с его сверкающими на зелёном бархате шарами, мог и затянуть. Да и все другие игры, в которых Сергей был мастер.

— А партийку в шах-маты, а?

— Я в них не мастак, знаю только, что конь ходит буквой гё.

— Я тоже так: едва, едва.

— Шахматы, они вождям полезней, — отвечал я словами Маяковского.

— Нам бильярд, отращивает глаз, — продолжил Сергей. — Нет, шахматами не пренебрегай. Смотри, евреи далеко не дураки. Если им неохота землю пахать, стали умом зарабатывать. Чемпионы сплошь они. Карпов только резко возвысился, да ещё раньше Алёхин. Но шахматы — это комбинации, они комбинаторы. У них Остап Бендер икона.

Больше в бильярдную я не ходил. А партнёром Сергея стал старичок-драматург, Сергей звал его Яшей, известный, кстати, драматург, который кормился идущими в театрах на периферии «датскими» постановками. Датскими, потому что к датам: Новый год, Восьмое марта, Первомай, Октябрьская. Но у них с Сергеем игры были на деньги.

— Я его заставлю платить, — говорил Сергей. — Ишь, устроился: шары катает, а ему денежки каплют. Или капают? Что в лоб, что по лбу. Евреи, где можно деньгу сшибить, тут они. Я в нашем областном театре делал инсценировку, ходил туда, читал им для труппы. Роли уже даже расписывали. И что? Конечно, не поставили. Они и знали, что не поставят. Это я, Ваня такой, меня легко обмануть. Нет, они чужих не кормят. Много ли русских ставят? Чуть-чуть Шукшина да Вампилова перед смертью. Отомщу, обставлю. Яша силён. Запрещает по отчеству называть. Худой, вроде еле живой, а привык по Домам творчества ездить, везде же бильярд, наблатыкался. Начали с рубля. Его, чувствую, затянуло. Пока я в минусе. Но это я его заманиваю.

Приглашение в сферы

Так как меня и в ресторане, и в кино видели всегда с Тендряковым, то и со мною стали здороваться. Вот интересно, властями Тендряков обласкан не был, а знаменитость его превышала многих со званиями и наградами. Что ни говори, а в писательском мире существует свой гамбургский счёт. Здесь, в Доме творчества был на отдыхе даже писатель Герой Социалистического труда. Таких в Союзе писателей было всего несколько. В обиходе таких героев называли Гертруда. Но это же женского рода. Правильнее было говорить Герт-

руд. Наш Гертруд нигде почти не показывался. А и он, я заметил, считал за честь пообщаться с Владимиром Фёдоровичем.

Как-то, уже ближе к середине срока, мы шли с завтрака. И, чего раньше не бывало, Владимир Фёдорович спросил:

— Ну как, идёт дело?

— Да трудновато, — в замешательстве ответил я.

— Это очень нормально. Иначе как? Надо, милый ты мой, сто раз перемучиться, пока пойдёт. Может, что считаешь нам с Наташей? Из готового?

— Ой, нет, ничего не готово, — я всерьёз испугался. И скрылся за авторитетом: — Хемингуэй писал о себе: «Я стал читать незаконченный рассказ, а ниже этого нельзя опуститься».

— Ладно, не опускайся, — засмеялся Владимир Фёдорович.

Тут нас тормознул классик одной из южных республик. Иона Маркович. Он на завтраки не ходил, завтракал в номере. Ему персонально привозили продукты из его республики. В том числе и вино.

Раскланялись.

— Владимир Фёдорович, позвольте попросить вас о большом одолжении. — Посмотрел на меня, протянул руку. Я представился. Понятно, что он, при его известности, мог и не представляться. Он притворился, что слышал обо мне. — Владимир Фёдорович, мы, на местах, у себя в республиках, конечно, отслеживаем настроения в Москве. И видим явные повороты в сторону поощрения фронтовой и деревенской темы. Астафьев, Ананьев, Бондарев, Бакланов, Быков, все на бэ, — улыбнулся он, — фронтовая плеяда. Вы, Троепольский, Абрамов, из молодых Белов, Распутин, Лихоносов, Потанин, Личутин, Краснов, Екимов — деревенская смена фронтовиков — это всё, так сказать, компасные стрелки генеральных линий. Очень правильно! Хватит нам этой хрущёвской показухи!

— Хватит, — весело согласился Владимир Фёдорович.

— Да! И особенно пленяет ваша смелость в изображении теневых сторон современности, нелицеприятный показ...

— Ладно, ладно! — прервал Владимир Фёдорович. — Чем могу служить?

— Видите, нас всегда вдохновляла русская литература.

— И что?

— Я ведь тоже из сельской местности. Правда, не совсем. У меня отец партработник, так что жили в центре, но я часто бывал у бабушки и дедушки. Они держали гусей и доверяли мне сопровождать их до речки...

— А в чём просьба? — опять перебил его Владимир Фёдорович. Я понимал, что ему не терпится сесть за стол.

— Короче говоря, я тоже решил писать в полную силу правды, ведь сколько мы пережили, надо успеть зафиксировать. Короче: послезавтра собираю близких людей, чтобы прочесть то, что пишу и попросить совета. И очень прошу удостоить честью. И вас, — адресовался он ко мне, — тоже. Послезавтра.

— А чего не сегодня, не завтра? — спросил Владимир Фёдорович.

— Но надо же подготовиться, заказать, чтобы привезли кое-что для дорогих гостей

Так я, благодаря учителю, был приглашён в общество небожителей. Классик Иона Маркович перечислил званных: все сплошь знаменитости, плюс два главных редактора толстых журналов, плюс Герой войны, маринист. Плюс два критика, как без них. Но, видимо, придёт из них кто-то один: они из враждующих лагерей.

Спецкурс критика

Одного критика я вскоре узнал лично. До этого знал заочно. Его все знали: со страниц не слезал. Писал, как о нём говорили, широкими мазками. Оперировал всякими амбивалентностями. И был до чрезвычайности смелым, ибо требовал от писателей смелости. Прямо Белинский нового времени.

Он сам, оказывается, что-то у меня прочёл, знал, что предисловие к моей первой книге написал Владимир Фёдорович, всё знал.

— Ты молодец, — похвалил он меня, — Молоток. Держись за Тендряка. Локомотив. Вытянет.

Конечно, он был уверен, что я взялся редактировать книгу Владимира Фёдоровича только для того, чтоб сорвать с него предисловие. Увы, в этом мире никто не верит в бескорыстие.

Критика звали Вениамин, Веня. Своё критическое кредо он изложил мне, поучая, как надо жить в мире литературы. Вообще, интересно: меня всегда все поучали. Может, я такое впечатление производил, недотёпистое. И в Ялте, ведь я избегал разговоров, знакомств, а он меня отловил. Сам виноват: неосторожно пришёл в кино задолго до начала. Он взял меня под руку и, вода по дорожкам среди цветников, напористо вешал:

— Слушай сюда. У нас семинар Золотусский вёл, учил: чтобы вас заметили, надо быть смелым. А как? А так: не бояться ни званий, ни регалий того, о ком надо резать правду-

матку. Чем знаменитей объект критики, тем заметней критик. Понял, да?

— А ты резал? Правду-матку. Или ещё не дорезал? — отшутился я.

— Тут не хиханьки-хаханьки. Тут борьба. Тут всякие приёмы годятся.

— То есть вольная борьба?

— Ещё какая.

— А какая?

— Вот у меня статья написана о старшем поколении, резкая, честная. Сколько можно этим старпёрам в литературе командовать: все должности захватили, премии делят, карманных критиков-лизоблюдов при себе держат, прикормили. Нет, так нельзя! Я режу: до каких пор? Вот в этом заезде два главных редактора, пузом вперёд. Я и того и другого в статье уел. Им не прочихаться. По благу у них всё. Свой круг авторов, свои акценту. А как прозаики они кто? Какого размера? Ну да, что-то было. Было — прошло. Пора место знать! О, эта статья наделает шуму. Я её ещё зимой в Малеевке начал, потом летом в Коктебеле продолжил. Сейчас доколотил. Но вот тут главное. Слушай. Если бы тут третий редактор был, я бы именно ему статью отдал. А тут они, оба, на кого я нападаю. Как поступить? Что я делаю? Учись. Вырезаю из статьи всю критику на того редактора, кому отдаю читать. Ему нравится, ещё бы, его не трогаю. Он говорит мне: «Ты молодец, правильно их отхлестал. Напечатаю. Но этот год у меня расписан, начало того тоже занято. Давай поставлю на март-апрель». На март-апрель, как тебе нравится? Ну?

— И что?

— Как и что? Начало ноября сейчас. Полгода ждать.

— И что? Читать же не разучатся.

— Нет, юное дарование, ты ещё далёк от понимания процессов. Так вот, я благодарю его, а сам в рукопись обратно всю критику на него возвращаю, а вырезаю критику на другого редактора. И тоже отдаю читать. Читает. И тоже — довольнёхонек! Говорит: Веня, срочно в номер! Идёт в двенадцатом. Бомба!

— А как ты с первым-то будешь потом встречаться?

— Да никак! Начнёт меня поносить, я тут же реплику: господа, я в подковёрные игры не играю, живу с открытым забралом. Нет, старичок, пора нам валить этот дурдом в Союзе. Ты хорошо начал, не останавливайся, набирай очки. Я тебя по «Сельской молодёжи» заметил. Попцов молодец, тянет парней, заметил тебя, вы там с Прохановым начинали.

— Проханов раньше.

— Так он и постарше. Он, будь здоров, парень моторный. О конфликте на Даманском крепко написал. Уже ему и страны мало, уже из Кампучии репортажи. Спецслужбы на него поставили. И ты смотри, будь зорче. Литература — это такое дело: слопают и костей не выплюнут. Это же шакалы.

— Кто?

— Писатели! Ты чего, под дурака косишь?

— Ну, Веня, нет, тут я не согласен.

— Да пожалуйста, блажен, кто верует, веруй. Схлопочешь пару измен от заклятых друзей, поумнеешь. Литература, брат ты мой, круглый стол с острыми углами, не я первый сказал. Садятся за стол и локти пошире раздвигают, чтоб никто рядом не сел. Держись за меня, я сколачиваю поколение на смену мастодонтам. Готовлю прорыв. Уже и семинар веду в Литинституте. Ко мне молодые рвутся. Чувствуют, где направление главного удара. Ты давай, тоже начинай посещать. Я и Селезнёву помог из Краснодара в Москву переехать. Подтягиваю силы. Надо в стенку сбиваться. У них, смотри, всегда бригадный подряд, всё братья: братья Стругацкие, ну, эти ещё ничего, братья Вайнеры. А в критике с нашей стороны вообще завал. Не всё же нам на Лобанова, Лакшина, Ланщикова, Михайлова надеяться. Надо крепче врага теснить. Примерно как «Новый мир» и «Октябрь» сцеплялись. Кочетов молодец, но его количеством задавили.

К нам подошёл Сергей. Конечно, они-то были давно знакомы. Тем более критик Веня как раз был из тех, кто приехал в Москву из провинции, то есть мог Сергею пригодиться.

— Ареопаг в сборе, — заметил Веня. — Двинемся в зал?

Пошли. Но в вестибюле я отстал от них и дальше не двинулся. Вернулся на улицу. Ходил по периметру Дома, потом зашёл в номер, собрал исписанные листки, поднялся к своей сосне и сидел до темноты.

Так уже бывало. Меня угнетало то, что живу тут в такой благодати и не работаю. То есть пытаюсь, а всё без толку. Просто ужасно — никакой продукции. Напишу строчку — зачеркну. Ещё напишу, ещё зачеркну. Доехал страничку — скомкал. Но не выбросил. Копил похеренное для прогулки к сосне. Там, на чистом местечке, сжигал свои черновики. Подкладывал сухих веточек, глядел на огонь.

И Сашок приходил

Ежедневно виделся и с Сашком. Он вообще был деликатен и, если заставал меня за столом, то тут же поворачивал. Если же я лежал на диване, а лежал я часто, то присаживался

и развлекал. Все его истории были о теневой стороне жизни обитателей Дома творчества.

— Соню знаешь? Старшая официантка.

— Нет.

— Ну, увидишь. Из отпуска скоро придёт. Она и сейчас ещё очень ничего. А раньше вообще. Что ты! Королева красоты, цветок невинности! Идёшь вечером в город, её уже угощают в лучшем ресторане. Я ей как-то говорю: «Чего ж ты у себя-то не ужинаешь?» Говорит: «Я и с тобой могу поужинать. В состоянии? Веди». Смешно. Веди. Да мне что — меня в любую постель заташат.

— В любую? Врёшь.

— Да, вру, — усмехнулся он. Налил и выпил. — И про Соню фантазия. Это я от обиды ляпнул — отринула. Никуда она не ходит, у неё ребёнок. А этим чего, этим женам? Мужья горбачатся, лысеют, а жене что? Какие на веранде сидят, вяжут, какие языками плетут, какие на лежаках у моря. Я по вызову прихожу, сразу понимаю, в чём проблема. Тут не кран, тут сильно другое.

— Не надо, — прерывал я. — Сашок, сантехника тебя кормит, но заведи хобби — перо и бумагу: ты столько знаешь неизвестного о сильных мира сего, о тайнах Мадридского двора, да ещё и присочинить, приврать можешь, тоже ценное качество. «Хорошо, когда кто врёт весело и складно». Пиши! Такие записки драгоценны для потомков. И спрос на них растёт.

— Нет, — отвечал Сашок, — я в этом не волоку. Да и зачем? Я мужик, я всё могу. Я до города в селе был, понимаю и во саду и во поле, за скотиной ходил. И в городе не пропал. А на этих гляжу: здоровенные мужичины, на них пахать надо, а они сидят целый день, как кассирши: тук-тук-тук, чирк-чирк. Мне даже и книги когда дарят. Я гляну из любопытства: всё трынделки, одна брехня. А потом им же надо что-то сказать. «Ну как, Сашок, прочитал?» — «Да, а как же. Всё очень подобно, жизненно. К цели ведёт». Рады, ещё и на бутылку дают.

Сашок уже не уговаривал выпить, но сам выпивал. Для этого в моём номере держал стакан.

— Тяпну грамульку. Для кручины нет причины. — Опрокидывал. Всегда при этом прибавлял: — Эх, горе нам, горе нам, горе нашим матерям. — Крякал, заедал принесённым с завтрака сыром, вставал: — Ну, давай трудись. Соответствуй.

Раза два он перебрал и даже попел для меня. Две песни. Одна: «Мишка, Мишка, где твоя сберкнижка, полная червонцев и рублей. Самая нелепая ошибка, Мишка, то, что в

книжке нету прибылей». Другая: «Ну что тебе сказать про Сахалин, на острове нормальная погода. А я тоскую по тебе и пью всегда один, и пью я от заката до восхода».

Видимо, на него действовала писательская атмосфера, здесь царящая. Он однажды даже рассказал, как он выразился «историю биографии». Пришёл выпивший:

— Сделай запись, а то забудешь.

— Чего запись?

— Историю моей биографии последнего дурака.

— Пишу. — Я в самом деле взял бумагу и вооружился авторучкой.

— Пиши: Я мог стать на уровень министра, а не стал. Спросишь, почему?

— Нет, не спрашиваю.

— Правильно: любопытство хуже свинства. Потому что вижу: в начальники рвутся карьеристы и подлецы, смотрят на кресло, как на заработок. Это понятно?

— Как не понять, это публицистика.

— Так вот, уточняю: я во всём был будь здоров. Хоть физика, хоть химия — нету равных. Что в длину прыгал, что в высоту. Математичка мне всерьёз говорила: Сашуля, твои данные говорят о многом. Другие учителя соответственно. Прочили светлое будущее. И вот я здесь сижу со стаканом и разводным ключом... Можно закурить?

— Тут мы задохнёмся, пойдём на улицу. Бумагу с собой беру.

— Да можно уже и не записывать: летай иль ползай, конец известен.

У корпуса было пустынно. Сели на лавочку, на которой любила отдыхать Наталия Григорьевна с подругами. Ещё шутила: «Главное дело писательской жены — помогать мужу. А помогать мужу-писателю, значит, уходить с его глаз. И к работе не ревновать».

— В общем, — продолжал Сашок, — дальше неинтересно. У меня мама умерла рано, я только школу заканчивал. Отец её очень любил, ну и, понятное дело, заболел-заболел и — за ней. А я уже в институте, а я уже и там на первых ролях. А у меня квартира. И, конечно, весь курс заваливается ко мне. Дальше, по тексту, пьянки-гулянки. Однажды просыпаюсь с девушкой, которая беременна от меня. О чём мне объявлено в присутствии тёщи, которая пришла в мою квартиру, как ты сам понимаешь, жить навсегда. В которой и сейчас живёт.

— А ты с ними живёшь?

— С ними только другие такие же змеи уживутся. Да и то передерутся.

— То есть ты разошёлся?

— Через тюрьму.

— Как?

— Как залетают, так и я. Не вынес я такой жизни и руку вознёс. Уже были зарегистрированы. Я же порядочный человек, у меня отец — фронтовик. Отметелил их как полагается и — на нары. Там и сантехнику освоил, и слесарное дело. Понимал: как-то же надо будет жить. Воровать не умею. Но поклялся: чтобы ни с одной бабой больше недели не застревать. Ну, месяца. Ладно, — сказал он, аккуратно затушив окурочок о край красивой урны, — так не так, перетакивать поздно. Я как разошелся...

— Разошёлся?

— Проще говоря: развели. Она постаралась. С тюремщиками легко разводят. Ещё легче выписывают с площади. Спасибо скажи, говорит, тебе комнату в коммуналке выменять. А ещё ударишь, и оттуда выгоню. Так я о чём?

— О верности жене.

— Да! Пошёл в разгул, когда паспорт без штампа о браке получил. А если бы с женой в любви, так разве бы на сторону хоть раз поглядел?

Ниже уровня моря

И ещё на одно мероприятие для избранных я попал благодаря Тендрякову, на экскурсию в знаменитые винные подвалы «Магарач». В переводе «стоянка осла». Знамениты они ещё и тем, что фашисты, долго жировавшие в Крыму, знали, конечно, о винных подвалах, искали их, но — великая честь ялтинцам — никто не выдал, где они.

Из-за этой экскурсии приглашение к Ионе Марковичу, на слушание авторского чтения новонаписанной повести, было перенесено.

В делегации с русской стороны были Лазарь Карелин, Юрий Нагибин (они потом написали об этой экскурсии), кого-то и не помню, потом мы с Владимиром Фёдоровичем, от братских республик были знаменитости из Армении, Грузии, Молдавии, Украины, прибалты были, были и из Средней Азии — сплошь отборные письменники.

Привезли на комфортабельном автобусе с музыкой и кондиционером. Перед входом в большие стальные двери всех облачили в белые халаты.

Сопровождал стеснительный, но очень знающий молодой учёный, кандидат винодельческих наук (да, и такие есть). Он подошёл к Владимиру Фёдоровичу с его книгой, стеснительно

попросил об автографе, прибавив, что именно Владимир Фёдорович его любимый писатель. Стал вести экскурсию. Тендрюков весело мне подмигнул: «Без бутылки не уйдём».

Началась экскурсия. Спустились в подвалы по деревянным, но не скрипучим лестницам. «Дубовые, — пояснил сопровождающий, — как и бочки для многолетней выдержки. — Будем находиться ниже уровня моря.

Экскурсию заинтересованно воспринимали армяне, грузины, молдаване, украинцы. Но для меня, а я видел, что и для наставника тоже, это была пытка. Вот представьте: подходим к очередной пробе очередного сорта вина, так сказать, перебродившего сока солнечной виноградной лозы, постепенно дошедшего до названия нового сорта вина или его разновидности. Учёный рассказывает, шо цэ такэ е. Мелькание слов: солнечный склон южный, а лучше бывает и восточный, благоприятная погода, затяжная весна, дождливое лето, раннее, позднее созревание, букет, выдержка, участие в конкурсах, получение тогда-то там-то вот этой медали (рисунок). Потом тебе дают десять капель этого вина. Надо не сразу выпить, а подержать его во рту, языком повозить в нём, ощутить и нёбом и гортанью. Потом проглотить или — вариант — выплюнуть. Рот прополоскать минеральной водой, снова выплюнуть в ручеёк, текущий вдоль демонстрационного стола. Потом обсуждение, потом дальше.

Нет, это была пытка. Изысканная, комфортная, но пытка. Я уже подумывал, как бы смыться да взять на набережной кружку пива, да посидеть, глядя на волнистое море. Но куда там: протокол, программа. Оказанная честь. Надо ценить. Но Владимир Фёдорович чувствовал то же самое, что и я. И на одном из переходов из зала в зал сказал экскурсоводу:

— Слушай, ты нам с Володей дай по бутылке, и веди их дальше.

И бутылки, по две каждому, в плотных бумажных пакетах, были нам подарены его помощниками. И мы, хотя явно не англичане, ушли по-английски. Так сказать, десантировались.

Марганцовка

После подвального холода отогревались на скамье прибрежного бульвара.

— Ну что, — произнёс учитель, — наши организмы перенесли такое издевательство, надо их утешить. Вон автоматы газировочные. Там стаканы. Нет, не дёргайся, тебя засекут, а

на меня не подумают. — Он встал, пошел к автоматам и вскоре вернулся с чисто вымытым стаканом.

С тех пор я не видел такого вина — «Чёрный доктор». А тогда отличился перед учителем. Пальцем проткнул пробку. Владимир Фёдорович изумился:

— Он у тебя металлический?

— В кузнице работал, — отшутился. — Должен же я хоть что-то уметь.

И мы, не спеша, ничем специально не заедая, чтобы не портить впечатление от такого вина, приняли в себя для здоровья тела и радости душевной напиток этого крымского доктора. Никто нам не мешал. Только подошла девочка лет четырёх и задала интересный вопрос:

— Дяденьки, а почему вы марганцовку пьёте?

Не успели придумать ответ, как её отозвала то ли мама, то ли нянька.

Как же было отрадно глядеть в синюю даль, на корабли, на облака над ними. И спешить никуда не хотелось.

— Скоро добыю, — сказал Владимир Фёдорович. Он говорил о повести. — Дам тебе прочитать. Если получилось, можно в книгу включить. Её у меня «Новый мир» берёт. Или «Дружба народов». Сережка должен скоро приехать, Баруздин, редактор. Всё просит. Может, и ему. У него журнал хорошо идёт по республикам. А «Новый мир» и за границей востребован. Твардовский, у нас дачи рядом, каждый раз напоминает. Ну что, тёзка вятский, беря в рассуждение малую градусность вина, но прекрасный его вкус, созданный из винограда, выросшего на кто его знает каком склоне и непонятно, в какое лето, и не нам знать, когда там солнце соизволило участвовать в созревании лозы или когда дожди сие дело тормозили, о, как изысканна моя преамбула к самому простому действию: пора понять, что вторая бутылка по нам тоже соскучилась. Как считаешь? Надо и ей башку свернуть. А ещё одну возмёшь себе, а ещё одну с Наташей употребим.

— Нет, нет, — торопливо сказал я, — обе вам.

— Хорошо, — согласился Владимир Фёдорович, — другой отказывался бы гораздо дольше. — Он засмеялся вдруг: — Эта девочка-то как, а? Марганцовка. Смешно. И вставить куда-то можно. Вставь, дарю. Взрослые дяди спёрли стакан, пьют марганцовку. Мы бы и сами могли купить, да нет такого вина в продаже, вот канальство. Всё у нас не для нас! Ансамбль «Берёзка» везде, только не в России. Басы у нас какие! В Болгарии Борис Христов говорил о Шляпинской школе. Доримедонт Михайлов! А Ведерников-то тоже наш, вятский, как и Шляпин. Гордишься?

— Ещё бы! — воскликнул я .

— Наливай! Посмотрим, чем на громкой читке будет угощать южный гений. Меня он ещё после тебя потом душил разговорами: Учмяся, говорит, у русских говорить правду. Знает наших лучше нас с тобой. Всё читает. Например, читал ты Гранина, Чивилихина?

— Да.

— Можно не читать. Это большеформатные очерки. Обслуживание тезисов, продиктованных верхами.

— У Чивилихина «Кедроград» и о Байкале, это же нужно, — защитил я. — Он именно Распутина поддержал.

— Это да. Распутин на смену идёт. От Белова я многого жду. Его Александр Яшин вырастил. Но ведь у самого Яшина «Вологодская свадьба» тоже не литература. Это опять же очерк. Нет широты. Мальцев, Троепольский. Как и Феди Абрамова «Письмо землякам». Зауженные местные проблемы. Астафьев, — Владимир Фёдорович сделал паузу, — совсем неуспокоенный. А вот я не могу писать о войне. И не хочу. Хоть и заработал право. — Он показал кисть руки, искалеченную осколком. Юра Бондарев пишет, молодец. Василь Быков, Сеня Шуртаков. А Володя Солоухин не воевал, в Кремлёвском полку служил. Но свою нишу занял. Грибы, цветы. Тоже надо. Только бы лапти не воспевал. Чёрные доски эти.

— Но он же их сохраняет.

— Зачем? А что без них и Лувра нет, Русского музея, Дрезденской галереи?

— Мне очень его «Владимирские просёлки» понравились, — сказал я. — Ещё в десятом классе был, в Роман-газете читал.

— Так ведь тоже только очерк. Путевые записки. Интересно, конечно. А потом что? Эти «Чёрные доски» собирал, в религию ударился. Я ему: «Володя, это отжившее: вперёд идём, а не назад». Он упёрся: «Нет, Володя, окает всю жизнь, надо долг отдать». Прямо как отец Онуфрий, обходя оврагом общественный огород около огромного огурца озрел оголённую Олю». Ты как к церкви?

— Я ещё в школе думал: если Бога нет, то как бороться с тем, чего нет?

— А ты Его спроси, Бога, что ж Он никак нам не помогает? Такой бардак развели.

— Мы же не просим.

— Надо же, — развёл руки Владимир Фёдорович, — ещё и просить. Зачем Он тогда Всеведущий и Всемогущий? А? Нечего сказать?

Владимир Фёдорович встал, потянулся.

— Чего-то я разлеился. Статью никак не допишу. О бригадном подряде, аккордной оплате. Да, надо тебе Тейяра де Шардена прочесть: сознание встряхивает. Эволюционер. Эво! Не революция, эволюция! Католик, но они прогрессивней наших, они идут на союз с наукой. А наши консерваторы. Упёрлись в обряды, язык у них, как был, так и остался. В космос летаем, а там всё: не лепо ли ны бяшеть старыми словесы.

— Ярославна плачет в Путивле на городской стене: ветр-ветрило, прилелей моего ладу, отру кровавые раны на его теле, — то ли поддержал я учителя, то ли с ним не согласился.

— Поутру плачет, — показал он мне моё плохое знание «Слова о полку Игореве», — не просто так написано. Поутру. С утра плачет. Умели писать.

По дороге к Дому я всё-таки осмелился сказать:

— Владимир Фёдорович, до того мне не хочется думать, что люди от обезьяны произошли! Мне понравилось, я слышал шутку: не люди от обезьяны произошли, а обезьяны — это бывшие люди, которые оскотинились.

— Очень похоже, — засмеялся Владимир Фёдорович. — Жизнь произошла от первичного бульона Вселенной, от живой клетки.

— А живая клетка откуда?

— Всегда была. Читай у Вернадского о единстве живой клетки в космосе.

— Так был или нет день Творения?

— Ну да, был — взрыв во Вселенной, — хладнокровно ответил Владимир Фёдорович. — До сих пор Единое ядро разлетается во все стороны в виде Галактик, они как осколки.

Наставник мой не знал сомнений. И мой вопрос: а взрыв-то кто устроил, оказался непроизнесённым.

Старшая официантка

На обеденном столе обычно лежали листочки, на которых мы помечали галочкой название тех блюд, которые желали бы употребить в следующий день. А тут их не оказалось. Я вызвался сходить за ними.

Подошел к дежурной, которая, склонив голову в белом платке, что-то писала.

— Простите, можно вас попросить, — начал я. Она подняла голову. Я сразу понял, что это она, Соня, которая вернулась из отпуска. Мы встретились взглядами. Что-то неуловимое, будто она меня вспомнила, мелькнуло в её глазах. Да, хороша была эта Соня: темнорусая, глаза большие, карие,

вся в северную породу русских красавиц.

— Мне листочки, три, для заказов.

Она взяла листочки из папки на столе, легко встала, такая стройная, и протянула их мне. А зачем было вставать? Как она походила на далёкую, ещё доармейскую девушку, с которой мы были дружны, но которая меня из армии не дождалась. И хотя на Соне был платок, закрывавший волосы, я был уверен, что у неё прямой пробор и обязательно косы. Про косы чуть не спросил. Даже качнулся вперёд, но спохватился и виновато улыбнулся. И она улыбнулась:

— Что-то ещё нужно?

— Нет, нет. Я знаю, вы Соня. А как по отчеству?

— Не надо. Надеюсь, ещё до отчества не дожидла. Или уже пора?

— Ну что вы.

Вернулся за стол. Наталья Григорьевна что-то заметила.

— Ах, хороша, да? Понравилась? Вижу, вижу, смутились.

— Какой там — смутился? Что за блажь? — недовольно спросил Владимир Фёдорович. — Он работать приехал. Встал в борозду и паши. Смущаться будешь, когда плохо напишешь.

— Тут столько классиков, что... — я махнул рукой. Сел и стал смотреть предлагаемые кушанья на завтра. И блеснул знанием, заодно уводя от начатой темы: — Слово «меню» адмирал Шишков предлагал назвать: разблюдаж. Та-ак, завтрак, обед, полдник. Ставим галочки. С такой едой можно и не писать.

В этот день вечером был фильм «Генералы песчаных карьеров» или, в другом переводе, «Капитаны песка». Я почему-то знал, что Соня придёт.

Пришла. Сидела впереди. Да, тёмно-русая, да с прямым пробором. И не косы, а одна широкая короткая коса. И фильм очень неплохой, и песня пронзительная. Хотя и немного безотрадная: «Судьба решила всё давно за нас».

Чтобы подойти к Соне, мысли не было. Нет, вру, была. Но скрепился: какие мне провожания, работать приехал. Заставил себя уйти до окончания сеанса. Да и брюки в смоле, и ботинки не чищены. И сам не брит.

А ночью меня пронзила ожившая боль разлуки с той, моей девушкой Валей, с которой дружил до армии. На которую похожа Соня. И мысль овладела: вот о чём надо написать. Уходит парень в армию, а мы уходили, самое малое, на три года, уходит, провожает его любимая, обещают они ждать друг друга, быть верными. Да это и обещать не надо, это ясно. Он уходит в новую жизнь, а она-то остаётся в прежней. У него

всё переворачивается: это же армия! Взросление, возмужание, новые привычки, стремления, друзья. Он становится другим за три года, а она не изменилась. И любит по-прежнему. А он уже другой. Тут трагедия. И он любит, он был верен ей, другой у него нет. Но уже что-то изменилось. Тут мучение. Она сердцем понимает, что у него уже нет той силы любви к ней. Что он, страшно сказать, стал чужой. А он говорит о свадьбе, он честный человек. И не врёт, и готов жениться. Но она, жалея его, отказывает ему. Может даже солгать во спасение, что полюбила другого.

Вот маленькая повесть. Вот её и пиши.

Во все следующие встречи с Соней, а они трижды в день при посещении ресторана Дома творчества были неизбежны, просто раскланивался. Она была, как всегда, приветлива. Чтобы не встречаться с нею взглядом, сел спиной к её столу.

— Не поможет, — засмеялась всё понимающая Наталия Григорьевна.

Почему-то не мог о ней не думать. Но сказал себе так: это от того, что она своей похожестью на Валю моей юности вызвала к жизни замысел повести. Спасибо ей за это, и до свиданья.

Кукарачка

В один из дней она отчудила: привела перед обедом в корпус дочку свою, да ещё и ко мне, в мой карцер постучались. Мороженое принесли. Была в белой кофте-распашонке, вышитой красными узорами. Голова не покрыта, волосы распущены по плечам. Девочка лет четырёх, в платье-пелеринке, белый бант на голове, прямо ангел, сказала:

— Я Оля, а вы?

— А я папа девочки Катечки. Такой, как ты. Такая же принцесса, модница.

— Модница ещё та, — подтвердила Соня и спросила: — Вы же смотрели кино «Генералы песчаных карьеров»? Да? Я в конце вся обрыдалась. Прямо настроение подиспортилось.

— Да, грустный финал.

Сели. Неловко помолчали. Оля потихоньку деревянной щепочкой доставала мороженое из вафельного стаканчика. Соня и я к мороженому не притронулись.

— Я хотела спросить, — заговорила Соня, — вот о чём. Тут, кто бы ни приехал, все всегда: дама с собачкой, дама с собачкой. А я прочла, и что? И это любовь? Она же от мужа уехала, а он от жены. И загуляли тут. Это как?

— Это не ко мне вопрос, к Чехову.
— Его уже за хвост не поймать. А вы как считаете?
— В общем-то я тоже от жены уехал. Хотя бы отдохнёт от меня.

— А вот скажите, — спросила Соня, — почему это жёны писателей, все только и жалуется, что им тяжело жить.

— Вообще, конечно тяжело.

— Почему?

— Женщинам надо, чтоб им постоянно уделяли внимание, а его работа забирает целиком и полностью. Он же непрерывно в работе. Идёт с женой рядом, а сам не с ней.

— Как это?

— Думает над тем, о чём в это время пишет. Вот коротко: рассказ. Не мой. О писателе. Он возвращается домой, видит в прихожей чемодан, думает, как это интересно изменяет пространство прихожей. Жена ему говорит: я от тебя ухожу, жить с тобой невозможно. — Почему, зачем? — Невозможно. Ты эгоист, ты занят только работой, и так далее. Я всегда одна, ты мне всю душу вымотал, в общем, все женские слова.

— Да, это мы можем, — засмеялась Соня.

— Он, этот писатель, слушает и думает: да, да она права, ей невозможно жить со мной. И был бы, думает он, хороший такой рассказ, как жена писателя от него уходит. Хорошая, красивая, но несчастная. Он весь в своей работе, он ей не принадлежит. Да, надо запомнить, как от волнения её лицо хорошеет, какие неожиданные, ранее от неё не слышанные слова вспыхивают в её монологах. Воспоминания о юности их любви начинают его терзать, какие-то обрывки фраз из задуманного рассказа мелькают в голове. Он думает: я же всё не запомню, надо записать. Хлопает по карманам — нет записной книжки. — Ты не видела мою записную книжку? — Какая тебе записная книжка? Я от тебя ухожу. — Да уходи, уходи, только записную книжку вначале найди. Она садится на чемодан и понимает, что с ним бесполезно говорить: другим он не будет.

— То есть не уйдёт? Не ушла? — спросила Соня заинтересованно.

— Будем надеяться. Она же его не переделает. Ей самой надо подстраиваться. Но это всё-таки о, надеюсь, верной жене. Каких, кстати говоря, немало в жизни. А в литературе все они изменщицы, чем и интересны — в красивом слове «адюльтер». Вот эта дама с собачкой, а рангом повыше мадам Бовари, Анна Каренина, — эти бабёнки мужьям рога наставили и в героини вышли. А Кармен? Из-за неё судьбы ломаются — ей хоть бы что. «Меня не любишь, ну так что же,

так берегись любви моей!» Добилась своего и отшвырнула. Или этот деспотизм: «Если я тебя таким придумала, стань таким, как я хочу!»

— Вот разошлись, вот разошлись, — весело одобрила Соня мой речитатив и арию. — Не все же такие. Что же тогда, не читать о них?

— Читать, да не подражать. А писатели — самые трудные для женщин мужья. Может, Чехов и не женился от того, что понимал: мужа из него не получится. Не выходите за писателя, Соня.

— А за кого? Тут только они.

— Собачку заведите и гуляйте с ней по набережной.

— Мне только ещё собачки не хватает. Скажете тоже. Оля, не дёргай за кофту, сейчас пойдём. — Кажется она приняла всерьёз мою шутку. — Я-то никого не обманываю: я разведёнка. — Ой, у вас даже окна нет.

— Да, моря не видно. Приходится с утра к нему бегать.

— А я знаю. Я даже утром вас издалека видела.

— Надо же, — только это и смог сказать. Чтобы скрыть смущение, обратился к Оле: — А это не ты нас о марганцовке спрашивала? На бульваре у моря?

— О какой марганцовке? — спросила Соня.

Рассказал о походе в винные подвалы. О вине «Чёрный доктор», о девочке, спросившей нас, не марганцовку ли мы пьём.

— Счастливые вы, в Магарач простые смертные без доступа. А вино это я могу достать. У меня связи — ого-го. Принести?

— Что вы! Я же работать приехал.

— Оля, пойдём, — тут же встала она, — пойдём, не будем дяде мешать.

— А как же песенка? — спросила Оля. — Ты говорила: дяде надо спеть.

— Вот предательница, — засмеялась Соня. — Петь не обязательно.

— Даже очень обязательно, — попросил я. И повiniлся: — Видите, какой я плохой. Даже и угостить вас нечем.

— Ну что вы, сейчас обед.

— А как же песня?

— Мама, можно? — спросила Оля. Встала и очень умиленно, помогая жестами ручек, спела песенку, которая была так проста, что я её запомнил с первого раза. Вот она:

*В одной маленькой избушке жили-были две старушки.
И была у них собачка по названию Кукарачка.*

*Раз поехали на дачку, захватили Кукарачку.
А в дороге неудачка: заболела Кукарачка.
Повезли её в больничку, стали делать оперичку.
С оперичкой неудачка — сдохла наша Кукарачка.*

И финал:

*В одной маленькой избушке плачут, плачут две старушки:
Ведь была у них собачка по прозвищу Кукарачка.*

— Душераздирающая история, — сказал я. — Целая повесть. Всё есть, и события, и герои: старушки, собачка, доктор, шофёр, кто-то же их вёз на дачку?

— Они в автобусе ехали, — поправила Оля.

— Ещё интересней. Завязка — поехали на дачку, кульминация — болезнь, оперичка и горький финал. Плачу и рыдаю. Гости приходят, тоже рыдают?

— У нас гостей нет, — заметила Соня.

— Мы её в садике поём, — сказала Оля. — Вам понравилось?

— Замечательно! Стыдно, подарить даже нечего. Я песню запомнил, я её дочке по телефону продиктую.

— Вы правда запомнили?

— Ещё бы: такая история! В одной маленькой избушке и так далее.

— А как вы память тренируете? — спросила Оля.

— Сама тренируется. Вот твоя песенка: такой день, красивая девочка...

— И мама, — добавила Оля. — Она вновь взялась за мороженое.

— Ещё бы! Ну вот, и как не запомнить?

Я как-то ищуще озираю своё убогое помещение.

— Ничего ей дарить не надо, зачем, что вы, — заметила Соня. — Вы так слушали, вот подарок. — И после паузы: — А вы давно начали писать?

— С детства. Стихи писал. Потом хватило ума понять, что уровень невысок. Сценарии строчил, пьесы. Да всё как у всех, обычно. Но пришёл к прозе. А проза — самое трудное, кому хочешь хребет ломает.

— Надо же. А сейчас что-нибудь пишете?

— Пытаюсь. О юношеской любви.

— Как интересно.

— Больше грустно. Он в армию ушёл, а она...

— Не дождалась. Точно?

— Сложнее: он стал другим. Хотя никем не увлекался. Да и где там, в армии?

— Ой, и что, что в армии. А вы служили?

— Конечно, как без этого?

— И что, там не было вариантов? Да мужики, где хочешь, найдут. Это мы, дуры, верим да ждём.

— Это у меня из своей жизни такой случай. Знаете, она похожа на вас. И задумка возникла благодаря вам, когда вас увидел.

— Надо же, — засмеялась она. — Вот куда попала. Покажете потом?

— Тут до показа семь вёрст до небес. Ещё начать да кончить.

Оля выскребла ложечкой вафельный стаканчик, отложила ложечку на край стола и стала, обхватив ладошками стаканчик, как белочка орех, его по кругу обкусывать. Заметила непорядок:

— Мама, у него телевизора нет и ванной нет.

— Ничего, Олечка, живу.

— А где вы умываетесь?

— К морю бегаю.

— Каждый раз?

— Извините за беспокойство. Мы пойдём, — сказала Соня. — Уже у порога, поправляя дочке белый бант, повернулась: — А вы до того похожи на него, это мой парень был, прямо один в один.

— Отец Оли?

— Нет. Хорошо бы!

— Оля! — воскликнул я, — умоляю, возьми мороженое. Я его не люблю.

— Ну, раз не любите. — Соня положила стаканчики обратно в пакет.

Ушли. Не удерживал. А чем бы я мог их занять, угостить? Да и сам такой небритый весь. На брюках след от древесной смолы. Рубаха какая-то рабоче-крестьянская. Ведь есть же запасная. Ну, что теперь?

Подошел к зеркалу. И куда я рядом с ней, такой? И внешне решил — не бриться до конца срока. И вообще пора носить бороду. Василий Белов с бородой, а моя Вятка с его Вологодой соседи. И дедушки у меня были бородатые ямщики и плотогоны.

Эх, не отпадёт голова — прирастёт борода. Да не отпадёт, сам не теряй.

Но наутро, когда мы прибежали к морю, а оно день ото дня становилось всё холоднее, зрителей приходило всё меньше, наши заплывы становились всё короче, так вот, мне казалось, что Соня где-то близко. И подсматривает за нами. В

бинокль. А с ней собачка. Кукарачка. Стих про эту Кукарачку я дочке по телефону пересказал. В тот же день, как они приходили.

Да, Соня. Была в ней женственность, вот что. Это не объяснить, и это есть далеко не во всех женщинах. Женственности не достичь ничем: ни красотой, ни фигурой, ни спортом, ни диетой, это только состояние души. А женственная душа у женщин бывает только у целомудренных. Сказал же Сашок, что Соня ему его мать напомнила. А мне далёкую Валю. Не похожестью лица, а именно этой женственностью.

Ну хоть стреляйся

С работой моей так заклинило, какой-то ступор случился. Не успевал начать давно задуманный рассказ, хотя собирался, когда ехал, сесть за повесть, но уже согласен был бы и на рассказ, лишь бы не простаивать, оправдать эту, с небес упавшую, возможность для работы, как тут же настигала мысль: а зачем писать, а кому это нужно? Даже и так было: бегу утром к морю вниз, бегу обратно вверх, в гору, непрерывно думаю о работе. Как учитель наставлял. Взглядываю на него: думает. Даже вроде того, что губами шевелит, что-то проговаривает. И думаю о своей работе, и мне всё ясно: сяду за стол и — поехали. Но не получается такой радости: записанная, вроде продуманная мысль, не хочет жить на бумаге. Сохнет, как сорванный листок.

Поневоле бросишь авторучку. А уже видишь рассказ напечатанным, читающимся кем-то, видишь и этого кого-то, как он зеваёт, отодвигает книгу, как включает телевизор. А если и не отодвигает, если и дочитает, все равно же закроет. И что в этого кого-то из твоего текста перейдёт? Зачем ему твоё самовыражение? Он утешения чаёт. Ах, меня бы кто утешил.

И, так как некому было поплакаться, кроме жены, звонил ей. Часто не бегал в город, а звонил из вестибюля. Там иногда бывало свободно. А вообще, ожидая очереди к телефону, легко можно было возненавидеть женскую породу. Невольно вспоминалась шутка: женщина говорит подруге: «Вчера мужу доказывала, что я умею молчать. Так доказывала, что голос потеряла». Из кабины в вестибюле долетали расспросы про котов Мусика и Пусика, да про собачек. Как они погуляли, хорошо ли едят?

Желание услышать родные голоса возникало именно в минуты близкого отчаяния во время работы. Я жене не жаловался на то, что у меня работа не идёт, вообще не говорил о работе, но все равно от разговора с ней становилось легче.

Меня жена ревновала к дочке. И похожа, и делится не с ней, а со мной секретами. «Папа, мне в нашей группе Миша нравится». — «А в чём это выражается?» — «Нет, папа, он не выражается». — «Из чего ты вывела, что он такой самостоятельный?» — «Он воспитательницу не слушается». — «Да, это сильный признак мужского характера. А ты ему нравишься?» — «Вполне».

И жену услышал. Она взяла трубку.

— Что это у вас за кукарачка? Страшнее не было имени для собаки?

— О, да, запиши. — И продиктовал. И вздохнул, выходя из кабины.

И опять пошёл мучиться над безжалостным пространством белых листков.

«Человек я или тварь дрожащая?»

Такой Достоевский вопрос, который он поручил Раскольникову задать читателям, я гневно задавал себе, сидя на высоких ветвях своей сосны. Только вместо слова «человек» ставил слово «писатель». И не старуху-процентщицу я собирался убивать, у меня дичь была покрупнее — повесть. Но, как сказала бы моя мама: как на пень наехал — работа не шла. Опять сбежал от стола, опять поднялся к своему месту. И на сосну залез.

Было над чем подумать: срок пребывания стремительно катился к завершению, а сделанного у меня в результате, в активе, в сухом остатке, на выходе, как ни назови, — всё ноль. Только и плодил черновики для растопки костерка.

Но и оправдывал себя: то, что хотел делать здесь, показалось неинтересным, мало значащим. Обилие собиравшихся в обеденном или зрительном зале пишущих людей, угнетало. Ведь все думают, что пишут нетленки, иначе зачем же и писать? И где будут те, ещё неизданные их книги? А книги обязательно будут. Тут же все члены Союза писателей. И я скоро вступлю. Так, по крайней мере, мне предсказывали рецензенты и издатели. Тот же Тендряков. Разве бы он, при его требовательности, написал бы предисловие к слабой рукописи? Ну стану одним из этих многочисленных, дадут мне номер с окнами, с верандой, с видом на море и на горы. И что?

А уже с самого детства я не писать не мог. Всю жизнь меня постоянно тянуло сесть за стол. С другой стороны, когда, как писали раньше, вошёл в меру возраста, стала мучить убийственная мысль: ну напишу, ну и что? Но другие-то как? — размышлял я. Вот бы мне такое сомнение, как у критика

Вени. Да нет, это слишком. Но и комплексовать без пере- дышки тоже глупо. Дана тебе способность слова в строки складывать, складывай. Но дано и умение эти строчки за- черкивать. Ну и зачёркивай, и опять складывай. Сизиф от- дышает.

И что дальше? Сказал же Владимир Фёдорович, предисло- вие написал: «Смотри, дальше будет труднее. Сказал «а», го- вори и «б», и весь алфавит. Первая книга окрыляет, но она и обязывает. Её надо скорее забыть». Ему легко говорить. Она у меня ещё и не выходила, а уже надо её забыть. Весело. А сейчас у меня вообще всё затёрло. Ни бэ, ни мэ, ни кукареку.

А всё Соня, сваливал я вину на неё. Сглазила. Сам вино- ват, зачем сказал ей о планах. Этого никогда не надо делать. Как у Суворова: «Если б моя шляпа знала мои планы, я бы бросил её в печь».

Не пишется и всё! И без толку бумагами шуршать. Хоть топись. И перед Владимиром Фёдоровичем стыдно. А что де- лать? Запить? Поехать на экскурсию в Горный Крым или к Бахчисарайскому фонтану? А взять да вообще по «юбке», как прозвали южный берег Крыма, ЮБК, прокатиться на остатки денег? Чего тут-то сидеть? Переживать за пораже- ния Серёги в биллиарде? Слушать нотации Вени-критика? Биографию Сашки?

И мне то казалось, что я зря приехал, то, что очень даже не зря. Какая-то работа свершалась во мне, что-то сдвигалось в сознании. Этому очень даже помогал, условно говоря, «муж- ской клуб».

Мужской клуб

Время в Доме измерялось едой: трёхразовое питание. Плюс полдник, плюс кефир перед сном. В это время пространство между спальным и обеденным корпусами оживало. Завтрак, обед проходили обычно. Входили и выходили. А перед ужи- ном передвижение застревало у крыльца ресторана. Тут в это время, так сказать, стоя заседали временный мужской клуб. Может, и от того он и формировался, что дамы шли на ужин причёсанные и в нарядах. Было на что посмотреть.

Но если утром мужской клуб был малочисленный по ко- личеству и краткий по времени, то вечерний был и продол- жительней и понаселённей. Утренний был до еды, вечерний перед едой. Нарачивали аппетит, упражнялись в остроумии. Много чего я тут наслушался. Было что послушать: цитаты, выражения, возражения, случаи из жизни сыпались изобиль- но. Писатели. Знай запоминай.

— Меня бы жена дома так кормила... — начинал один.

— Ты бы и писать перестал, — поддевал другой.

— Нет, — поправлял другой, — к бабам бы побежал.

Третий тоже не отставал:

— Товарищи, хлебайте щи, а мясо съели служащи. — И добавлял на грани крамольного: — Пролетарии всех стран, соединяйтесь, ешьте хлеба по сту грамм, не стесняйтесь. А знаете, как лозунг этот на украинском?

— Знаем.

— Как?

— Голодранци усих краин, гоп до кучи!

Подходил ещё один обитатель Дома и вопрошал:

— Так зачем, скажи мне, Петя, если так живёт народ, по долинам и по взгорьям шла дивизия вперёд?

Подходил ещё один:

— А с Брежневым согласовали разговоры? Маршал Жуков докладывает Сталину план новой операции. Тот спрашивает: а полковник Брежнев утвердил?

— У нас начались новые традиции во власти, — солидно вступал предыдущий. — Вновь приходящий во власть гадит на предыдущего и так далее. Вновь пришедшему начинают создавать культ...

— Мы же и создаём. Писаки.

— Кто? Конкретно? Признавайтесь.

— Нет, ребята, на писак всё не валите: они слушают мнение народное. Народ Лёне верит. Никиту при его жизни ни во что не ставили. Я делал обзор писем в «Сельской жизни», сейчас много писем в его поддержку. Стихи даже народ пишет: «Товарищ Брежнев, дорогой, позволь обнять тебя рукой».

Мужской клуб оживился. Говорящий продолжал:

— Тут не смех в зале, тут пища для раздумья. И ещё немного лирики. Кошка охотится за воробьём, «но он вспорхнул и улетел, остались пёрышки на ветке. Он тоже, тоже жить хотел под ясным солнцем пятилетки».

— Никиту вспомнили, — вскинулся седой мужчина. У него под рубашку была надета тельняшка. — Уж как только не надрывался, чтоб Сталина с дерьмом смешать, не получилось. Меня позвали...

— Как не получилось? Уже и битва Волгоградская. А в Париже площадь Сталинград. Европа нас умнее. А ты чего хотел сказать?

— На ужин пора, — голос из толпы.

— Твоё не съедят. Дай послушать. Пётр Николаевич, слушаем, продолжайте.

— Слушаюсь. Меня позвали выступать перед воинами. Обсуждение книги «Десант на Эльтигене». Тоже, кстати, Крым. Прошло хорошо. Потом, как водится, бешбармак. В офицерской столовой. Сидим. Взаимопонимание полное. Никиту ругаем: корабли на металлолом резали, офицеров во цвете лет гнал в запас. Тосты говорим.

— Не тосты, здравицы, — поправил кто-то.

— Да, лучше. По-русски. Я встал: «Отделением сержант командует, взводом лейтенант, ротой капитан, батальоном майор, полком полковник, соединением, дивизией генерал, фронтом маршал. Сделал паузу. Все ждут, чего скажу. А кто, говорю, маршалами командовал? Должен же быть Верховный командующий? Должен! Вы же военные люди. Предлагаю встать и выпить за Верховного! Сталина не назвал, но все поняли. Встали и выпили.

— Воякам лишь бы выпить, — находилось и такое мнение. Но его урезонивали:

— Не скажи.

Подходил опаздывающий. Петя-пародист приветствовал:

— Ты чего такой печальный? А, понимаю. Достоевский умер, Толстой умер и тебе что-то нездоровится. Правильно говорю? Тебя ещё Арий не измерял?

Про Ария мне потом Сергей объяснил. В Московском отделении Союза писателей, а это самое малое полторы тысячи членов, был специальный человек, которого главное дело было — заниматься похоронами. Ведь писатели тоже люди, и тоже умирают. Так вот этот Арий просто членам Союза ничего не обещал. То есть материальная помощь будет, и гроб могут заказать, но остальное: венки, кладбище, прощание — дело наследников. А если вы уже член Правления, то гроб выставляют в вестибюле, тут уже и вахта с траурными повязками у гроба, а если вы секретарь Правления, то гроб будет стоять в Малом зале. С музыкой и речами. А если уже секретарь большого Союза писателей, то есть всего СССР, тогда прощание в Большом зале. Тоже речи, тоже почётный караул. И процедура по времени подольше. И кладбища занимали по ранжиру. На Новодевичье могли претендовать Гертруды, но оно же не резиновое, да уже и Ваганьковское становилось проблематичным, ибо созревание и умирание знаменитостей не останавливалось. Престижные мемориалы становились перегруженными, но пришло на подмогу Ново-Ново-Девичье, названное так — Кунцевское. Этот Арий забавлял пишущий народ: подходил к писателю и начинал его измерять — с головы, растопыренными пальцами, объясняя при этом, что надо заранее снять мерку для заказа гроба, что у него мера —

расстояние от среднего до большого пальца — точная — двадцать сантиметров.

Также прочитанная свежая «Литгазета» вызывала прения своим разделом о награждениях, премиях, званиях. Члены клуба имели на всё своё мнение: кому-то звание дали рано-вато, кому-то запоздали, кого-то вообще обошли, а кого-то ни за что завалили и металлом и премиями. Особенно не щадили пишущих женщин. Все их награды и успехи объясняли однозначно:

— Переспала, вот и весь секрет.

— Кто как может. Вон у Кожина исследование о «нобелевке». Читайте: там поэтесса, забыл фамилию, да и знать не надо: со всеми почти членами Комитета поамурничала и — пожалуйста. Всех значительных в двадцатом веке обошли, может, Бунину только да Шолохову за дело.

— Бунин эмигрант политический, а Шолохову дать премию вынудили: уже наши ракеты на Кубе стояли, Громыко посодействовал. И диссидента Пастернака за диссидентство отметили. Толстому не дали...

— Он сам отказался.

— А Чингиз всех членов Комитета на отдых вывозил, надеялся, да что-то не выплясалось.

— А сколько эта премия? В долларах она?

— Какая тебе разница, тебе же не дадут.

— Интересно же.

— Ничуть. Вот премия была — братьев Гонкуров. Сколько её денежное содержание?

— Два франка, — находился знающий.

— Молодец! Возьми с полки пирожок. Два франка. А получить её было самой заветной мечтой всех пишущих и рифмующих.

— Французов. Анри Барбюс не хуже Ремарка о Первой мировой написал, дали по справедливости.

— Народ! Только что прочёл, что Диме Шутову дали на пятьдесят лет орден Трудового красного знамени, а хватило бы ему «весёлых ребят». Или даже знака «Трудовое отличие». То-то он всё последнее время на Воровского в Правление бегал.

— Ему даже знака «Победителю соцсоревнования» и то много.

— Вообще ничего не давать!

— Ну, старик, это жестоко: все штаны, в Большой дом бегаячи, изорвал, одни пиджаки остались, хоть их украсить.

— А я вам новость скажу — всех утешит. Сейчас же введён «Знак качества» на продукцию...

— Да этот знак везде шлёпают, только на капусту не ставят: расплывётся.

— Не перебивай, не капусту выращиваем. Такой «Знак» будут ставить на наших книгах. «Знак качества» и штамп: «Сделано в Ялте». Как такую книгу не купить?

— Отштампованную? Читателей не обманешь.

— Их уже двести лет обманывают.

— Какао не обманет, но стынет! — звучала в ответ шутка.

Шли на ужин

«Весёлые ребята», так в просторечии назывался орден Знак Почёта.

Другия темы

В другой раз вспыхнула интересная тема: выразительные цитаты из классиков. Тут я тоже немного поучаствовал. Уже перестал стесняться тем, что я вроде как не по чину живу тут, ещё не член Союза. Но Сергей и Веня почти насильно втащили меня в круг общения. «Чего тебе стесняться: пишешь, в издательстве работаешь».

После своеобразного состязания в знаниях текстов одобрили несколько фраз. Из Набокова, из «Приглашения на казнь»: «Маятник отрубал головы секундам», из Булгакова, из «Дней Турбиных». Там выпивший Лариосик любит застолье офицером: «Как это вы так ловко рюмку опрокидываете?» Тот отвечает: «Достигается упражнением». Я вступил в беседу, сказав, что слышал, как Астафьев, знающий наизусть «Конька-горбунка», очень восхищается строчкой «Как, к числу других затей, спас он тридцать кораблей». «К числу других затей» — здорово? Все одобрили. Осмелев, я ещё и Солоухина вспомнил. Он очень высоко ставил «Мастера и Маргариту», место, где бесенята Коровьев и Бегемот даром раздают женщинам модную одежду и обувь. «Вот одна примеряет туфли и спрашивает: «А они не будут жать?» Даром достались, ещё и жать!

— О, а у Чехова, помните, пишущая баба пришла, её ещё Раневская сыграла. Она читает писателю свою пьесу, там вот эта ремарка меня восхищает: «В глубине сцены поселяне и поселянки носят пожитки в кабак». А? Сумеете?

— А вне конкуренции знаете какие изречения? — спрашивал высокий седой мужчина. Теперь я уже знал, что он Пётр Николаевич. Но из-за тельняшки, которая была надета под рубашку я стал про себя звать его мореманом: — Самые крепкие изречения — это народные. Пословицы, поговорки. Даже и частушки. Вот эта народная или нашим братом сочинён-

ная: «Подрастает год от году сила молодецкая. По всему земному шару будет власть советская»?

Решили, что всё-таки сочинённая. Про советскую власть в мировом масштабе большевики бредили, а после революции поостыли. Мореман продолжил:

— Но вот эта точно народная: «Спасибо партии родной за любовь и ласку: отобрали выходной, оскорбили Пасху». Не оскорбили, в подлиннике крепче.

— Да, в народе вспыхивает реакция мгновенная на события. В пятьдесят третьем летом шли с сенокоса, встретился мужчина, говорит: Берию арестовали. Как, что? Не верится. А он говорит: уже вовсю частушка пошла: «Что наделал Берия, вышел из доверия. А товарищ Маленков надавал ему пинков».

— Ну да, хлётско. А вот эта почище: на смерть Ворошилова. Полководец дутый, около Сталина и Будённого тёрся, ворошиловский стрелок. Указы расстрельные подписывал на многие тысячи по спискам. Печатают о нём некролог, в народе тут же: «Умер Клим, да и хрен с ним». Он с Украины.

— Наконец-то о народе вспомнили, — ехидно вставил опять-таки кто-то.

— Да, точно: вышли мы все из народа, как нам вернуться в него?

— Именно так. Но мы-то имеем все шансы вернуться, а в начальстве кто? Не кагал, не клан, а шобла.

— Ну-ну, потише. Пить надо меньше.

— Друзья-товарищи, а что мы Александра Сергеевича, не Пушкина, но тоже великого, да-с, Грибоедова, не цитируем? «Петрушка, вечно ты с обновкой, с разорванным локтём». Видно всё сразу. Потом и сама Лиза: «Лишь я одна любви до смерти трушу. А как не полюбить буфетчика Петрушку?» Именно этого. А Лизу Молчалин лапал. Но ей Петруша милее. «Хоть Ивана вы хитрее, но Иван-то вас честнее». Опять конёк-горбунок вывозит.

За время срока, конечно, невольно многих запомнил: Серёга, критик Веня, другой критик, имя не запомнил, Петя-пародист, Яша-драмодел, писатель этот — мореман, Пётр Николаевич. Ещё автор уголовных историй Елизар. Да Сашок, сантехник.

— А у Шмелёва, — напористо завоевывал внимание Веня, — как это можно его не издавать? Возвращаю к теме цитат из классиков. У него Сидор на водокачке говорит лошади: «Вот так тыходишь,ходишь по кругу, а вся тебе награда: пойдёшь на живодёрку. Такая тебе планида судьбы». Планида судьбы. Умели классики.

— Да и мы умеем! — опять выставлялся коротенький лысый пародист Петя. За ним, кстати, бегали поэты, прося написать на них пародию. Этим тоже надо достигать известности. Ещё был в фаворе длинный пародист Иванов, но его в этом заезде не было. Знакомством с ним — вот времена и нравы — хвалились. А коротенький, в отсутствии конкурента, выставлялся в мужском клубе новыми своими пародиями — на писателей, конечно, отсутствующих. Одну я запомнил: «Юный прозаик по имени Петя книгами сыпал, в классики метя. Музу ему подложили в кровать. Незачем больше Пете писать». «Но это не о тебе, Петя, — адресовался он к писателю из Воронежа, тут же стоящему. — Это тот...», — он показывал пальцем вверх, намекая на свою смелость.

Вслушав эту пародию, я тут же сам на себя сочинил самокритичную: «Юный прозаик, по имени Вова, пишет в последнее время хреново. И вообще перестал он писать. Незачем музу к нему посылать». Незачем или не за что...

Этот Петя-пародист до Иванова-пародиста не дотягивал, ревновал к нему и старался каждый раз себя показать.

— О Шиллере, о Гёте, о любви? Таких ты разговоров не зови. Друзья мои, ведь дело наше — швах: долдоним о деньгах да тиражах.

Прав Петя: и тиражи обсуждали: одинарный или массовый. Первой книге обычно давали тираж тридцать тысяч. За авторский лист сто пятьдесят рублей. Полуторный тираж — пятьдесят тысяч, здесь авторский лист (двадцать четыре машинописных страницы) триста рублей, массовый, с двойной оплатой, начинался со ста тысяч, то есть шестьсот рублей за лист. Считайте сами — если книга листов двадцать, самое малое, то при массовом тираже автор получает двенадцать тысяч. Если учесть, что машина «Волга» стоила восемь, то жить писателям было очень даже можно.

В клубе были популярны пародии Михаила Дудина, например, о Мариетте Шагинян: «Железная старуха — Маргоша Шагинян, искусственное ухо рабочих и крестьян».

Запомнилась ещё шутка: «Мы на переподготовке были после второго курса. Там майор был, вояка, гонял нас. Выстроит, кричит: кто из вас за родину воевать будет? Пушкин? Убит! Лермонтов? Убит! Я? Отвоевался».

Ещё внезапно вспыхивал всегдашний спор новаторов и консерваторов.

— Прогресс двигают консерваторы!

— С чего ты вдруг?

— Да потому что достали эти выдрючивания, завихрения, всё уже же было сто раз: дыр-бул-шил, вся эта экзерсистика-маньеристика-верлибристика.

— Чего ты? Если им интересно, пусть.

— Но зачем? Будто солнце иначе встаёт или человек форму тела изменил, или деревья вверх корнями растут. От сотворения мира всё по-прежнему.

— Плюнь: повыщёлкаются, повыкобениваются и перестанут.

— Кто и засидится. И жизнь у дурака зря пройдёт.

Но вообще при всей разногласии мужской клуб встряхивал, думать заставлял, даже смелеть. Хотя я всегда, это от мамы и отца, считал, что надо говорить правду. Какая же смелость, если ты говоришь правду? Это нормально.

Не критик Веня, а другой критик, но как другого звали, не помню, вдруг завладевал вниманием:

— Ремесленники, рабы тщеславия! Слушайте сюда. Литература гибнет — это аксиома, не требующая доказательств. Как её спасти? Я коротко, конспективно, тезисно: надо убрать из писательской жизни три «пре». Что такое «пре»? ПРЕпятствия. Вот они: предисловия, презентации, премии. Всё! Литература спасена! Предисловие оставили в виде авторского кредо к первой книге, с чем писатель входит в мир словесности, его взгляды на жизнь, его саморекомендация, а презентация — вообще позорное слово, есть же русское — представление. Что презентовать, если ещё не прочитано? Пьянка одна. Вонзание штопора в упругость пробки? Премии — вообще гибель. Кому дали, кому не дали, всегда дали не тому. То лизоблюд, то хам, то угодил в тему. Но помощь писателям нужна, особенно старикам и молодым. Не премия (подачка), а помощь! Раньше были стипендиаты заводов, колхозов, фабрик. Сейчас надо тряхнуть банки и богатеньких Буратино. Нет возражений?

— Ну, ты хватанул! Романтики пера эт сетера, очнуться вам давно пора, — поддел пародист Петя. — У нас, подумай головой, кто в нашем деле рулевой?

Но не вышло у Пети перебить критика.

— Именно рулевой, спасибо, подсуфлёрил. Евгений Носов — вот прозаик! Из Курска. И всё был неизвестен. А напечатала «Комсомолка» очерк «Жили у бабуси два весёлых гуся», и случайно прочёл лично наш дорогой Леонид Ильич и похвалил — Боже мой, что началось! Как кинулись шестёрки-журналюги! Да и наш цех, литкритиков, прямо скажу, не отставал, целый хор раздался голосов с подголосками: велик и недосягаем курский соловей Евгений Носов! Не прозу его хвалили — очерк! Вдумайтесь в моральный облик тех, кто делает погоду на литрынке.

— У них морали нет! Тем более облика.

— Но что же мы скажем в ответ: таких среди нас здесь нет. — Это, конечно, Петя-пародист. Он знал, что запоминают не первых, не средних, а последних.

Крым не наш

Также проблема Крыма умы задевала. Громогласный морман очень возмущался. Говорил:

— С чего вдруг Никита раздобрился? Лёня бы не отдал. Где вы тут радяньску мову слышите? Только суржик или русский язык. А везде надписи по-украински. Какая зупинка? Чем плохо остановка? И эти женочи та человекчи чохи та панчохи. Одежда — одяг.

— Да им хоть как, лишь бы не по-москальски.

— Это не сейчас началось. Ещё при Алексее Михайловиче такая присказенька была: «Мамо, мамо, бис у хату лизе. — Нехай, дочка́, а́бы не москаль». То есть пусть хоть нечистая сила, лишь бы не москаль.

Тут и я отметил:

— Служил с украинцами. Парни службистые. Ещё на первом году надо мной посмеялись: «Эх ты, москаль, не можешь слово паляныця сказать!» А я думаю: надо же — всё вятский был, а тут уже москаль, в звании повысили.

— У них женщина — жинка, это неплохо, — одобрял неприменный участник клуба Сергей. — Нежненько. А муж — вообще: чоловик! А жена — знаете как? Это прямо крепость для мужа: жена у них — дружина.

— А у нас дубина, — сердито говорил романист детективного жанра Елизар. — Вот моя: делать ей совершенно нечего, как только за мной следить.

Все ему сочувствовали.

Скоро я понял, почему Сергей стал одобрять украинский язык. У него в эти дни происходили два текущих события: одно невесёлое — драматург Яша его общёлкивал на биллиарде, денежки вытягивал. А Сергей из самолюбия не хотел сдаваться. Но второе его воодушевляло: приехала сравнительно молодая поэтесса из Москвы. Очень сравнительно. Но москвичка. Бывшая киевлянка. Серёга за ней приударил. Докладывал:

— С квартирой. Дача. Муж в годах.

— Но ты-то тут причём?

— Разведу. Я чувствую, у неё с ним нелады. Она неглубоко замужем. Какой-то, чувствую, чинуша. Ей понимающий нужен. А это я умею. Он, видимо, дуб-дубарём. А она-то — вполне. Она полквартыры отсудит, нам на первое время хва-

тит. Я её третий день окучиваю. Уже на бульваре посидели, она даже мне и спела «Мисяц нызенько, вечир близэнько».

— Надейся, надейся, твоё сердэнько? — не удержался я поддеть. — Чоловиком станешь.

— Не надеюсь, а твёрдо уверен, — отвечал Сергей. — Хохлушки это не хохлы. Те упёртые как быки, а хохлушки — это, это... Я тебя познакомлю. Она рыжая, яркая шатенка, но не крашенная, такая и есть. — Он не смог найти определение для хохлушек. И поехал дальше. — И вот ещё что, только тебе: тебе нравится Ялта?

— Да уж больно она залитературена, да закиношена. А так, конечно. Море.

— Море, да. Так вот. Ганна, она сейчас уже Жанна, от Ялты без ума. У неё и с мужем нестроение в этом. Она о доме в Ялте мечтает, а он ни в какую. А я за эту ниточку уцепился. Но тут деньга нужна серьёзная. Не прежнее время. Чехов пишет жене: «Дорогая, боялся, что не на что ехать к морю, но Суворин взял два рассказа и лето обеспечено». На твой гонорар с рассказа хватит только на раз с парнями посидеть. Да и то не ресторан, а пивная. Это ещё что! Живёт он в Ялте, здесь ему нравится. Но неохота на съёмной жить. Пишет жене: давай купим. На следующий день, это всё в одном письме, пишет: купил. В том же письме к вечеру, пишет: «После обеда я подумал, что купленный дом далековато от моря, и купил ещё один, поближе». А дальше, слушай, дальше следующий день. В том же письме: «Дорогая, я окончательно решил, что дом надо строить свой. Поэтому сегодня я купил участок земли». Всё это я у Залыгина прочитал, он хорошо о Чехове написал. Где нам такие гонорары взять?

— Премию дадут.

— Дадут. Догонят да ещё поддадут. Премии, дружок, без нас делают.

Громкая читка близится

Дежурная в корпусе сказала, что меня искали.

— Владимир Фёдорович?

— Нет, от Ионы Марковича.

И в самом деле вскоре постучался молодой человек, очень приличный, вида референта при большом начальнике. Даже в костюме, даже при галстукке. Представился секретарём Ивана Ивановича.

— Вы знаете, что вы приглашены к нему?

— Да, он звал.

— Встречу переносили по независящим от него причинам.

— Да, в винные подвалы ходили.

— Встреча, он просил напомнить, будет завтра. В семнадцать ноль-ноль. Ужин будет в номере Ионы Марковича.

Ещё меня навестил Сашок. Он пришёл с бутылкой. Он ко мне и без меня заходил, я номер не закрывал. Часто его сумка с инструментами ночевала у меня. Он пришёл, спросил разрешения присесть. Тем более я и не за столом сидел, а лежал на диване.

— Плесни и мне, — неожиданно даже для себя, сказал я. — Три капли. Тши кропли, как гуторят паны поляки.

— Ого! — обрадовался Сашок. — Броня крепка и танки наши быстры!

Я подвинулся к столу, взял стакан:

— И наши люди мужеством полны. Саш, скажи честно, только не привирай: ты тогда про Соню выдумал?

— Что именно?

— Что она такая вся из себя: в ресторане с кем-то сидит, и так далее? Только не врать! А то очную ставку устрою.

Сашок смущённо хмыкнул, покрутил стакан, раскрутил водку в стакане, и заглотив её. Объяснил:

— Так она легче идёт. Эх! Один татарин в два шеренга становись!

— Ты про Соню, про Соню. Закуси.

— Хорошо, признаюсь, Конечно, не такая. Это я тебе как мужик мужику говорю, не такая. Я же тебе уже и говорил: она на все сто. Ни в какие рестораны не ходит. Честно скажу: вначале хотел с ней время провести, думал, всё получится. Здороваётся, улыбается. Вообще-то я парень селянский, скромный. Но тут, в этом доме, на них нагледелся. А-а, думаю, значит, и мне можно. А Соня такая манкая...

— Какая, какая?

— Заманчивая. Как взглянет! Пошутил два-три раза. То, сё. У меня же тут все условия. Выбрал момент, кран у них на кухне менял. Она там. Тонко намекаю ей на толстые обстоятельства. Приобнял так игриво. А она: я тебе сейчас по морде надаю. Да так сказала, я понял: надаёт. Да так взглянула! Ну, брат. И вся любовь. Мне так обидно стало: за мужика не считает. Вот с обиды тебе и сказал. Ерунду наговорил, никуда она не ходит. А ты чего сидишь, как красная девица, подымай. За тех, кто в горе. — Он, так и не закусив, снова взял бутылку за горло. — А честно сказать, она и права. Мы ведь как о них думаем: идут двое, впереди идёт женщина. — Ты с ней спал? — Нет. А ты? — И я нет. — Вот потаскуха! Вот как. Чего не пьёшь? Жена у меня никакая, любви у нас не было. Откуда взяться: по пьянке женили. В постель как на каторгу

шёл. Так мне и надо. А ты чего спрашиваешь, на Соню запал? Понравилась? Займись.

— У меня жена со мной венчанная. Работать приехал. А работа не идёт.

— Пойдёт, — уверил Сашок. — Сегодня в подвале сочленение в системе отопления менял. Вмёртвую всё заржавело, слезится, подтекает. Надо было шесть огромных гаек свинтить, им лет по пятьдесят, метрическая резьба. Думал, не смогу. Полдня корячился. Свинтил. И ты свинтишь.

Он налил было ещё, но, подумав, слил водку обратно.

— Соня. За такую Соню я и помереть был бы рад. Мгновенно бы от всех других отскочил, только бы с ней! Ох, она так на мою маму похожа!..

— Ну и объяснись. Так и так, скажи: прости, по дурости руки протянул. Да, с ней и речи нет о лёгких отношениях. Только семья!

— По-оздно, — протянул Сашок. — Да и слава обо мне не первого сорта. Иной раз притворюсь, что что-то на кухне или в зале надо, зайду, чтоб только на неё взглянуть. Стыдно же! Она ничего, здороваётся. Но как со всеми. Как со всеми, понял?

— Понял. А тебе надо, чтоб именно с тобой?

— Именно!

Что я ему мог посоветовать? Тут к нам забрёл критик Веня. Он тоже со мной особо не церемонился, заходил и раньше. Опекал меня. Взял, то есть, шефство. Учил жить. Говорил обычно: «Старичок, врубись! Идёт борьба! Становись в строй! Нужны активные штыки!» Я протянул ему свой стакан. Он не чинился.

— Завтра к Ионе Марковичу? К небожителям? Я тоже.

— Но ты-то ему нужен: воспоёшь его шедевр. А меня он из-за Тендрякова позвал. Рядом стояли. Мне и идти-то неохота.

— Ну как же, даже из спортивного интереса: такой ареопаг собирается. Секретари СП СССР, сплошь лауреатство. Олимп! Повелители умов! Плесни ещё, Сашка!

— Мы идём слушать новое произведение, — объяснил я Саше.

— А которому жена пить не даёт, пойдёт? — спросил Сашок. — Про милицию пишет.

— А, — понял Веня, — уверен, что зван. Знаменитость. У него и фильмы и однотомники. Это же элементарная литература, детективщина, чтиво. Он на Петровке свой человек. Его снабжают делами из архива. Выбирает, что поинтереснее и переводит в роман. Фамилии меняет. А как не даёт пить?

— Да он здесь каждую осень, это у нас все знают, — объяснил Сашок. — Если не напишет, пить не получит. Она его запирает и уходит. Он потом отчитывается. Она выдаёт бутылку. Он вроде того, что Ерофей Иванович или Елизар какой. Можно у дежурной посмотреть.

— У меня спросите. Елизар Ипполитович. Точно так с выпивкой было у Мамина-Сибиряка, — поделился Веня знанием истории русской литературы. — Читал, Сашка, «Зимовье на Студёной»?

— Ещё в школе.

— Молодец! Не пропал для вечности, — похвалил его Веня. — Ну, ты, — это уже ко мне, — осваиваешься? Наладил связи? Ты издатель, тебе легче. Не ты должен просить кого-то о чём-то, а тебя. Чего ты боком ходишь? Зачем тогда в Дом творчества ездить?

— Веня, я так не умею. Я тут многих вообще не знаю. Только которые мелькают по журналам и книгам, по фотографиям. Да и зачем знать? — рассудил я. — Это как наш знаменитый Егор Исаев: «Я могу кого-то не знать, но знаю, что меня знают». А мне ещё легче: и я не знаю, и меня не знают.

— Обожди, пока не забыл, про Елизара, — перебил Веня. — Тут уже я, как радатель русской словесности, имею мнение, — Веня снова глотнул. — Елизар единственно, чем молодец, в чём его поддерживаю, я даже с ним вчера тайком от его жены выпил. Да, он, кстати, сказал её подпольную кличку: овчарка КГБ, может, даже столовую ложку пива унюхать. Не смешно. Но в чём я его одобряю, чем молодец: у детективщиков хлеб отбирает. Несть им числа, заполонили все книжные полки. Прямо братство Вайнеров. Мусор создают, мусор сеют в головах, губят время, понижают вкус. У Елизара, по крайней мере, очистка страны от мусора.

— Милиционеров мусорами называют, — вспомнил Сашок.

— А что ты Егора вспомнил, — повернулся ко мне Веня, — это точное попадание: Егор — орёл. Он — наш человек: за молодых буром прёт. Я его высказывание люблю: «В литературе, милый мой, чем дальше, тем ближе». Непонятно, но здорово.

— Тогда получается: чем ближе, тем дальше? — спросил Сашок.

— У Твардовского: «За далью даль», — напомнил я.

— Конъюнктурная поэма, — сурово отрезал критик Веня.

— А посещение лагерей?

— После двадцатого съезда разрешённая тема.

Веня на всё имел критические замечания. Был в прелестной уверенности, что руководит литпроцессом. «Критики —

топливо для писателя». Я же считал, что топливо для писателя — внимание читателей. Зачем и критики, когда оно есть? А критики только тем и занимаются, что сводят счёты друг с другом. Правильнее сказать: враг с врагом.

Опять читку перенесли

Самое смешное, что секретарь южного классика опять постучался. Весь такой чёткий, рафинированный, в моём карцере очень живописно смотрелся. Видимо, его удивляло, как это его всеильный шеф зовёт в высокое собрание человека из номера, в котором нет окна. Даже не присел.

— Вынужден огорчить. Иона Маркович извиняется, что переносим. Но мы, простите, не учли, что это будет седьмое ноября. Теперь — на восьмое. Пожалуйста, пометьте в календаре.

— Так запомню, — обещал я.

Утром на другой день на берегу Владимир Фёдорович высказался:

— Тянет, важности нагоняет. Чего было тогда не прочесть?

— Владимир Фёдорович, а хорошо бы и вам прочесть хотя бы отрывок.

— Я-то бы прочёл, да Наташа не разрешит.

— Ничего себе. Почему?

— А где мы приготовим на такую ораву вина и закуски. Это, брат ты мой, южный классик. Они в республиках всё в кулаке держат. Там перед ними ихние Минкульты на цырлах. Он же и депутат, и вообще многочлен. Эту повесть, ещё и не видел никто, а я уже знаю, что её напечатают. И там, на двух языках, и в Москве в журнале, потом и в Роман-газете, потом отдельной книгой, потом будет театральная постановка, потом сценарий для фильма и сам фильм. Нам с ними не тягаться. Ты кого-нибудь переводил?

— Начинаю, — признался я, — Борис Укачин с Алтая.

— Но хоть хороший?

— Очень! — искренне сказал я. — Подстрочник он сам делал. Я начитался их эпоса, чтобы войти в обычаи, в ритмику языка. Это о детстве его. Голод у них какой был, сусликов ели! Всё, как у нас, кроме сусликов. Картошку прошлогднюю ходили сразу после снега искать. Оладьи из неё пекли. Конечно, взялся я за перевод, честно говоря, из-за денег.

— Ещё бы даром. Но ты же не будешь славить достижения партии и правительства. А то сплошь спекуляции, славословия путям, указанным дорогой партией. А этот Ваня уже своего переводчика и редактора сюда высвистнул.

-
- Такой, в галстук?
— Он. Ну что, двинулись!

Семь сорок в честь революции

Накатило седьмое ноября. Годовщина Октябрьской революции.

— Почему не ноябрьской? — вопрошали пытливые умы мужского клуба. — Ведь «сегодня рано, послезавтра поздно» провозглашено по старому стилю. А старый стиль большевики похерили, должны были и переверот назвать ноябрьским.

— А тебе не всё равно, когда выпить? — поддевали остряки.

— Может, и всё равно, но когда подкладка теории, то оно как-то спокойней.

Никакого торжественного собрания или митинга в Доме творчества не было. Но красные флаги были вывешены и на главном корпусе, и на обеденном. Ходившие в город говорили, что там была демонстрация. Мы поняли: услышали пальбу и увидели россыпи салюта на фоне моря.

Сидеть над бумагами было бесполезно. Звонил домой. Жаловался, что работа не идёт. Жена задала совершенно логичный вопрос: «А зачем поехал?» Сказала, что звонили из издательства: можно получить деньги за рецензии. Так что хоть это как-то оправдывало моё пребывание. Ведь я написал их в первые три дня, послал. Кажется, как всё это было давно. И этот Дом, и десятки раз топтаная по утрам дорога к морю, и само море. Но море не только не надоело, оно всё время тянуло. От утреннего погружения, каждый раз с невольным содроганием, до вечерней прогулки. На которую старался пойти один. Да, в общем-то, особо никто и не стремился гулять: холодно.

На громкую читку совсем не хотелось. Никакого интереса к знаменитостям я не испытывал. Всегда сторонился знаменитых, а также денежных. Почему, не знаю. Со знаменитостями будешь в их службе, с денежными — будут думать, что пристаёшь из-за денег.

Торжественный ужин был начат раньше на час. Потому что приехали заказанные Литфондом артисты и прибыл оркестр.

Ужины здесь и без праздников всегда были приличные, а тут на столы выставлялось такое обилие блюд, что все дивились. И приехавшее начальство, и местное были довольны. Меж столов порхали официантки в белых передничках, и

гуляла их старшая. Любезно улыбалась. И к нам подошла. Не надо ли что-то ещё? Мы благодарили: спасибо, всё лучше, чем надо.

— Наш стол, Соня, конечно, у тебя самый любимый, — сказала Наталия Григорьевна.

— Ещё бы!

Пели и плясали артисты изрядно, а отпев и отплясав, сели угощаться. Их сменил оркестр для танцев, который наяривал зело борзо. Танцевали в просторном вестибюле. Вдоль стен на столах сверкали напитки и пестрели закуски.

Я вжался в простенок меж окон и смотрел. Конечно, не танцевал. Никакого танго, никакого вальса не было, только быстрые. Но не украинский гопак, не матросское «Яблочко», не лезгинку грузинскую, не молдавский жок, не белорусскую бульбу, даже не фокстрот. Ещё быстрее. Самое медленное было «Бэсамэ мучо». Вспомнил знакомую старуху, которая об этом танце говорила: «Бес вас замучит». Да ещё двигались под звуки «Домино». Опять же вспоминал его переделку: «Домино, домино, денег нет, а выпить надо». Тут в праздник годовщины Октябрьской революции ритмы были боевые, победные. Гремели с лихорадочной скоростью звуки «Бони-М», тряслись под них. И под свою «Летку-енку» танцевать вытаскивали всех. Я уцелел. Потом ударили «Эге-гей, хали-гали, эге-гей, самогон. Эге-гей, сами гоним, эге-гей, сами пьём!» То есть это были знаменитые «буги-вуги». И новые ритмы услышал я и увидел, как под них двигаются. Тогда я впервые познакомился с классикой еврейских танцев: «Хава нагила» и «Семь-сорок». Это было нечто. Это можно было сравнить с ритуальной пляской победителей. Музыка была так энергична, ритмична, заразительна, что только заносенные, замученные ходьбой по асфальту, ботинки удержали меня от участия в торжестве празднования Октябрьского переворота. «Хава нагила» — в переводе «Давайте радоваться», танец ликования. Это мне драмодел Яша объяснил. И меня пытался в круг поставить. Нет, я бы так не смог. Тут нужна была тренировка. Круги были: один, побольше, вращался по часовой стрелке, другой, внутренний, против часовой. И всё время с согласным приплясом в едином ритме.

А уж когда грянул пляс «Семь сорок», тут пошли и пары, и кадрилиные кресты из четырёх человек и отчаянные одиночки. Всё содрогалось и кипело. Не одни же тут были евреи, но плясали все.

Меня увидела Соня. Она и тут столами командовала. Весело спросила:

— А вы что стоите?

-
- А вы что не танцуете?
 - Мне нельзя, я на работе.
 - Я так не умею.
 - Тут и уметь нечего, топчись да дёргайся.
 - Честно говоря, я уже уходить собрался.
 - Можно, я вас немного провожу?

Мы вышли в прохладу позднего вечера.

— Знаете, почему я напросилась проводить? Мне надо сказать, чтобы вы ничего не подумали. Что я тогда с Олей пришла. Может, подумали, что навязываюсь?

— С чего это вдруг, что вы?

— Спасибо. А я почему пришла: я вас в первый день как из отпуска вышла, заметила, я вам говорила о вашем сходстве с ним, с парнем, с которым любовь была. В регистратуре у меня знакомые, сказали, что у вас в паспорте Кировская область, это же рядом с моей родиной, архангельской. И я... — тут она как-то смущённо засмеялась. — В общем, вы мне понравились. И я, я же, дура, ещё вдобавок размечталась: вот я ему понравлюсь, он меня на Север увезёт. И чтобы в открытую, без обмана, пошла к вам с дочкой. Но сразу поняла, как вы про свою дочку сказали, что вы жену любите.

— То есть вы архангелогородская? Я это сразу понял: такая красота только у северянок.

— Да ну вас, не вгоняйте в краску.

— А как вы здесь оказались, это можно спросить?

— А чего нельзя? Крымские у нас шабашничали. Я не из самого Архангельска, рядом. Плотничали. На танцы приходили. И вот, нашелся орёлик, окрутил. Вы поняли? Отец Оли. И увёз сюда. А здесь загулял. Пустой человек. Сразу надо было понять. Да я сорвалась больше из-за отчима, у меня папа рано умер, на зимней ловле сильно простыл, в больницу не захотел. Заработать хотел. О семье думал. А отчим, всё же отчим. Я на маму сердилась: папу быстро забыла. А потом сама лямку потянула, её оправдываю: дети же. Ещё после меня двое. Да и отчим стал на меня поглядывать. Ого, думаю. Лучше уехать от греха подальше.

— То есть маму вы не послушались?

— Точно! Она моего Витьку сразу просекла — пустышка. А чем взял? Он среди шабашников всё-таки покультурней был. Но как? Наскрёб хохмочек с кабачка тринадцать ступень, на это дурости хватило. Шутил, смешил. Привёз к себе сюда. Весело с ним недолго было. Скоро я сама его выгнала и от них ушла. Хотя свекровь, его мать, рыдала: Соня, спаси Витю, Соня, не уводи Олю. Внучку без ума любит. Приходит к нам. А Витька опять где-то порхает. Привезёт Оле куклу и —

по бабам. — Она оглянулась на окна, из которых неслись звуки энергичных песен ливерпульской четвёрки, битлов. — Надо идти.

— А как вы в Доме творчества оказались?

— Закончила в Ялте уже кулинарное училище, искала работу. Вот и всё. Меня тянули в рестораны, но это уж нет, спасибо и до свиданья. Пришла сюда, спросила, взяли. Вначале на кухне, потом в простых официантках, потом старшей сделали.

— Мужички говорят комплименты?

— О, этого выше крыши. Это ж писатели! Не подумайте на себя. Но это такие мастера! Стихи дарят. Но я, если что, могу только по-серьёзному. Только так. Конечно, мечтаю о муже. Что в этом плохого? Но чтобы по рукам пойти? Тут только начни. Тут только дай слабину — сразу вразнос, а у меня дочь. Братика просит. О, если бы уехать на Север! Лучше всего! На Север! Да? Вы поддерживаете меня?

— Очень!

— Это другим не понять, но вы-то свой. Белые ночи! Боже мой! Северное сияние! Пойду. У вас есть сменные брюки? Сложите эти в пакет и соберите рубашки тоже.

Даже и ночью музыка этого вечера билась в памяти слуха, не давая спать. Конечно, наутро было не до работы.

Не выспался потому что.

Итак — Громкая читка

Громкая читка у Ионы Марковича была на очень просторной веранде его номера. Совершенно открыточный вид на море, на горы, на небо. Сама веранда представляла как бы уличное кафе: гастрономическое обилие поражало с первого взгляда. Не успели мы отойти от вчерашней, грубо говоря, обжираловки, как на просторах секретарского номера нас ожидало застолье олимпийское. Кресла для сидений на веранде были расставлены в изысканном беспорядке, но каждое имело соседство со столиком. А столики были загружены яствами так, что у них подгибались фигурные ножки.

Иона Маркович был весел, благодарил за то, что удостоили посещением, говоря, однако при этом, что очень волнуется.

— Надо же, — вполголоса насмешливо сказал Владимир Фёдорович, мы сидели рядом, — волноваться умеет. Сколько всего тут: попробуй, покритикуй.

Елизар, любимец Петровки 38, был уже выпивший. Он рядом с нами сидел с другой стороны и доверился:

— Сегодня я — царь и бог. Ваня молодец, бабё не позвал. Моя сегодня не посмеет меня тормознуть. Давай дёрнем. Чего ждате? Это ж не банкет, обсуждение.

Столики и сидящих за ними зорко оглядывал редактор Ионы Марковича, уже мне знакомый, следил за сменой опустошаемых ёмкостей. Мгновенно заменяя их на полные.

Явились и расселись властители дум, небожители. Пришел и опоздавший мореман Пётр Николаевич. Увидев такое обилие на столах, такое представительство властителей дум за столами, воскликнул:

— За хлеб, за воду и за свободу спасибо нашему советскому народу.

Сел на свободный стул рядом с критиком Веней, закинул нога на ногу. Веня выложил на стол предметы для раскуривая трубки: кiset, коробок спичек, плоскую загнутую на конце палочку, начерпал трубкой табаку из кисета и стал утапывать его этой палочкой, видимо, специальной для этого. Очень всё значительно проделывал.

Всем нам было неплохо. Дышали целебным воздухом, спустившимся с гор и растворённом поднимающимся навстречу воздухом морских просторов, что говорить! А обзоры какие! Смотришь на море, не насмотришься. Прямо жмуришься от его сияния, а все равно хочется смотреть. Птицы для нас концерт устроили. Как бы аккомпанируя человеческим голосам.

Читка началась. Она мне очень напоминала описанное Чеховым в рассказе «Ионыч» такое же «чтение» матерью героини. Там слышно было, как «стучат на кухне ножи», готовится угощение, гости томятся ожиданием. У нас ножи не стучали, угощение давно было привезено и приготовлено, и своё произведение читала не барыня, которая сочиняла от скуки, а настоящий писатель. И, как бы я ни иронизировал, писатель хороший.

«В тот, первый послевоенный год, мы жили очень трудно. И родители решили отправить меня в деревню к бабушке и дедушке. Они тоже еле-еле сводили концы с концами. У них оставалось два мешка кукурузных початков, бутылка растительного масла, мешочек изюма, немного сушеного мяса и копчёное сало».

В этом месте Владимир Фёдорович пнул меня ногой под столом. Я отлично понял смысл этого пинка. С таким количеством продуктов, которые в «чтении» были перечислены, по нашим вятским понятиям, можно было зимовать.

Слушать было интересно. Городской мальчишка в деревне, познающий труды на земле, впервые встретившийся с

лопатой, мотыгой, с кормлением козы и поросёнка, провожавший гусей и уток к пруду и обратно, — всё было описано со знанием дела. Иногда и с юмором. Знакомая мне ситуация, когда курице подложили утиные яйца, и она вместе с цыплятами вывела на прогулку утят, и когда они оказались у воды, то утята поплюхались в воду. Бедная мама-курица чуть с куриного ума не сошла. Или, как козлёнок наподдал мальчишке под коленки. Как прилетели скворцы. Как с бабушкой ходили в погреб за салом. Это вообще замечательно, когда авторы отдают поклон детству и отрочеству.

Я слушал и всё ожидал, когда же автор будет резать правду-матку о тяжелой жизни. Может быть, вот это: приход председателя колхоза, который просил деда выйти на работу, и приезд в село секретаря райкома на общее собрание. На работу дед не смог выйти: болен, занят с внуком, а на собрание пришлось пойти. Пошёл с ним и внук, бабушка осталась готовить ужин. На собрании агитировали подписаться на государственственный заем восстановления народного хозяйства. Но так как недавно уже подписывали, как говорится, добровольно-принудительно, то подписка шла со скрипом. Мальчик запомнил, как рассерженный на колхозников секретарь закричал на того, кто отказывался подписаться: «На Гитлера работаешь!» — «Так он же ж в же не живой», — сказал кто-то. А другой сельчанин выразился покрепче: «Хрен с ём, подпишусь на заём!»

Читку, в самом начале её, оживил романист Елизар. Он был знаком с писателем, были они на ты, и он, по праву дружбы, во-первых, а, во-вторых, желая совмещать приятное с желаемым, возгласил:

— Ваня, а вот это всё, что на столах, это только для посмотреть?

Иона Маркович даже привскочил:

— Что вы, что вы, что вы! Григорий Петрович, что такое происходит, ты что стоишь, не угощаешь? Давайте, давайте! За встречу!

— Не волнуйтесь, уважаемый автор, — солидно произнёс большой писательский начальник. — Григорий дело туго знает.

— Извините, спиной сию, — оправдался, но с какой-то поддевкой Елизар. — Ну, он сказал: поехали. Чтоб нам всю жизнь работать и ни разу не вспотеть!

— Перерыв на аперитив! — услышалось от дверей. Это Яша-драмодел подал реплику. И он пришёл. Без Серёги.

То есть Елизар дал отмашку, слушать прозу хозяина стало легче, слушать стало веселее. Гриша свершал круги по ве-

ранде, ловко подливая в бокалы из кувшинов. Этот Гриша так и не присел.

Владимир Фёдорович, пригубив вино, заметил, что оно очень даже тянет и на «Чёрного доктора». Я же, ничего в винах не понимающий, просто егопил. Очень мне понравились три сорта сыра: мягкий, твёрдый и ноздреватый, домашняя колбаса, тоже нескольких видов, уже упомянутое сало (может, из той же деревни от бабушки), и домашней выпечки пшеничный хлеб, чудом сохранивший благоухающую свежесть, а фруктов было — лучше не перечислять.

Высокое собрание не чинилось. Критик Веня перестал демонстрировать раскуривание трубки, глотанул вина и возгласил: «Вдова Клико!» Елизар придвинул к себе кувшин и часто заставлял его кланяться своему стакану, но и нашим бокалам его кувшин не забывал отдавать поклон. Один из небожителей вскоре вновь показал Грише пальцем на опустошённый кувшин, на смену которому тут же явился другой, полнѐхонький. Пётр Николаевич, попробовав вино, сморщился, подозвал Гришу, чего-то шепнул, и Гриша слетал за бутылкой коньяка.

Чтение продолжилось. Читал автор хорошо, с лёгким акцентом, иногда делая паузу и взглядывая на собравшихся. К вечеру приятно свежело, море приглушило сияние, отдав его небесам, птицы тоже чирикали потише, тоже вслушиваясь в описание нелѐгкой жизни. Закончилось чтение часа через два. В финале повести герой её осмеливается заговорить с соседской девочкой, на которую до этого только издали глядел.

— Вань, ты сам-то выпей, — сказал Елизар.

— Да, конечно, — согласился Иона Маркович. И в самом деле, выпил. И обвёл всех вопрошающим взглядом.

Воцарилось молчание. Но очень краткое. И я буду не прав, если скажу, что хвалили повесть из-за того, что автор её так щедро угощал. Нет, повесть очень даже понравилась. Тем более критиковать шероховатости текста было вряд ли уместно, это же был авторский подстрочник.

Но как может не понравиться описание детства? Да у бабушки-бабушки, да в деревне! Повесть напоминала и «Детские годы Багрова-внука» Аксакова, и повесть Нодара Думбадзе «Я, бабушка, Илико и Иларион», а там, где мальчик вытаскивает из речки брошенного кем-то шеночка, мелькнуло в памяти «Детство Темы» Гарина-Михайловского. Такие работы — благодарный поклон детству, заре жизни — каждый писатель просто обязан написать.

Но никто, конечно, поперѐд батек не совался. Ждали первое слово от писательского начальства. И оно прозвучало от вставшего с фужером минеральной воды в руках:

— Иона Маркович, поздравляю!

Аплодисменты освободили начальника от необходимости словесно обосновать своё поздравление. Дружно заговорили. Гриша вновь совершал круги, теперь уже не с кувшинами, а с микрофоном, как бы собирая дань за угощение. Но не могло же быть только славословие, ведь в повести были затронуты и сложные темы, например, непосильное налогообложение, та же подписка на заем, упомянутые вскользь дезертиры. Да и начальник, не мог же он совсем без замечаний обойтись, выразил своё несогласие с одним из эпизодов:

— Мальчик ночью слышит, как бабушка молится. Он слышит, и мне это напоминает «Детство» Максима Горького. Там тоже бабушка молится, тоже своими словами, тут параллель. Но время, описываемое вами, Иона Маркович, другое. Вы освещаете время, в которое исполнилось тридцать лет советской власти. Так что рекомендую над этим эпизодом подумывать. Литература идёт вперёд.

Тут Пётр Николаевич встал во весь свой рост и, он тоже был с хозяином на ты, спросил:

— А вот мне интересно: бабушка, увидя в окно секретаря, прячет икону. Это я понимаю и бабушке твоей, икону спасающей, могу салютовать. Не хватает духа открыто сопротивляться, так хоть икону спасти. Конечно, пример внуку подаёт далеко не лучший.

— У нас атеистическое государство, — подал реплику второй начальник, тоже из секретарей Правления.

Но не того стал учить. Пётр Николаевич фыркнул на него:

— Вы ещё скажите, что воинствующего атеизма.

— Да, скажу, — упёрся начальник.

— А в окопе под навесным и трехсловным, перекрёстным и миномётным, и под бомбами много атеистов? И Сталин был ребёнок малый, что церкви открывал?

— Тут политика, тут заигрывания с союзниками. Помощь от них по ленд-лизу усилилась. «Студебеккеры», не вам говорить, это не наши полуторки.

— Сейчас я не о том, — сурово сказал Петр Николаевич и покосился на Гришу. Тот понял, подскочил и наполнил осиротевший было бокал. — «Студебеккерами» от Бога не откупиться. Хорошо, поговорим потом. Закончу свою мысль.

— Да, конечно, простите, перебил.

— Но бабушка не заменяет икону портретом вождя. Уже спасибо. Пора уже и писать, как бывало у западэнцев, про их двухиконность, двухпортретность. «Кум, яка ныне влада?» И портреты на стене, а то и в Красном углу, то Сталина, то Петлюры. В зависимости от перемены влады.

— Да нет, друже, нет. Чего нет, того нет, — заверял Иона Маркович.

— Но бывало же?

— То не у нас.

— Добре. То есть «Над всей Испанией безоблачное небо»? Поняли? — Он уже ко всем сидящим обращался. — Это сигнал к началу действий, кто не понял, войны в Испании... А теперь транслируем это на СССР. Я спрашиваю: был двадцатый съезд? Был?

— Пётр Николаевич, конечно, был, — урезонил его большой начальник. — Мы повесть обсуждаем, повесть. При чём тут Испания? Он хотел вернуть застолье в рамки литературного собрания. Но не получилось.

— А раз был, то что мы всё в намёках пребываем? Всё по-прежнему: спасибо партии родной, у нас сегодня выходной. Так? Прошла зима, настало лето, спасибо партии за это? Хотя за это спасибо. И поэтому всё у нас пойдёт по-новой. От одного культа до другого шагаем. То батька усатый, то Никита-кукурузник. Широко шагаем, штаны как бы не порвать. Заканчиваю. Если мы все здесь такие умные, одарённые, облауреаченные, остепенённые, так что же в стране всё так плохо идёт?

— Пётр Николаевич, да что ж вы так-то? — укоризненно протянул начальник.

— Могу примеры привести. Привести?

— Только не надо! — воскликнул начальник.

— В космос вышли, а бабы колготки из заграницы тащат, своих нет.

— Пётр Николаевич, и что это доказывает?

Но Пётр Николаевич, сделав жест рукой, означающий примерно: вам ничего не докажешь, присел дохлёбывать светло-коричневую жидкость. За его спиной вновь возник Гриша, а в его руках возникла очередная бутылка.

— Силён Пётр, — восхищённо сказал Владимир Фёдорович.

Встал критик Веня. Вновь помахивая трубкой, что выглядело очень солидно, он тезисно изрекал:

— Острые моменты текста присущи возрождению советской литературы. Однако застарелые формы руководства литпроцессом, засилье Главлита, несомненно, сковывает инициативу творческой личности. Но это не значит, что этого надо бояться. Я бы посоветовал автору пойти по пути итальянского неореализма. Да, да. Феллини или Антониони, сейчас это неважно, снимая фильм, включали в него заведомо непроходимые эпизоды. Не надо думать, что на Западе сво-

бода волеизъявления. Например: снимает остросоциальную ленту и — в самом напряженном месте включает вид собаки, бегущей по отмени. Опять острый эпизод, опять собака. Комиссия недоумевает: почему собака? Он говорит: я так вижу, для меня это очень важно и так далее. Потом упирается для виду, потом вырезает собаку, говоря, что наступают на горло его песне, комиссия довольна, и кино идёт к зрителю. Таких собак я бы посоветовал разметать по тексту. Вдобавок это было и амбивалентностью. Вы, Иона Маркович, несмотря на возраст аксакала, легко владеете тем приёмом современной литературы, который некоторые критики называют постмодернизмом, а я бы назвал новаторством традиции. Да, такой термин возник в моём сознании, когда я слушал ваше чтение. Новаторство традиции! — Довольный собою, Веня чокнулся с мореманом.

— Ваня, — проникновенно сказал размякший от радости отсутствия строгой супруги и от угощения Елизар, — вот что важно, Ваня. Ты Иона, а зовём тебя Ваня. Имя твоё объединяет Советский Союз. Вспомним армейскую песню-марш «У нас в подразделении хороший есть солдат, он о родной Армении рассказывать нам рад. Парень хороший, парень хороший, как тебя зовут? — По-армянски Ованес, а по-русски Ваня». — Дальше в каждом куплете новая национальность. По-молдавски Иванэ, а по-русски Ваня. По-грузински Вано, по-литовски-эстонски-латышски ещё как-то, но все равно Ваня. И ты Иона — Иван, и ты нас объединяешь. И повесть твоя стопроцентна.

— Спасибо, спасибо, Елизар, — растроганно говорил Иона Маркович.

— А имя Иван, Иоанн восходит к древнееврейскому, — с гордостью вставил Яша-драматург.

— Без интернационала нам никак нельзя, — сказал довольный начальник.

— Иоанны у них были, но Вани у них всё-таки не было. Я так думаю, — заметил Елизар, — это наше национальное достояние.

— И ещё Емеля, — подкусил Веня.

Обсуждение повести, пропитанное застольем, плавно шло к идеальному финалу. Но вновь выступил мореман. Вновь он стоял с бокалом коньяка в левой руке, а правую поднял, будто голосовал или слова просил:

— На эту песню есть пародия: «У нас в подразделении хороший есть солдат, пошёл он в увольнение и пропил автомат». А пародия показывает фальшь того, что пародирует. Какая дружба народов, что людей смешить? — Сделав не-

большую паузу и качнувшись на ногах, он продолжил: — Внутри одного народа ещё есть какая-то солидарность, своих тянут, а к чужим любовь только у русских. Своих пожирают, других привечают. В Сибири вся нефть, весь Газпром холды захватили. А в Кремле, уж я-то бывал в ЦК на Старой площади, ходил по этажам, читал таблички — сплошь украинизация. Кой-где грузинская фамилия мелькнёт да прибалтийская.

— Нормально, — одобрил Владимир Фёдорович, издали приветствуя оратора приподнятым стаканом. А мне заметил: — Молодец Петька. У него же и «За отвагу» и солдатская «Слава».

— А почему это нам Африка дороже своих областей и волостей? — продолжал Петр Николаевич. — А? И Раймонда Дьен, которая на рельсах лежит, про неё уже опера, и Патрис Лумумба Африку освобождает, и Манолис Глезос в Греции флаг срывает, и Поль Робсон для всех поёт. Всех мы любим. Этот мальчишка в Италии, Робертино Лоретти, только его и слушали. Своих не было? Он голос потерял, мутация, так у меня внучка чуть с ума не сошла: «Дедушка, дай пять рублей, мы деньги для него собираем». А у него уже бензоколонка. Все нам дороги, все хороши, всех спасаем. Кроме своих, кроме парня Вани, правильно Елизар начал про Ваню говорить. Русский Ваня, который всех их талантливее. Но пропадёт в безвестии, ему не на что выехать из нишей деревни, его из колхоза не выпустят, надо город кормить. У Вани паспорта нет. Это вот сейчас КПСС, а давно ли было ВКП, в скобках бэ. Вэкапэбэ. Как расшифровывали? Второе крепостное право большевиков.

— Есть уже, есть паспорта, — испуганно успокаивал моремана большой начальник.

— Спихватились, — надменно сказал мореман. — Почему парни рвались в армию? Паспорт давали. А на целину? То же самое. Вот об этом кто-нибудь напишет? Или так всё и будем колебаться вместе с линией партии? Одну официальщину гоним. Да все мы, писатели, — шестёрки при нынешней власти. А писатель обязан быть в оппозиции! Иначе тишь да гладь, ведущая в болото.

— Пётр Николаевич, успокойтесь, уже всё налажено, — говорил начальник. — Ну что, товарищи, поблагодарим Иону Марковича?

Мы похлопали. Но, честно говоря, расходиться не хотелось. Пётр Николаевич, завладев вниманием, упускать его не захотел. И заявил, отпив из бокала и не садясь:

— А Босфор и Дарданеллы надо было брать! Надо было. Ведь мы же собирались идти «до самого Ла-Манша». И мы бы владели миром. И нас поддержали бы евреи. Ведь мы вернули им государство.

— Да, это так! — воскликнул Яша-драматург. — Да! Это главный итог войны. Две тысячи лет скитаний закончены. Начало всесветного социализма. По Энгельсу социализм наступает тогда, когда кочевые народы становятся оседлыми. Евреи уже стали. Остались цыгане.

— О евреях можно не заботиться, они сами лучше всех это делают, — это вновь Пётр Николаевич.

— Мы столько перестрадали! — возопил драматург Яша.

— Разве я что говорю, Яша? Яша, я тебя жалею и от погромов укрою. Я о родимой партии. «Ваше поле каменисто, наше каменистее. Ваши девки коммунисты, наши коммунистее!» Вот русский язык, полный неологизмов и потаённого смысла.

— Пётр Николаевич, — разгневался главный начальник, — вы же член партии.

— Я вообще многочлен! — отвечал ему на это Петр Николаевич. — Я между боями в неё вступал. Партбилет в санчасть принесли. Да, коммунист, не стыжусь! И в глаза всем скажу: не всё в порядке в Датском королевстве! Зажралась партократия! К Брежневу это не относится. Он вояка! Попробуйте на катерке политотдела два-три раза в день под обстрелом залив пересекать. Были в Новороссийске? У него есть биография! Что ему от Никиты досталось? Кукуруза? Униженный Сталинград? Гонения на церковь? Нет, Брежнев наш человек! И если с Фиделем на охоту съездит, что из того? Я о номенклатуре. Приедь в любую область, в любую республику — у партократов поместья, охотничьи домики в два этажа, скоро в три будут. Иди, неси им горе народное. Доне-сёшь, да не попадёшь. Везде охрана. Как поётся: «А за городом заборы, за заборами вожди».

— Спасибо, Иона Маркович!

Литературные вожди встали и покинули веранду.

— А вот ещё тема: инвалиды! — крикнул им вслед Петр Николаевич. — Несмываемый позор на всю страну! Как убрали с улиц и площадей инвалидов, калек, слепых, безногих, безруких? Самовары! Прятали. Это что? Это не прощаемо! У меня был друг фронтовой. На протезах. Ему и коляску уже достали. Вдруг его увезли. Куда? Сказали: в дом инвалидов на гособеспечение. А их сваливали в одну кучу на Валааме. Вот где победители. Где друг мой Алёшка? — Пётр Николаевич поднял взгляд к потолку веранды, покрытому выщелойся

зеленью. Будто что услышал. — Да! Кто это и с чего это взял, что литература идёт вперёд? Вперёд, ребята, сзади немцы — так она идёт.

Владимир Фёдорович подошёл к нему, и они присели за отдельный столик. Я хотел было пойти на свой первый этаж, но был задержан Гришей.

Между тем смеркалось. На юге рано и резко темнеет.

Послесловие к читке

На веранде зажегся свет. Это Гриша позаботился. Мы, подходили к Ионе Марковичу, благодарили. А он не мог понять, за что мы его благодарим, за чтение или за угощение. Но мы дружно уверяли, что и за то и за другое. Очень довольный Елизар, прихватив в дорогу баклажку, налитую Гришей, обнимал Иону Марковича: — Ваня! От всего сердца, от души, от всей печёнки, от всей селезёнки! От мочевого пузыря! Да, Ваня, прошиб! Воскрешаешь творческие силы! Жить захотелось!

И ушёл. Ушёл и Пётр Николаевич. Владимир Фёдорович, проводив его, сказал:

— Ваня, я бы так тебе посоветовал с повестью поступить, да это и всем нам надо: пусть полежит. Она сейчас горячая, надо остыть. Сейчас всё тебе в ней дорого. Ещё бы — дитя новорождённое. Отойди от неё, займись другим. А потом достань и читай как чужую. И сам увидишь, где убавить, где прибавить.

Виновник торжества выпивал и благодарил. И вскоре исчез.

— Отлично, отлично, — говорил критик Веня. — Как написал Саня Вампилов: «Побольше бы таких собраний, — говорили довольные трудящиеся». — Веня уже перешёл на фрукты.

Гриша, видно было, тоже был доволен. Персонально подскочил к Владимиру Фёдоровичу, спрашивая, не нужно ли ещё чего-нибудь.

— Нет, что ты, — мы же не в два пуза едим. Слушай, Гриша, а когда у вас первая зелень?

— Где-то к середине-концу марта.

— Ну что, — спросил я Гришу, — набралось на рецензию?

— Не только. Расшифрую записи, перегоню на машинку, разошлю по адресам для вычитки, для ещё дополнений, будем издавать книгу об Ионе Марковиче, всё вставим. — И предложил: — Может быть, и вы что-то скажете на магнитофон?

— Скажи, скажи, — подбодрил Владимир Фёдорович.

— Включаю.

— Скажу, что такие обращения к детству — это традиция русской, да и общемировой литературы. «История Тома Джонса, найдёныша», «Дети подземелья» Короленко...

— Традиция, да, — поддержал тут же подскочивший Веня, — но Иона Маркович её новаторски осовременил. Что я и сказал в выступлении. Новаторство традиции! Есть предложение, нет возражений? Гриша, аппарат записывает?

— Грюндиг! — похвалился Гриша.

— Отметь особо: это новаторский прорыв старшего поколения, когда реализм изображаемого погружается в подсознание, когда в контексте ощущается мощь подтекста и — внимание — новая реальность современной прозы и критики: веяние надтекста. Понял? — победно спросил он меня.

— Как не понять, я счастлив, что живу с тобой в одно время.

— Именно! За нами будущее. Будем дружить! Да, Гриша, не выключай. Три-четыре! В новом произведении звучит такая лирическая ноточка, ниточка такая, которая превращается в лейтмотив звучания, нить эта не нить Ариадны, вошедшая в бытовой фольклор, а блестяще найденная автором путеводная нить высокого искусства... Так, Гриша, я уже мысленно пишу предислуху к твоему сборнику.

Драмодел Яша делился своей проблемой:

— Запиши, Гриша: у нас всё Москва и Москва, везде Москва. Шагу без неё не ступи. С этой московской зависимостью литература и кино в СССР тормозятся.

— Как это? — не выдержал я, в данном случае представитель московского издательства.

— Каждую позицию приходится утверждать: в издании книг шагу не ступишь без Комитета по печати и отдела координации. А кино? У меня на студиях страны идут фильмы. И все их, все! — взвизгнул он, — надо визировать в Госкино. А там ещё те зубры сидят. «Почему это у него сразу несколько лент?» Да потому, — пафосно произнёс Яша, — потому, что они нужны, актуальны, сверхархиважны, как учил Ленин, сказавший, что из всех искусств для нас важнейшим является кино. А в Госкино, уж где-где, казалось бы, идёт глушение инициативы снизу. А, уж сразу скажу, театр! Тут вообще беспредел — опять же утверждение, сдача каждой постановки начальству.

— И правильно, — утвердил всезнающий Веня. — Нужна не такая цензура, но нравственная! Издевательство над классикой постоянно. Ни кино, ни театр, ни телеящик без напи-

санного писателем шагу не ступят. Всегда в начале слово, в основе всего. Это даже и в Библии есть, почитайте. Но это слово в театре интерпретируется. Вдумайтесь, какое слово: интерпретация.

— Интертрепация, — это я вставил.

— Да. — Веня или притворился глухим, или в самом деле не заметил сарказма. — А вот есть явление: появился на Южном Урале драматург Скворцов. Константин. Дивное дело — пишет в традициях и народной и античной драмы. Его ставят. И люди смотрят. В Челябинске пьеса о Златоустинских мастерах «Отечество мы не меняем». Замечательно! Я видел на декаде культуры. А ставить извращённую классику — дело неумное. Вот Таганка, Любимов, Высоцкий. Вот Пугачёв, Хлопуша, крик, надрыв, где тут Есенин? Тут Любимов. А с другой стороны Гельман, Мишарин, тринадцатый председатель, проблемы производства в свете морального кодекса. Авторы есть — театра нет.

— А чего ты про Скворцова?

— Текст его перевернуть нельзя. Попробуйте Софокла «Антигону» или «Ифигению в Авлиде» прочесть, выдёргивая куски, собьётесь со смысла.

— Наливаю! — воскликнул Гриша.

Мы, немногие оставшиеся, дружно выпили и отвальную, и стремянную, и закурганную. Но одержать победу над вино-коньячными запасами Ионы Марковича и закусками при них, мы оказались не в силах.

И, как пишут журналисты о свершениях тружеников народного хозяйства, усталые, но довольные, мы возвращались.

— Давай продышимся, — сказал Владимир Фёдорович. Мы пошли вокруг Дома творчества. — Знаешь, почему у них не будет литературы? Ты обратил внимание, сколько осталось еды у дедушки и бабушки, когда ребенок приехал в деревню?

— Ещё бы!

— Вот, ты сразу понял. Я Гришу спросил неспроста. Если появилась после зимы зелень, если до неё дожили, значит, выжили. Пестики, сивериха на ёлках, свечечки на соснах, там дикий лук, кисленка-щавель, это же всё съедобно, тебе ли объяснять? Они того, что мы испытывали, не испытали. Не пережили. Два мешка кукурузы! Мешок муки! Бутыль масла! Может, они Никите и посоветовали кукурузу сажать. О, Русь, себя не кукурузь! Кто это написал, не знаешь? Неплохо, да? Кукурузу — в Сиракузы, кукуруза — нам обуза. — Мы уже завершали круг. Уже поднялись на крыльцо. Он взялся за дверную ручку. — У нас за четыре мешка сорной пше-

ницы посадили. Да, подлинный случай, — он засмеялся вдруг. — Ну, Петя, орёл! Фантомас разбушевался. А ему уже терять нечего. Его и генералитет поэтому не прерывал.

— Почему?

— Ты не знаешь?

— Что именно?

— Рак. Неоперабельный.

— Нет, — растерянно сказал я, — Не знал.

— Да-а. — Он помолчал. — А у тебя как, идёт дело? Только честно.

— Честно: никак.

Мне даже стало легче, что я признался. А куда денешься, он же мне помог приехать в Дом творчества. А творчества никакого. Не оправдал доверия. Жену туфель лишил.

От дальнейшего объяснения меня избавила парочка, выходящая из корпуса на вечерний моцион: Серёга и Ганна-Жанна. Рыже-огненная, она прямо вестибюль осветила. Их пародист Петя прозвал Пара-цвай. Владимир Фёдорович поспешно ушёл. Серёга меня представил.

— Ты с обсуждения? И как там? Всё гениально? — И не давая ответить, продолжал: — Я тоже хотел пойти, а потом спрашиваю Жанну: тебя позвали? Она: нет. Ну, друзья мои, я не азиат, без дамы не пойду. А идти просить? Ну, такое не для нас, друзья мои. Это не апломб, а, если хотите, этикет. Да, Жанночка? — Жанна неопределённо хмыкнула. — Жанна, ты ему, — это он обо мне, — потом расскажи о том, как всё было с Рубцовым. — И уже для меня добавил: — Жанна с ними была знакома. И с этой, Дербиной, которая задушила, и с Колей. С Колей-то мы корешили, я тебе рассказывал. Так я и с Володей Фирсовым, с Геной Серебряковым, с Володей Цыбиным заединщики, на страже родины. Они не этот Евтух, который всегда на баррикадах. То в одну сторону постреляет, то в другую.

— Ты и с Пушкиным на дружеской ноге, — насмешливо сказала Жанна.

То есть использовал меня Серёжа, чтобы перед Жанной-Ганной выхвалиться. Никто его на читку не звал, и с Рубцовым вряд ли он корешил. Сейчас у Рубцова столько друзей развелось. А при жизни часто и переночевать было негде.

У меня в номере был мне подарок: на полу спал Сашок. На столе записка, закрывающая налитый до половины стакан: «Употребил».

Надо и мне собираться

Утром записка осталась, но прикрывала она уже не половину, а четверть стакана. То есть, как ни рано я встал, Сашок поднялся ещё раньше, отхлебнул, опохмелился и двинул на свои труды. Или, скорее, стеснялся за своё вторжение.

И опять мы бежали к морю. Уже сверху рубашек пришлось надеть свитера. На берегу торопились свершить обряд погружения, скорее одеться и обратно. Зрителей не было. Быстро одевались.

— Борода моя, бородка, до чего ты довела, — шутил Владимир Фёдорович о моей небритости, — говорили раньше: шётка, говорят теперь: метла. Правильно делаешь, от неё теплее. Скоро зима. А летом прохладнее.

— Дедушки же с бородами были. Потом на время прервалось, отец брился. А мне надо семейную традицию возродить. Да и говорят же: мужчина без бороды все равно, что женщина с бородой. Или ещё: поцелуй без бороды, что яйцо без соли.

— Без карломарксовой? — засмеялся Владимир Фёдорович. — И обратился к прибою: — Эх море-моряшко: завтра у меня последний разочек. — Раньше тебя приехали, раньше уедем. Без меня побежишь?

— Когда меня не было, вы же бегали сюда?

— А как же. Но с тобой повеселее. Побежишь в одиночку?

— Как прикажете.

— Беги! И за меня тоже испупись.

Назавтра мы его провожали. Вывалил весь корпус. Соизволило и начальство. Петр Николаевич вышел, Веня отменился, конечно, Серёга и Жанна, пара-цвай, вышли на крыльцо. С ними уже часто и драматург Яша гулял, был тут же. Владимир Фёдорович отвёл меня в сторону.

— Всё-таки я доцарапал повесть. Назвал «Ночь после выпуска». Нормально? Выкинули молодняк в жизнь, а жизни не научили. Хотел вам с Наташей вслух прочитать, не получилось. Теперь, без паузы, сажусь за следующую. «Четыре мешка сорной пшеницы» назову. Нормально? Ты не переживай, что мало сделал.

— Да вроде уже пошло, — доложил я.

— Никуда оно не денется, — подбодрил наставник. — Ты тут, по крайней мере, увидел цеховое содружество. Увидел? Понял, что его нет? И не надо. Каждый за себя, а все вместе за литературу.

— А литература — за народ?

— Хорошо бы! Да, видишь, пока не получается. А как получится, если за поэзию считают рифмованную борьбу за

мир, да всякие параболы, а за прозу разоблачение культа личности. Смелые! Оказывается, сказать элементарную правду — это смелость. А критики смелые от того, что требуют от писателей смелости.

Наталии Григорьевне принесли цветы.

Подошла литфондовская машина. Они погрузились и уехали. И мне очень захотелось уехать. Прямо сейчас: опустел для меня Дом творчества, осиротела тропа к морю. Но подошёл, взял под руку меня Петр Николаевич:

— Мне Володя велел тебя опекать. Пойдём выпьем.

— А можно нет? Но я могу рядом постоять.

— На нет и суда нет. Можно. Проверку на вшивость ты прошёл. Иди, садись, трудись. Ничего нам, брат ты мой, не остаётся. Давай пройдемся. Я ведь нынче последний раз приехал, прощаться приехал. С Ялтой. Мы каждый год приезжали с Настей, а нынче, братишечка, я впервые один. И везде хожу и везде слёзы лью. Тут были с Настей, тут посидели, тут я её огорчил, эту лавочку она любила, вязала тут мне каждую осень носки шерстяные, вот я и хожу от её заботы, хотя ноги стреляные. Везде Настя. На меня, как её похоронил, ещё на поминках нашествие началось. Много же вдов, знакомых её много, все по новой стали невесты. «Мы будем приходить, составим график» — это подружки её. А одну, ещё совсем удалая, особенно наваливают. Ну, уж нет, они все, вместе взятые, мизинца её не стоят. Вот, — он достал из нагрудного кармана фотографию. — А глаза, видишь, какие глаза: чувствовала. Эх, милая! Как бы я тебе после этого отчитался при встрече? Что на твою кухню другую допустил? Чтоб мне рубахи не ты стирала? — Он убрал фотографию. — Мне бы тяжелей было, если б я первый отстрелялся, её опечалил. А так, всё по-Божески.

Мы прошли по аллее до конца. Вернулись. Ещё раз прошли.

— Так и мы гуляли. «Петя, — она говорит, — какой воздух». Вот и я приехал в память о ней подышать.

Мы присели на «Настину скамью».

— Русские у нас везде ущемлены, — сказал он. — Шолохов Брежневу написал о засилии космополитов в кино и литературе, о псевдонимистах, от фамилий отцов ради выгоды отказавшихся. Об издевательствах в кино над русской историей. И что? И тот умудрился написать резолюцию: «Разъясните товарищу Шолохову, что в СССР нет опасности для русского искусства». Вот хвалю Брежнева: Лёня-Лёня, а в главном он оказался близоруким. Что удивляться, всегда в России: царь-батюшка хорош, бояре плохи. И пошли тут всякие

Солженицины, сам-то он очень Никите угодил, тот Сталину мстил, да расплодился рифмачи, которым, кому ни служить, лишь бы честь и поклонение да валюта. Давно ли прошло столетие Ленина, уж сколько на эту тему было анекдотов. И никакого ему в них народного почтения. Выпустили юбилейный рубль-монету, тут же: скинемся по лысому? Или алкаш достаёт монету, Ильичу говорит: «У меня не мавзолей, не залежишься». А наши строчкогоны везде наварят. У Вознесенского такой прямо надрыв: ах, уберите Ленина с денег, он для сердца, он для знамён. А про школу Лонжюмо, где готовили террористов, учили убивать, сочинил полную дикость: что русская эмиграция — это Россия, а в самой России среди «великодержавных харь проезжает глава эмиграции — царь». А дальше слушай: «России сердце само билось в городе с дальним именем — Лонжюмо». Вообще — полный кошунник: «Чайка — плавки Бога». Это уже такая мерзость. Рождественский шаг к мавзолею считал, тоже на поэму насчитал. Коротич, и этот поэму настрогал про дополнительный том собрания сочинений. Срам! Сулейменов тоже отметился, но он Ленина сделал тюрком, своим угодил. Все на премии рассчитывали. Иначе-то чего ради надрывались? И выскребли. Могут. Евтушенко вообще без передышки молотил всякие «Братские ГЭС», где египетская пирамида говорит с плотиной электростанции, да «Казанский университет», где Володя Ульянов занятия срывал. Противно всё это. А они в фаворе. И молодежь смотрит: вот на кого надо равняться, вот они где, успешные. А это всё ширпотреб. Есть же Горбовский, Костров, Куняев, Передреев, Старшинов, Кузнецов. Лёша Решетов в Перми. Поэты! И поэты в прозе сильные: Юра Казаков, Юра Куранов, Женя Носов, Лихоносков, Потанин. Дай Бог, и молодёжь подопрёт. Только бы Россию любили до боли сердечной!

Пётр Николаевич опёрся о скамью и встал:

— Вишь, какую тебе лекцию закатил. Люблю поэзию. Сам в молодости грешил. Но понял, что пишу хуже классиков. Хватило ума. — Развернул грудь. Вдохнул и выдохнул. Пословицу знаешь?

— Какую?

— Перед смертью не надышишься.

К любимой сосне

Очень тяжело было пожимать его руку. Но он так бодро и сильно стиснул мою ладонь, так крепко хлопнул по плечу, что я постарался не унывать. Договорились, что сядем на обе-

де за одним столом. То есть он сядет на место Владимира Фёдоровича.

Я направился было в номер, но понял, что хотя и пошла наконец-то моя работа, сразу сейчас, после отъезда Владимира Фёдоровича сесть за неё не смогу.

И пошагал я в гору к своей любимой сосне.

И закарабкался повыше. Утвердился в развилке сучьев, как в кресле, расселся в нём и озираю свои владения как полновластный хозяин. Вот там были в винных подвалах, там сидели, пили «марганцовку», там, за зеленью прибрежного парка, берег, на который прибегали каждое утро. Там кафе «Ореанда», там причал, туда дом Чехова, а туда, я обратил взгляд на горы, к северу, семья моя, Москва, а восточнее родина — Вятка. Только её воздухом можно надышаться. Хотя и в Ялте он неплох.

Так бы и уснул в этом кресле-качалке, да ведь не обезьяна, свалиться можно.

На обеде ко мне посадили Петра Николаевича и Серёгу с Жанной. Об этом просила меня Соня. Пожурила, что не принёс ей вещи для стирки. Мы говорили легко, как брат и сестра. Заметила, что я сейчас гораздо лучше выгляжу, чем при заезде. Сказала, что сейчас, у неё на работе, Оля и что Оля сделала для меня маленький подарочек. Я проводил её к её столу.

— Соня, извините меня, я слово одно замолвлю за Сашу. Я к нему пригляделся, он очень порядочный. Мелочи не в счёт. Буду говорить напрямик. Он вас любит. Да-да, не перебивайте. Знаю, что вам вернуться на север одной, с дочерью, трудно. А с хорошим мужем очень даже прилично.

Соня смущенно засмеялась:

— Ничего себе, поворотик сюжета. Я и не говорю ничего, что Саша плохой. Тут его избаловали.

— Соня, он может быть верным. Если мужчину любят искренне, он на сторону не пойдёт.

Олечка подбежала и не дала закончить разговор. Я только и успел сказать:

— Олечка вся в него.

Соня даже вспыхнула. Оля мне подарила шишку, превращённую в симпатичного ёжика. Подарила и сказала, чтобы я отвёз его своей Катечке.

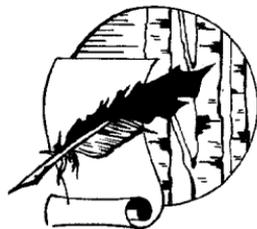
Но самое-самое главное: работа моя пошла, вот что. Это было так освежающе и так успокоилась душа, что я писал с огромной скоростью, только и боясь, чтоб что-то не помешало. Бежал на обед пораньше, быстро поглощал еду, не понимая, что ем, быстро убежал, обегая стороной мужской клуб.

Даже раз столкнулся с Соней и не сразу узнал: был занят мыслями о работе. Да, дождался, вымолил счастье работы страданиями. И тут скажи мне даже, что меня зовёт к себе шамаханская царица, я бы и от царицы отмахнулся. Ни одной странички ни на какую царицу не променяю. А как бы вы хотели?

Да, но времени уже не оставалось. Прибежал утром к морю — холодища! Непокойно синее море. Окунулся за себя, проплыл. Выскочил. Но надо же и за учителя. А за него побольше надо. Заплыл, выплыл, трясусь. Простыл.

И резко затемпературил. И в последнее утро прощального погружения исполнить не смог. На завтрак не пошёл. Конечно, сразу пришла Соня, потом медсестра, врач. Оставляли, продляли срок, но я не поддался на уговоры.

И на завтра уехал в Симферополь. А там на поезд. Билет у меня был куплен заранее.

Валерий ХАТЮШИН

МОЯ ЗВЕЗДА

* * *

Лето, лето... Как быстро... Как странно...
Вот уж август стучится в окно...
Излилось, отшумело неожиданно
дней моих золотое вино.

Лето, лето — короткое счастье,
ненаглядность внезапной любви,
глаз горенье и сердца ненастье,
и хмельная весёлость в крови.

Как бы ни было пыльно и жарко,
не боюсь я горячих лучей.
Лето, лето... Как скоро... Как жалко...
Август — месяц холодных ночей.

Ну останься еще хоть немножко,
на щеках мне морщины расправь...
Лето, лето, присядь на дорожку
и надежду на встречу оставь...

27 июля 2019

КАМО ГРЯДЕШИ?

Свой царский путь без реституций
давно пора нам обрести.
С вождами «русских революций»
мы сбились с русского пути.

Нас в *рай земной* звала дорога,
и мы пришли — в распад, в разлад...
Вожди мечтали жить без Бога.
Но жизнь без Бога — это ад.

Спросить себя должны мы прямо:
к чему свели мы жизнь свою?
какому поклонялись храму?
в каком желали быть раю?

У всех — своя земная драма.
Камо грядеши? — вот вопрос.
На Небесах не будет храма.
Там вместо храма сам Христос.

24 июля 2019

ИХ ПРОБА

Россия в авангарде высшей пробы:
Нет более нигде такого, чтоб
Английский цвет культуры — англофобы,
Французский цвет культуры — франкофоб.
Юнна Мориц

Они в культуре — наивысшей пробы.
Других таких — не сыщешь никого.
Да, «цвет культуры русской» — русофобы.
Но русских среди них — ни одного.

17 июля 2019

ВОЛЯ ТВОЯ

Бедное сердце в холодной груди
с ритма сбивается снова...
Ждёт не дожждётся меня впереди
чаша мученья земного.

Боже, как часто, всю нечисть кляня,
сам я грешил безнадёжно.
Пусть эта чаша минует меня,
если такое возможно...

В годы далёкие день ото дня
жил я легко и безбожно...
Пусть эта чаша минует меня,
если такое возможно.

Чашу сию от себя отвести
сам я уже не сумею...
Нет, не избрать мне иного пути,
волей исполняя Твоею...

18 августа 2019

* * *

Уходит лето... И кладут асфальт...
А с ним и плитку... Но уходит лето...
Сквозь гул и лязг я слышу низкий альт —
прощальный альт, с тоской звучащий где-то...

Сквозь топот, грохот, скрежет за окном
я слышу звуки голоса иного...
Иначе я рехнулся бы умом
в нервозном шуме города дневного.

Рычат машины, вздыблена земля.
Какой-то суший ад на белом свете.
И всюду — серой плитки штабеля.
Но плачет скрипка об ушедшем лете...

28 августа 2019

МОЯ ЗВЕЗДА

Сияла мне в снегах Сибири
и в жёстких северных снегах,
светила мне с небесной шири
звезда на дальних берегах...

И где б моя ни шла дорога,
вела меня звезда одна —
неугасима, ясноока,
при всех ненастьях мне видна.

Я шел за ней не понапрасну..
В удушье нервной маяты

не позволяла сердцу гаснуть
звезда любви, звезда мечты...

Пусть жизнь глаза мои остудит,
пусть суждено стихам истлеть...
Но здесь, когда меня не будет,
она останется гореть.

И в мире горнем, может статься, —
всё так же будет мне светить...
Лишь только с ней мне не расстаться.
Друг другу нам — не изменить.

Тоске любви, мечте безумной
останусь верен навсегда.
В полях ночных, во мгле безлунной
сияй, гори моя звезда...

26 сентября 2019

ПРЕДЗИМЬЕ (Триптих)

I
Кузьминский парк, осенние аллеи,
октябрь янтарный, воздух золотой...
И с каждым днем всё крепче, всё пьянее
любимый, терпкий лиственный настой.

Но скоро схлынет этот дух морёный,
лишь первый снег закружит над землей.
До снега землю застилают клёны
цветной душистой мягкой простынёй...

9 октября 2019

II
Угрюмый сумрак накануне снега.
Лес в ожиданье холода и сна...
Вот-вот покров сойдет на землю с неба,
и в мой ноябрь вернётся тишина.

И месяц мой, и этот сумрак серый
опять, как прежде, дороги очам.

А шум листвы, уйдя в иные сферы,
меня тревожить будет по ночам...

30 октября 2019

III

Ноябрьский иней на траве,
морозной осени бесснежность,
в безбрежной неба синеве —
и высота, и безмятежность.

Как чудо — солнце в ноябре!
Весёлый щебет воробьиный...
В опавших листьях на заре,
как на чёрном серебре,
блестит предзимний нежный иней...

23 ноября 2019

КАВКАЗ

Когда ещё увижусь я с Кавказом
и встречу снова эту вечность гор?..
Кавказ к себе влечёт своим рассказом
и зимним солнцем мой ласкает взор.

Что позабыто — перескажет снова,
что не избыто — он напомнит вновь.
Поэтов русских пламенное слово
Кавказ впитал, как высшую любовь.

И Пятигорск к подножию Бештау
принёс Руси величие как дар.
Я напоследок тихо помечтаю
зари эльбрусской разглядеть пожар.

Мы в чистом сердце носим горечь эту..
И горькой тайны не прольётся свет..
Под Машуком есть памятник поэту,
но нет следов, где был убит поэт.

Кавказ, когда увижусь я с тобою,
у скал чегемских молча постою..
Судьбу мою представлю я иною,
с крутых вершин взглянув на жизнь свою...

31 декабря 2019

ЧЁРНАЯ ЗИМА

Январь унылый, чёрная земля.
Блуждают где-то шумные метели...
Мы словно невзначай осиротели.
Пусты, грустны бесснежные поля.

За что нам эта чёрная зима
и этот морок марта на Крещение?..
Тут впору нам вымаливать прощение
у всех небес, чтоб не сойти с ума.

Она была всегда белым-бела.
Чем холоднее — тем ясней и краше.
Иль навсегда за все измены наши,
любимая, она от нас ушла...

19 января 2020

ФЕВРАЛЬСКОЕ СОЛНЦЕ

В окно заглянуло февральское солнце,
закатное солнце очнулось в окне...
Каштан у подъезда застыл полусонно —
наверное, грезит о скорой весне.

Зима не вернулась, она отвернулась
от нас и ушла неизвестно к кому.
Февральское солнце на миг улыбнулось
глядящему в сумрак окну моему.

Какое-то странное, сонное время —
ни свет и ни тьма, ни зима, ни весна.
Какое-то смутное, нервное бремя
от грусти не может избавить сполна.

Неясное бремя — в душе и в природе.
Себе говоришь: «Ничего... Не грусти...»
Едва лишь тревога уляжется вроде —
и снова ненастье, и спазмы в груди...

Кусты и деревья молчат полусонно.
А день полустёртый угрюм и безлик.
Сквозь чёрные тучи февральское солнце
в окне на закате мелькнуло на миг...

27 февраля 2020

МАТЬ

Жизнь прожила, не крещена,
к труду причастна с малолетства.
По детству пронеслась война
и, растоптав, сгубила детство.

Скорбей хлебнувшая сполна,
познала все земные грозы.
И без крещенья — прощена.
Её крещеньем были слёзы.

29 февраля 2020

* * *

В словах, в стихах — мечтаем преуспеть,
с надеждой нервной ждём пустой награды...
И нет нам сил за правду претерпеть —
и, значит, мы еще не знаем правды.

Скучна словес ничтожность для Небес.
Из всех наград спасёт одна — пощада.
Тем, кто взойдёт за Истину на Крест,
ни жалких слов, ни слёз не будет надо.

Пусть мы к Нему придём иным путём,
сумев ничем не отвечать злословью...
И, может быть, — не сгинем, не умрём,
уйдя из мира этого с любовью.

4 марта 2020

ТРИ ДНЯ

Как часто высший промысел сокрыт
на много лет для нашего сознания...
На Чёрной речке Пушкин не убит.
Бог дал ему три дня для покаянья.

Три долгих дня дарованы ему —
спасительных, мучительно-высоких...
И чтоб душа не сорвалась во тьму, —
духовнику открыл он своему

и в боли сжёг отвратные уму
грехи свои за все земные сроки.

Чтоб мог исполнить он завет царя:
«Прошу, мой друг, умри как христианин»,
когда еще пытались лекаря
утишить боль его на смертной грани.

Счастливый жребий, нет, его не спас.
Не спас и перстень Лизы Воронцовой...
Ему спасеньем стал пустынный глас:
«Моей исполнись волею суровой!»

В немой тоске, собрав остаток сил,
он внял, сражённый, неземному гласу.
И, в мыслях мечь таившему, Данзасу
сказал: «Не надо мстить. Я всех простил».

И вот уже из близких никого
не узнавал он, что-то где-то слыша...
И на словах последних: «Выше, выше...»
душа, чиста, оставила его...

13 марта 2020

ОМЕРТВЕНИЕ

Мы все оказались в квартирном СИЗО —
под жёстким домашним арестом.
Нам что-то об этом писал Ломброзо —
нам, сникшим под вирусным тестом...

Похоже, какой-то безумец большой
сыграл гениальную шутку...
Мы детской своей, легковой душой
купились на громкую утку.

На улицах мёртвых — лишь ветер и снег,
не бывшее прежде ненастье...
Нам кажется — эта метельная смерть
за нами пришла в одночасье.

Мы молча смирили вчерашнюю прыть
в тоске безнадежно-щемящей.

«Сидеть по квартирам! Не смей выходить!» —
шипит и рычит телеящик...

Мы в страхе поверили в сказочный миф,
сгустившийся грозно над всеми,
себя изолировав и обнулив
морозно застывшее время...

31 марта 2020

* * *

Нас оторвали друг от друга,
в своих домах замуравов.
В тисках душевного недуга
лишили нас свобод и прав.

И мы покорно подчинились —
закрылись в четырех стенах,
от жизни словно отрешились,
тая в сердцах тоску и страх.

Дома — как общие могилы...
И мы из-за дверей стальных
взываем: «Боже, дай нам силы
дожить до прошлых дней живых!»

Но прошлых дней мы не увидим,
к нам не вернётся прежний мир,
пока друг к другу мы не выйдем
на свет из немощи квартир.

19 апреля 2020 (Пасха)

НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

В майской яркости лучей
дни еще не жарки.
В парке свищет соловей...
Но закрыты парки.

Невозможная пора
новой русской драмы.

Исповедаться пора...
Да закрыты храмы.

Ароматный всплеск листвы.
Мир — в весенних красках...
А на улицах Москвы —
обезьяны в масках.

1 мая 2020

ПАРАД

И вновь Москву накрыло мглой.
Престольный град застыл во мраке.
Навис, как туча, над Москвой
Сергей Бордюрович Собакин.

Вновь у людей по всей стране
напряжены в молчанье нервы.
И в этой мгле казалось мне,
что к нам вернулся сорок первый...

И снились мне бойцы тех лет,
и взгляды их, надёжней стали,
их полушубков серый цвет,
и на Параде в Минске — Сталин...

9 мая 2020

МАСКИ

В этой чёртовой пляске,
в грудях каждого дня
уж не лица, а маски
оказали меня...

1978 г.

В одноликой столице
не встречаешь лица...
Словно снится и снится
жуткий сон без конца.

В этой чёртовой пляске
чёрно-вирусных дней

злобно-мэрские маски
всем важней и нужней.

Нам обещана плата
за безликий режим.
Спрятав лица, куда-то
мы, как зомби, спешим...

Этот путь без опаски
мы пройдем до конца
и приросшие маски
снять не сможем с лица.

12 мая 2020

* * *

Весна промчалась мимо нас,
угрюмо скрытых в заточенье,
прошло в дали от наших глаз
ее чудесное цветенье.

Мы не увидели весны,
и законная округа
еще печальней, что друг друга
мы в заточенье лишены.

Не сникнуть сердцем дай нам Бог
и год еще прожить в надежде
на то, чтоб каждый встретить смог
весны цветение, как прежде.

На то, чтоб снова, как в былом,
перетерпев судьбы изгибы,
мы за не бедственным столом
друг с другом встретиться смогли бы...

23 мая 2020

* * *

Низких туч безнадёжная мрачная сфера.
И сиреневый куст одиноко грустит.
Непривычная странность безлюдного сквера.
Отцветают тюльпаны и дождь моросит.

Стая серых ворон, вдалеке пролетая,
на ветру, словно чуя беду, голосит...
Непросветное небо холодного мая.
Отцветают тюльпаны и дождь моросит.

В прошлой жизни моей, до конца не забытой,
об одном небеса я молил что есть сил...
В жизни той, ото всех, кроме Бога, сокрытой,
отцветали тюльпаны и дождь моросил...

25 мая 2020

* * *

Дождливый май вошел в смурное лето,
отцвёл незримо полускрытый май...
Тепло и солнце заплутали где-то,
оставив этот сумеречный край.

Да мы и сами словно потерялись
в немилосердной к нам своей стране.
Но всё ж, когда в квартирах запирались, —
мы о тепле мечтали и весне.

Казалось нам: вот-вот, еще немного —
и всё вернётся, как в былых годах...
Тоска и грусть нас ждали у порога,
а в чьём-то доме поселился страх...

Кого-то мы уже не досчитались...
И в стороне от нас прошла весна.
Те, в ком надежды прежние остались,
Пусть нашей грусти не вкусят сполна.

Пусть в летний день июньский — светоносный —
свинцовым небом мы облучены.
Пусть в этот год несносно-високосный
мы ни зимы не знали, ни весны...

2 июня 2020

НАСЕЛЬНИКИ

Захвачены стальными ритмами,
летим куда-то всё быстрее...
Но Русь всегда жила молитвами
насельников монастырей.

Горды победами и битвами —
в страде войны, в сердцах людей...
А Русь еще жива молитвами
насельников монастырей.

Наград никчемных жаждем скрытно мы:
мол, ярче мы и всех острей...
А наша Русь жива молитвами
насельников монастырей.

Кичимся тачками элитными
в потоке лжи, в огне страстей...

Россия держится молитвами
насельников монастырей.

10 июля 2020

* * *

В небесах гремит гроза,
дождь всю ночь в окно стучится...
Ни о ком забыть нельзя,
и ни с кем нельзя проститься.

Если ты любимым был,
той любви еще пригубишь...
Всех, кого ты разлюбил,
вспомнишь ты и вновь полюбишь.

Не остыли те глаза,
в них ещё огонь лучится...
А в ночи гремит гроза,
и в окошко дождь стучится...

...Поутру поток машин
заглушает тишь рассвета.
...Осыпается жасмин,
и тревожно тает лето...

12 июля 2020

* * *

Дождь разгулялся по белому свету,
спящую грусть вороша...

К тёплой зиме и холодному лету
как-то привыкла душа.

Друг мой, от нас улетевшие годы
нам помахали рукой.

Мне, поседевшему от непогоды,
даже не снится покой.

Друг мой, состарились мы незаметно,
мудрыми став неспроста:
поняли мы, что любовь безответна,
что эфемерна мечта...

Семьдесят два — это много, наверно.
Вспомню ль о том в ноябре?..
Только одно вижу я достоверно —
то, что исполнится не суеверно,
то, что останется не эфемерно:
осень, трава в серебре...

30 июля 2020

* * *

Остывшего лета последняя зелень
застыла безмолвно в последнем тепле.
И мы, будто листья, живём на пределе
сердечного света на грешной земле.

Последняя зелень остывшего лета
играет на солнце, блестит как слюда...
Без горнего в сердце, без вышнего света
мы тоже, как листья, сторим без следа.

Сжимается август, сгущаются ночи,
на клумбах седых опадают цветы...
Без света надежды и мы, между прочим,
с тоской опадаем во мрак пустоты.

Но в заданной свыше земной круговерти
любовь и молитва завещаны нам
и, смертным, даровано всё же бессмертье,
как зелени вечной и вечным цветам.

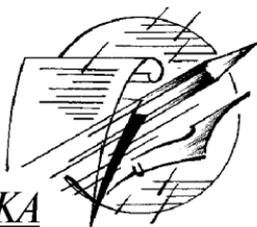
30 августа 2020

ЧТО НАМ ГОТОВЯТ?

— Валентин Юрьевич, мы с вами встречались в конце 2019 года, тогда в интервью вы сказали, что кризис неизбежен, но не стали называть сроки. То, что это случилось так скоро, стало для вас неожиданностью?

— В тот момент, когда мы с вами разговаривали, признаки экономического кризиса были уже в ряде стран. Я ознакомился с экономической статистикой Японии, Италии по четвертому кварталу 2019 года, которая сигнализировала, что в указанных странах уже начался экономический спад. Поэтому не исключаю: чтобы как-то прикрыть надвигающийся экономический кризис, была запущена спецоперация под названием COVID-19. Всё списали на вирус, хотя на самом деле причины глубокие, фундаментальные, они существуют на протяжении, по крайней мере, трех веков (я имею в виду время существования капитализма). Как всегда, они («хозяева денег») ушли от ответа на главный вопрос: «В чем фундаментальные причины кризиса?» И всё списали на коронавирус.

Недавно ретроспективно смотрел некоторые материалы ведущих консалтинговых компаний, в частности

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

McKinsey. Видимо, в 2019 году я прозевал октябрьский доклад, в котором прогнозируют, что в мире в ближайшее время может исчезнуть от трети до половины всех банков. Эксперты McKinsey прекрасно понимают истинные причины кризиса, так что был бы коронавирус или нет, но кризис случился бы. Пока, конечно, такого массового мора банков нет, но, по моим данным, он действительно в ближайшее время может начаться. Это тема отдельного разговора.

— *Значит, коронавирус все-таки не был тем триггером, который запустил кризис?*

— Он прибавил глубины кризису. Но, безусловно, дело в том, что спецоперация COVID-19 имела несколько целей. Во-первых, это некая дымовая завеса, прикрывающая надвигающийся мировой кризис. Во-вторых, некая тренировка, учения, можно ли людей в короткие сроки загнать в самоизоляцию (так они подобное называют), но на самом деле это добровольно-принудительное тюремное заключение. Половина человечества оказалась под домашним арестом, сроки его были разные, но, тем не менее, данный пилотный проект, с точки зрения его организаторов, сработал, удался. Поэтому я думаю, что они дальше будут углублять и расширять наступление на человечество. Так что не исключены другие провокации, может быть, начнется вторая волна пандемии или террористические акты типа 11 сентября 2001 года. Кстати говоря, именно с того дня пошло выстраивание нового мирового порядка или «дивного нового мира», выражаясь словами Олдоса Хаксли.

— *Кто же организаторы этой спецоперации?*

— Я их называю хозяевами денег — крупные акционеры Федеральной резервной системы. Статьи, обратите внимание: многие авторы используют слово «они» — это некая загадочная группа людей. Например, Джон Коулман и его книга «Комитет 300» и есть те самые «они» или «хозяева денег». Это мировая «закулиса», которая существует многие века. Просто в XX веке они стали действовать более нагло и открыто. Я недавно сдал в издательство книгу по антиутопиям. Там у меня, в частности, есть очерк про Герберта Уэллса, автора ряда научно-фантастических романов, антиутопий. Даже его «Машина времени» — это страшная антиутопия. Кроме этого, он писал программные работы, одна из них — Legal Conspiracy. В ней открыто и дерзко Уэллс озвучил планы мировой «закулисы». Сам он принадлежал к англосаксонской верхушке, входил в состав «Комитета 300». Так что читайте Уэллса — это идеолог мировой «закулисы», а не какой-то научный фантаст.

— «С моей точки зрения, пандемия — это некая дымовая завеса, призванная скрыть попытки финансового олигархата провести очередной мощный раунд передела собственности», — сказал недавно Сергей Глазьев. Вы согласны с ним?

— Я бы повысил планку оценки: не просто передел собственности, это еще один шаг к захвату мировой власти. Власть выше собственности. На самом деле собственность — средство, с помощью которого достигается высшая, с точки зрения мировой «закулисы», власть. На данную тему есть тысячи книг, об этом написано в Священном писании. Помните, как Христос был искушаем дьяволом в пустыне? Иисус 40 дней постился, ходил по пустыне, потом появился дьявол. «Преврати камни в хлеба», — сказал дьявол. Это искушение богатством. Но Христос сказал, что не хлебом единым сыт человек. Далее было искушение славой, когда дьявол поднял Христа на вершину Иерусалимского храма: «Сбросься, тебя же ангелы подхватят, и все тогда поймут, что ты сверхчеловек». Христос отверг и это искушение. А третьим было, когда дьявол поднял Иисуса на самую высокую гору и с нее показал весь мир. «Все эти города и веси принадлежат мне, — заявил дьявол. — Поклонись мне, и всё это будет твоим». Это искушение властью. Тема вечная. Поэтому, конечно, важна не собственность, а власть.

— *Сейчас они, получается, недостаточно властны?*

— Они пока полной власти не имеют, поэтому это их высшая цель. Я более 50 лет слежу за докладами Римского клуба. В 1968 году была создана данная организация мировой «закулисы». Кстати, Коулман считает, что это самая важная из легальных структур, которая работает по командам и в интересах «Комитета 300». В этих докладах в научнообразной форме обосновываются задачи, которые ведут к конечной цели. Первая задача — контроль над демографическими процессами, но не просто контроль, а сокращение численности населения.

— *Я читала в вашей статье, что они хотят сократить население до 1 миллиарда.*

— Да, совершенно верно. Говорят про «золотой миллиард», а на самом деле «золотым» является только миллион, а 999 миллионов — это «грязные», те, которые работают и обслуживают «золотой миллион».

Вторая задача — деиндустриализация, разрушение реального сектора экономики. С точки зрения мировой «закулисы», нынешняя промышленность истощает недра Земли, загрязняет окружающую среду, а всё это как бы принадлежит им — «избранному народу». Герберт Уэллс считал, что англосаксам, но есть и другие версии, кто такой «избранный народ».

Дальше идет такая цель как разрушение и размывание национального суверенитета. Разве мы этого не наблюдаем на протяжении 30 лет существования РФ? Мы хорошо видим, как размывается национальный суверенитет России. Даже если говорить о сфере финансов, то это снятие любых ограничений на трансграничное движение капитала, то есть фактически если мы открываем окна и двери своего дома, то поддерживать температуру в доме становится невозможно. Это образ процесса размывания национального суверенитета. Еще одна задача — цифровизация, выстраивание электронного концлагеря. Мы это тоже хорошо ощутили сейчас, во время пандемии COVID-19.

Наконец, последняя задача, которая является конечной целью, — мировое правительство и установление того мирового порядка, о котором открыто писал Герберт Уэллс в своей работе *Legal Conspiracy* еще в 1928 году. Иногда ссылаются на Протоколы сионских мудрецов, а вот, пожалуйста, берите книгу Уэллса, правда, она на русский язык не переведена. Но, думаю, она скоро появится. Сегодня в ходу термин «новый мировой порядок». А откуда он взялся? По крайней мере, во времена Уэллса он уже использовался. Надо копать вглубь, оттуда всё идет.

— *Как нынешний кризис поможет в достижении целей, которые вы перечислили?*

— Я еще раньше говорил, что для «хозяев денег» любой кризис — именины сердца. Для них это способ перераспределения собственности в свою пользу. Поймите, что та модель, которая существует уже 300 лет, — модель ростовщического денежного капитализма. Это экономика, в которой деньги рождаются из того, что банки выдают кредиты. Вы же знаете, что у нас, в России, да и во всем мире, за редким исключением, двухуровневая банковская система: Центральный банк, который эмитирует наличные деньги, и есть коммерческие банки, которые создают в несколько раз больше денежную массу в виде депозитных или безналичных денег. В мире пропорция примерно такая: наличных денег 10 процентов, а 90 процентов — безналичные средства, которые создаются коммерческими банками. К сожалению, этой простой истины не понимают даже некоторые экономисты. То есть под один рубль, размещенный на депозите, коммерческий банк может создать несколько новых рублей, условно говоря, до 10. А в некоторых странах нет даже никакого норматива, они могут «печатать» эти безналичные деньги без ограничений, лишь бы был на них спрос. Данная модель уже заканчивает свое существование.

Поясню на примере. Масса денег определяется объемом выданных кредитов. Предположим, в стране X банки выдали кредитов на сумму 1 миллион единиц. Значит, должны быть еще проценты, условно говоря, 10. Итого обязательства составляют 1 миллион 100 тысяч денежных единиц, а денег в обращении только миллион, то есть средств недостаточно, чтобы вернуть все долги. В результате получается, как в детской игре, где ребенку не хватает стульчика, т.е. это образ банкротства.

Для того чтобы как-то поддержать экономику (не устраивать же каждый год кризисы), банки говорят: «Мы рефинансируем ваш долг и дадим новый кредит». За счет новых кредитов вы покроете свои обязательства по ранее выданным. В итоге выстраивается пирамида долгов. Клиенты банков привыкают, что им рефинансируют долги, дают новые кредиты. И вот человек приходит в 10-й раз, а ему говорят, что больше не дадут. Догадываетесь, почему? Всё очень просто: уже исчерпаны все возможности обеспечения.

Помните в «Венецианском купце» Шекспира был ростовщик Шейлок, который говорил: «Мне не проценты интересны, мне важен залог». Таким образом, банки перераспределяют в пользу «хозяев денег» активы, имущество, богатства. С каждым раундом кризиса богатство всё больше стягивается в одних руках. В старых учебниках политэкономии этот процесс назывался централизацией и концентрацией капитала. На самом деле рано или поздно всё богатство окажется в руках «хозяев денег», если, конечно, этот процесс не остановить. Более того, всё богатство мира будет в конце концов принадлежать «хозяевам денег», при этом люди будут еще им должны.

— *Но процесс как-то остановить можно?*

— Это очень серьезный вопрос. Для подобного надо сначала понять, с кем имеем дело. Я не уверен, что среди наших читателей хотя бы один из 10 или из 100 понимает, как устроен данный механизм. Более того, думаю, что среди читателей немало таких, кто достаточно легкомысленно пользуется услугами коммерческих банков, а это небезопасно.

— *А вам удается не пользоваться услугами банков?*

— Полностью, конечно, сегодня без банков уже обойтись нельзя. По возможности я минимизирую свои отношения с банками. И уж точно не пользуюсь их кредитами. Еще раз повторяю, что банковский мир представляет собой двухъярусную конструкцию: наверху находится ЦБ, а внизу — коммерческие банки. ЦБ выпускает наличные деньги. Наличные купюры в вашем кошельке — продукция ЦБ, а безналичные, которые на счете где-нибудь в банке, — уже продук-

ция печатного станка коммерческого банка, а это, как говорят в Одессе, две большие разницы. Если люди не начнут понимать разницу, вряд ли можно ожидать, что процесс будет остановлен.

Поэтому лучше останавливать процесс не где-то на уровне Госдумы, где (извините за грубое слово) старпёры обсуждают какие-то законы, а на уровне университетов, где люди еще в состоянии впитывать какие-то знания, и еще процесс формирования человека не завершился. Еще лучше это делать в школе или детсаду, а еще лучше в семье: объяснять ребенку, что дважды два — четыре, а не пять или три. А сегодня как по Джорджу Оруэллу: важный партийный бонза О'Брайен в министерстве любви (на самом деле это полиция и служба безопасности) на допросах задает всё время вопрос Уинстону Смиту: «Так сколько же будет дважды два?» Перечитайте Оруэлла, это про наше сегодняшнее время.

— *Значит, вы считаете, что процесс глобализации не остановлен? Есть эксперты, которые полагают, что сами же Штаты, ратовавшие за нее, теперь хотят ее ликвидировать, поэтому будет тренд на регионализацию.*

— Это временный тактический прием. Обратите внимание, что 99 процентов государств на планете достаточно оперативно отреагировали на команды, которые идут из-за мировой «закулисы» через Всемирную организацию здравоохранения. Значит, у руля власти находятся люди, послушные им. По-моему, подобное очевидно. Поэтому этим послушным президентам, премьерам, канцлерам дана команда: срочно провести достройку отдельных камер мирового концлагеря. А потом, в какой-то удобный момент времени, все эти камеры будут сведены в единый мировой концлагерь.

— *То есть вы считаете, что наш президент, который хочет показаться на мировой арене самостоятельным игроком, на самом деле тоже послушный?*

— Я вообще смотрю на президентов, премьеров и канцлеров как на актеров — есть более профессиональные, а есть менее. Я же сужу не по словам и жестам, а по реальным решениям и действиям. Не хочу давать никаких оценок президенту в данном случае, я хотел бы рассчитывать, что какие-то позитивные процессы пойдут.

— *Так, значит, мы тоже послушная страна?*

— Я в прошлый раз сказал, что Россия имеет статус колонии. Так что ничего не изменилось. Или вы думаете, что с принятием поправок в Конституцию мы сразу перестали быть колонией и стали суверенным государством? Ну что-вы! Не будьте столь наивны.

— Но Беларусь и Швеция не вводили такие жесткие карантинные меры. Получается, они готовы не слушаться мировую «закулису»?

— На самом деле субъектов международного права, которые не очень отреагировали на указы ВОЗ, больше. Например, Люксембург, Лихтенштейн, Монако — это особые зоны для избранных людей, которые могут жить по особым законам и правилам. Швеция, видимо, тоже считала, что в данном смысле она офшорная территория, и, мол, нечего им слушать глупые команды из ВОЗ. А Беларусь действительно проявила твердость, последовательность и отказалась выполнять команды «хозяев денег».

— Если вернемся к кризису, он чем-то принципиально отличается от тех, что мы наблюдали?

— Он отличается только тем, что сейчас уже управление кризисными процессами перешло на глобальный уровень: именно «хозяева денег» определяют, до какой степени можно держать экономику в состоянии депрессии или стагнации. Раньше все-таки кризисы имели некий компонент стихийности, и в учебниках описывалось, как он начинается, продолжается и заканчивается. Это теория экономического цикла. Начинается всё с падения, потом стагнация или депрессия, затем оживление и подъем — четыре фазы. Сейчас этот цикл может произвольно менять свои пропорции, какие-то фазы вообще могут исчезать, потому что сегодня управление кризисом идет в ручном режиме. «Хозяева денег» уже сами принимают решения. Я думаю, что они будут дожимать мировую экономику. Им нужен глобальный затяжной и глубочайший кризис, чтобы не размываться на три обычных циклических стихийных кризиса, а прибрать к рукам то, что еще не успели именно в результате этого затяжного суперкризиса.

— Вы называете COVID-19 спецоперацией. Это не было случайностью, когда, как утверждают ученые, коронавирус перешел от животных к человеку?

— Таких вирусов в мире десятки и сотни. Если навести на какой-то вирус микроскоп, то человеку покажется, что это не вирус, а какой-то страшный зверь. Какие-то ученые считают, что в организме человека данный коронавирус существует с момента рождения. Поэтому если посмотреть на статистику смертности от разных причин, то коронавирус находится где-то на пятом-десятом месте. Есть гораздо более опасные заболевания, которые ведут к массовой смертности. Что самое удивительное, в результате этого карантина смертность по основным причинам резко возросла, потому что люди находились в состоянии стресса, в условиях изоляции, без све-

жего воздуха и солнца, им предоставлялась медицинская помощь по остаточному принципу, поскольку всё было брошено на борьбу с коронавирусом. Более того, американские и итальянские медики, вирусологи, врачи проводят ревизию тех заключений, которые выносились по смертным случаям. Выясняется, что в 80—90 процентах случаев причина не коронавирус, а все-таки какие-то хронические заболевания человека. Здесь ложь и обман зашкаливают. Опять же «хозяева денег», используя свой универсальный инструмент — деньги, добиваются нужного результата. Возьмем американское здравоохранение, поскольку по США картина исчерпывающая: там выплаты из страховых компаний по случаям, связанным с COVID-19, в несколько раз превышают выплаты по лечению пациентов с другими заболеваниями. То есть появился прямой денежный мотив, чтобы везде писать COVID-19. Слава богу, есть совестливые врачи, которые отказываются участвовать в этой, по сути, скрытой форме коррупции.

— *Но если в интересах этой «закулисы» кризис, то зачем способствовать выходу из него?*

— В текущем десятилетии произошла важная метаморфоза — завершилось формирование нового поколения политических лидеров. Это дрессированные «хомяки», которые гарантированно могли выполнить в 2020 году команду «хозяев денег». Еще 10 лет назад такая команда сработала бы наполовину, то сейчас уже на 99 процентов. Так что тут политика и экономика неразрывно связаны друг с другом.

— *Вы как-то писали, что сейчас все страны соревнуются по вливанию денег в экономику. Это правильная стратегия по преодолению кризиса, на ваш взгляд? И как на данном фоне выглядим мы?*

— Это акт отчаяния, рефлексия на кризис. Понятно, что удастся смягчить остроту кризиса. Конечно, когда говорят про вливания, то имеют в виду США, ЕС, Японию. Но, спасая экономику на данном отрезке, они разрушают ключевые элементы той конструкции, которая создавалась на протяжении веков, я имею в виду финансово-банковскую систему, потому что, конечно, ФРС вряд ли уже сможет остановиться. Некоторые считают, что нужно понижать инвестиционный рейтинг США по долгу, их долговые обязательства уже не отвечают стандартам и т.д. То есть это всё вписывается в те прогнозы и сценарии, которые давно озвучивались политологами, футурологами и даже пророками. Сегодня в Америке вспоминают Эдгара Кейси, который еще в 1930—1940-е годы в сомнамбулическом состоянии диктовал какие-

то пророчества, вокруг него дежурили стенографисты, которые всё записывали. Теперь на любой случай и по каждому чиху достают из архивов записи Кейси. Сейчас в Америке очень популярна запись о том, что 44-й президент США — последний президент Америки. Сначала считали по-другому, и 44-м был Обама. Но потом пришел Трамп, и пересчитали, потому что в конце XIX века один президент — Стивен Кливленд — был неправильно посчитан (он находился дважды в Белом доме, но с разрывом на один срок, поэтому его посчитали дважды, а надо один), поэтому вроде Трамп действительно 44-й. В книге Коулмана один из членов «Комитета 300» тоже говорит, что 44-й президент будет последним. Сегодня мы часто имеем дело с самосбывающимися пророчествами. Самый простой пример: у Ильфа и Петрова описаны обитатели «Вороньей слободки», которые чувствовали, что что-то произойдет, все застраховались на серьезные суммы и после этого сидели в тревожном ожидании, когда же она загорится. Она и загорелась. Это литературный пример самосбывающегося прогноза.

— *Вы часто и очень жестко критикуете экономические власти России. Как вы думаете, в период пандемии могли они себя вести иначе и принимать более эффективные решения?*

— А вы бы себя в какой-то иной ситуации как-то иначе вели, чем как вы привыкли? Предположим, хулиганили, нецензурно выражались? Все-таки вы сложившийся человек с определенными ценностями и понятиями о добре и зле. Вряд ли вы будете вести себя как-то кардинально иначе. Поэтому ваш вопрос странный. А что заставит их поменять свое поведение на этих государственных постах? Они являются членами колониальной администрации, четко продолжают выполнять команды, которые идут из мировой «закулисы». Они, что ли, одновременно превратятся из Савлов в Павлов? Я не вижу такой возможности. Может, кто-то отдельно взятый действительно превратится из Савла в Павла, но чтобы все одновременно... Это всё равно что все фарисеи, о которых написано в Евангелии, стали бы одновременно христианами. Тогда бы история по-другому развивалась.

— *В таком случае насколько эффективны меры по тушению кризисного «пожара»?*

— Это всё равно что человека неправильно лечат, когда он находится на последнем издыхании. Ошибочно был поставлен диагноз, неверно составлена программа лечения. Может быть, просто непрофессионалы это сделали? Или специально хотели данного человека отправить на тот свет? И вот человек чувствует, что через час или день уйдет на тот свет,

но просит: «Ребята, вколите мне морфия, может, я еще день протяну, лишний день жизни». То, что сегодня мы наблюдаем, — это вкалывание лошадиных доз морфия.

— *Вы под морфием понимаете в том числе снижение ставки?*

— Я подразумеваю лошадиные дозы денежных вливаний — это наркотик. Но он не лечит.

— *Вы в прошлый раз говорили, что весь мир сидит на этом наркоте. Теперь, значит, и у нас процесс пошел?*

— Если говорить про ЦБ РФ, то он повторяет действия ФРС и ЕЦБ с некоторым временным лагом. Например, снижение ключевой ставки. ФРС радикально снизила ключевую ставку, почти до уровня плинтуса. Прошло несколько месяцев, и ЦБ тоже резко понизил ставку до 4,5 процента. Но еще не вечер.

Или включение печатного станка — то, что у них называется количественным смягчением. Недавно российский ЦБ вроде тоже включил печатный станок, чтобы влить дополнительные деньги в экономику. Однако выяснилось, что нет спроса на дополнительные средства, но это уже другая проблема. Так что с некоторым временным лагом ЦБ повторяет действия ФРС и других ведущих Центробанков Запада. Может, тоже начнет кормить наркотиком пациента, который, возможно, почувствует некоторое облегчение, но летальный исход неизбежен. Нужны другие врачи, диагноз и программа лечения.

— *А был ли другой вариант? Насколько я понимаю, по вашему мнению, надо было ввести ограничения на трансграничные операции. Может, налог Тобина, как предлагал Глазьев?*

— Для начала нужна национализация власти, то есть сделать так, чтобы у нас была не колониальная администрация, а национальное правительство. К сожалению, этого пока нет.

— *Как подобное сделать? Как видим, поправки к Конституции не помогают.*

— Да, это смешно. Бумага всё вытерпит. Еще 50 лет назад, когда я учил в университете право, мудрый советский профессор говорил, что юридические нормы фиксируют реально сложившиеся отношения и нормы поведения людей, а не наоборот. Вы можете написать в Конституции, что люди и чиновники в РФ должны стать ангелами, но вряд ли такая статья поможет изменению человека. Так что бумага всё вытерпит.

На самом деле, если говорить серьезно о поправках, то там вопрос власти не решен. 75-ю статью обошли стороной, а она касается ЦБ. Статья осталась неизменной, соответственно, всё остальное не имеет особого значения. Парламент — это фиговый листочек, который прикрывает реальную власть

ЦБ. Так что я особенно не склонен надеяться, что поправки что-то оживят. Скорее всего люди будут оживать в результате неких перегрузок, так устроена наша жизнь. Как сказал один мой знакомый профессор, человек — это скотина, которая всё время вниз стремится, поэтому необходимы встряски, чтобы человек вспомнил, что он не скотина.

— *В одной из своих статей вы писали, что чипизация и вакцинация связаны. Это один из вариантов того, как загнать всех в цифровой концлагерь? Можно ли через вакцину всех чипировать и сделать подобное массово?*

— Я не такой глубокий специалист в этом вопросе, в данном случае опираюсь на иностранные источники. Подобные нановакцины содержат определенные наночипы, которые вводятся в человека и остаются там навсегда. Эти наночастицы позволяют идентифицировать гражданина. Всё стекается в общую базу данных, в том числе информация наружного наблюдения за человеком, данные, которые поступают от умных вещей, включая в первую очередь iPhone и т.д. Так что это более чем вероятно.

Билл Гейтс некоторое время назад откровенно говорил, что такие вакцины нужны. Три года назад он запустил проект ID2020 — проект идентификации людей. С помощью денег своего фонда он пытается начать такую идентификацию прежде всего в слаборазвитых странах Азии и Африки.

— *«14 мая 2020 года российский президент дал правительству поручения по построению этого самого «дивного нового мира» на просторах нашего Отечества. «За генетическим «редактированием» скрывается убийство народа России», — пишете вы в одной из своих публикаций. Как я понимаю, это касается проекта «Геном россиян», который будет осуществлять «Роснефть»?*

— Это проект, связанный с проведением расовой генетической политики. Чтобы ответить на ваш вопрос, надо танцевать от Чарльза Дарвина, который сказал, что человек произошел от обезьяны. Это страшная глупость. Дарвин написал книгу «Происхождение видов путем естественного отбора, или Сохранение благоприятных рас в борьбе за жизнь» — вторая половина в названии это для англосаксов (они и есть та самая «благоприятная раса»), а все остальные ближе к животному миру (так сказать, «неблагоприятные расы»). Это расовая теория англосаксов, та «теоретическая» база, на которой выстраивалась евгеника, которая делит людей на благоприятные и неблагоприятные расы. Потом евгеника перекочевала в США, там она имела прикладной характер, когда принимались законы о расовой сегрегации, насильственной стерили-

лизации, ограничениях и запрете импорта граждан определенной национальности. В общем, ярко выраженная расовая этническая политика в пользу белого англосаксонского населения. А в 1930-е годы англосаксы начали обучать евгенике специалистов из третьего рейха, особенно после 1933 года, когда к власти пришел Гитлер. В гигантских масштабах практическая евгеника реализовывалась в третьем рейхе. На Нюрнбергском процессе евгеника была осуждена. Но в работах по евгенике используются такие термины, как «генетическая коррекция». А если вы посмотрите на те документы, которые были приняты по генетике у нас в России, там тоже есть такой термин. Видимо, люди, которые готовили этот документ, не знают историю евгеники, они не знают Нюрнбергского процесса. Я думаю, что подобное тоже делается по командам из «закулисы». Это страшная вещь. Например, представители низших рас могут ограничиваются в правах, могут стерилизовываться. Люди с серьезными отклонениями от норм могут просто уничтожаться, как было в третьем рейхе. Это серьезные вещи. Особенно удивляет то, что подобное принимается в разгар вирусно-экономического кризиса, когда, казалось бы, надо заниматься другим. В данном случае мы имеем дымовую завесу, за которой решаются совершенно другие вопросы — выстраивание электронного концлагеря.

— *Можем ли мы себя как-то защитить?*

— В одиночку вряд ли кто-то сможет защититься. Это возможно через просвещение, образование, СМИ. Мы должны компенсировать то, что было упущено при обучении молодежи в школе, вузе. Сегодня в вузах конвейерное производство дураков. Поэтому мы должны нейтрализовать эту деятельность.

Если хотите защититься, вы должны понять, что такое генетика, генетическая коррекция, кто такой Чарльз Дарвин и какой вклад он внес в уничтожение человечества. Ведь когда я преподавал в МГИМО, то проводил социологические мини-опросы в группе и спрашивал: откуда взялся человек? Получалось, что 50 процентов считают: Бог создал, а 50 процентов, что произошел от обезьяны. Ну, если от обезьяны, — туда и отправляйся. Так что «хозяева денег» как раз пытаются сделать, чтобы человек стал обезьяной. В то, что человек произошел от обезьяны, я не верю, а в то, что его могут превратить в нее, — запросто. Такие насущные вещи надо объяснять людям. С этого и может начаться наше возрождение.

Беседовала Елена Колебакина-Усманова

<https://www.business-gazeta.ru/article/474506>

Николай ХАПЛАНОВ

(1936 — 2008)

Николай Хапланов — поэт, прозаик, журналист, краевед. Более тридцати лет посвятил журналистике, начиная с работы корреспондентом и заканчивая главным редактором городской газеты «Макеевский рабочий». Автор более двадцати книг.

Лауреат областной литературной премии им. В. Шутова и Международной литературной премии им. В. Даля, обладатель звания «Золотое перо Донбасса».

Служил в пограничных войсках. Награжден медалью «За отличие в охране государственной границы СССР», которую вручал лично маршал Г.К. Жуков.

Почётный гражданин г. Макеевка и Старобешевского района. Его имя носит одна из улиц пос. Старобешево и макеевское городское литературное объединение. В Макеевке проходят ежегодные Хаплановские чтения.

РАСКАЗЫ

О ЧЕМ РЫДАЛА СКРИПКА?

Мы редко виделись, хотя и жили в каких-то ста с лишним километрах друг от друга. Он уже был не в том возрасте, когда запросто можно сорваться и приехать в гости, а у меня и выходные выпадали лишь от случая к случаю, поэтому видеться приходилось, как это у многих тоже бывает, в основном в печальных случаях, когда кто-то из близких уходил в мир иной, и откладывать на другой раз поездку в родное село было невозможно. Тогда бросали всё и приезжали попрощаться с тем, кого больше увидеть не суждено.

Но иногда, может, один раз в пять лет, не чаще, дядя Христофор звонил мне и категорически требовал встретиться в отчем доме:

— Ну его всё к черту! Бросай всё и приезжай в субботу. Я тоже приеду. А то умру, и увидеться не успеем.

ПРОЗА

И мы съезжались в дом, где оба когда-то родились и выросли. Он в двадцатые годы, я — намного позже. В доме, откуда мы давным-давно разлетелись, но который был для нас центром мира, притягивал нас, как магнит, и в долгом нашем отсутствии напоминал о себе нестерпимой ностальгической тоской. К тому же нас в нём постоянно ждали самые родные люди — моя бабушка, а его мать, и мой отец — его брат.

Бабушка выкладывала на стол всё, что Бог послал, то, что привезли с собой мы. Мы часами сидели, пили и ели, вспоминали былое. Бабушка рассказывала о том, как в начале тридцатых годов, когда случился страшный голод, дед собрал всю свою многочисленную семью и вывез на Кубань, где работали на богатых казаков за кусок хлеба и тем спаслись. Отец вспоминал двух сытых молодых жеребчиков, которых во время коллективизации пришлось отдать в колхоз.

— Вывел я их из конюшни, — говорил он, — а они пляшут, на месте не стоят. Так и гарцуют. Веду на колхозный двор и плачу, слезы так и льются. Жалко было отдавать, но заставили. Это вранье, что мы добровольно в колхозы шли. Попробуй, не запишись, сразу в кулаки запишут, раскулачат или сошлют куда-нибудь. Сам мой отец, твой дед Василий, отвести тех жеребчиков силы в себе не нашел, мне, молодому еще, поручил. Отдал я его любимцев, а душа-то болит. Говорю председателю, что во дворе у нас целая скирда сена заготовлена, можно бы и ее перевезти. А он отмахнулся от меня. Мол, и без твоего сена обойдемся, сами заготовим. Не заготовили. Прощла зима, к весне многие кони, в том числе и наши жеребчики поумирали. Такие вот хозяева создавали колхоз тот..

А дядя Христофор рассказывал о войне, которую прошел с начала до последнего дня и даже женился на своей однокласснице Татьяне, встреченной на фронте в самый разгар боев. Рассказать ему было о чем. Как, впрочем, любому фронтовику. Если коротко, то вспоминал он, как поется в песне, «о боях, пожарищах, о друзьях-товарищах».

О том, как воевал мой дядя, говорили и его многочисленные награды. Старший лейтенант, командир то ли артиллерийской батареи, то ли дивизиона. Да это и не важно. Навсегда почему-то из многих рассказов запомнилась одна короткая фраза:

— Иногда после боя вся шинель оказывалась в пробоинах, а вот по телу ни одна пуля не попала.

Да, это было чудо. Пройти всю войну от начала до конца и не быть раненым. Такое счастье редко кому из воевавших выпадало.

Потом мы с ним шли пройтись по селу. Знакомые бросались ему навстречу, обнимали, расспрашивали о житье-бытье. Разговаривали долго и о многом. Я при этом обычно молчал. Не в правилах нашего рода перебивать старших, вступать в их разговоры. Молчи, пока тебя не спросят. Но меня не спрашивали, обо мне в такие мгновенья забывали. Это потом, через годы, когда я тоже приобрел уважаемую седину, мои также поседевшие ровесники стали встречать меня и заводить долгие разговоры, а тогда я был абсолютно молод и категорически не достоин внимания тех, кто прошел те самые огни и пожарища. И я молча слушал их воспоминания.

Потом мы с дядей шли дальше. Снова кого-то встречали, и снова мне приходилось уважительно молчать при разговоре старших. И так улица за улицей обходили почти всё село.

И лишь на одну улицу дядя категорически не желал даже ногой ступить. На улицу Калинина.

— Еще встречу случайно того подлеца, — его глаза при этом темнели от гнева, когда он говорил это, — могу не удержаться и врезать ему.

На той улице жил некий Василий П. Когда-то вместе с дядей он учился в одном классе, дружили, вместе закончили школу. Но случилась война. Все выпускники класса ушли на фронт. А Василий остался и, когда село заняли фашисты, поступил в полицию. Ездил по селу верхом на лошади, помахивал плеткой. Тех, кто криво посмотрит на него или скажет что-то не так, лупил нещадно. И коров для великой Германии забирал у сельчан, и молодежь стогнал для отправки на немецкую каторгу. Немцы, покидая село в сорок третьем году, с собой его не взяли, просто забыли о нем. Они тоже предатели не жаловали. По принципу «предал своих, предашь и нас». После освобождения села его арестовали, судили, дали десять лет. Отсидел весь срок и вернулся в село, в свой дом на улице Калинина.

Вот с этим человеком и не хотел дядя встретиться случайно.

Так продолжалось многие годы. И когда дяде было сорок лет, и когда шестьдесят, и когда семьдесят. По всем улицам села ходили мы с ним, и только Калинина обходили стороной.

— Оpozорил, гад, весь наш класс, — ворчал дядя, — воевали, полкласса погибло, а он...

И дядя, который очень не любил нецензурных слов, раздражался такой цветастой словесностью, что ему позавидовал бы даже автор самых бранных стихов поэт Иван Барков. Никогда не ругался так мой дядя, только когда вспоминал своего злополучного одноклассника.

— Да забудь ты о том, что там он живет, — говорил я ему, — пошли на улицу Калинина. Там тоже есть прекрасные люди. Разве не хочешь их увидеть?

— Хочу, но не пойду. Даже дом его видеть не могу.

Последний раз встретились мы с дядей в родном селе года за два до его смерти. Он был уже совсем стар. Красивые, черные, как воронье крыло, кудри покрыла пронзительная сплошная седина. Согнулись некогда крутые широкие плечи. И тех, кто бросался ему навстречу, теперь он долго рассматривал через очки, с трудом узнавая. Шел по селу, тяжело опираясь о мою руку. Он уже не раз лежал в больницах, где врачи говорили ему, что это выходят боком фронтовые зимние окопы. Война, которая не смогла сразить его пулями и осколками, все равно добралась до него частыми болезнями.

Мы обошли в тот раз, как всегда, много улиц, встретили много знакомых. И вдруг он буквально удивил, потряс, ошарашил меня тихо, почти неслышно сказанными словами:

— Пошли на улицу Калинина.

— На Калинина? — я прямо почувствовал, как у меня глаза на лоб лезут.

— Молчи... Пошли...

Я замолчал и покорно последовал за ним. Я уже догадывался, куда мы идем. Догадывался и боялся. А вдруг и впрямь «врежет»? На старости-то лет, в таком состоянии? Да и тот самый Василий, наверное, не в лучшем — одногодки ведь. Не хватало мне еще разнимать двух немощных стариков.

— Может, вернемся?

Но он, не отвечая, направился к высокой зеленой калитке, постоял минутку, переводя дыхание, и решительно открыл ее. Двор был большой, гладко залитый бетоном, красивый. В глубине ажурная, такого же, как калитка, цвета беседка, в которой за столом сидел седой, как и дядя Христофор, старик. Увидев нас, он поднялся, заторопился нам навстречу, грузно переваливаясь и семена своими некрепкими ногами. Но в двух шагах от нас остановился, всмотрелся в лицо дяди и прямо на глазах стал бледнеть. Я явственно видел, как его красное с двойным подбородком лицо становится белым, как снег, как бумага. Никогда не думал, что такое может быть. Лицо человека не просто бледнело, а теряло свой естественный цвет, превращалось в белое, абсолютно бескровное пятно. Он узнал того, кого не видел с довоенных времен, кого боялся, наверное, увидеть все эти годы. Губы его затряслись, зашевелились, но он не смог произнести ни одного слова. Так и стоял перед дядей, как перед человеком, который пришел исполнить давно вынесенный ему приговор.

Бледным стал и дядя. Но в отличие от своего бывшего одноклассника лицо его не потеряло свои обычные черты, а наоборот, как-то затвердело, окаменело, а взгляд стал пронизывающим, обжигающим, зубы сжалось. Я испугался, что он сейчас не выдержит, ударит или плюнет. Но он молчал. Они оба молчали. Только, не отрываясь, смотрели и смотрели друг другу в глаза.

Из дома вышла женщина. Наверное, жена Василия. Она тоже узнала дядю, засуетилась, заохала, стала приглашать к столу. Они ее не слышали, смотрели в глаза друг друга. Женщина вынесла какую-то снедь, бутылку, накрыла в беседке, стала звать хоть на минутку присесть. А они смотрели и смотрели.

Потом дядя, словно очнувшись ото сна, шагнул в беседку. Засеменил туда и Василий. Каким-то замутненным взглядом дядя осмотрел стол, увидел рюмки, отрицательно покачал головой. И хозяйка торопливо вынесла граненные стаканы, налила в них и, прижав руки к груди, испуганно взгля в сторонке. Они ее не видели, не замечали. Не отрывая взгляда от лиц друг друга, взяли стаканы и, не чокаясь, жадными, торопливыми глотками выпили до дна. И дядя сразу же направился к выходу, у калитки оглянулся, еще раз посмотрел на бывшего товарища. И я заметил, что у обоих по щекам, по тонким бороздкам морщин стекают слезы. Что говорили им эти неотрывные взгляды, понять было невозможно. Можно было только предполагать. Да, может быть, они и сами не смогли бы объяснить то, что происходило в их душах в эти минуты.

Дядя резко открыл калитку и, не оглядываясь, вышел на улицу. И только закрыв ее за собой, глубоко вдохнул воздух, как после самой тяжелой физической работы.

Мы шли молча. Я понимал, что расспрашивать сейчас будет неуместно. Я только заметил, что плечи его согнулись еще больше. За эти несколько минут он, видимо, постарел еще на несколько лет.

Дойдя до отчего дома, он устало сел на лавочку у ворот. Жестом пригласил сесть и меня.

— Вдруг захотелось увидеть, — неожиданно ответил он на мой невысказанный вопрос.

— А почему? — робко спросил я, — что случилось?

— Старость случилась, — вздохнул он, — годы наши случились.

Вошли в дом. Нас давно ждали к ужину.

— Где были, кого видели? — спросила бабушка. Дядя промолчал, а я не выдержал:

— На улице Калинина были, у Василия...

— Не стоило, — сказала она, — давно это было. Я сама, бывало, хотела всё сказать ему. Ведь он и меня тогда плеткой хлестал. Да решила — Господь ему судья.

— Господь, да... — согласился дядя, — и время.

И тут я понял главное. Да, ран от осколков дядя в войну не получил. Но разве бывший друг не нанес ему жестокое ранение?..

— Там у соседа, деда Петра, я видел скрипку, — неожиданно попросил дядя Христофор, — принеси ее мне. Поиграть хочу.

Он великолепно играл на скрипке. Если бы не война, возможно, стал бы хорошим музыкантом. Но она отобрала лучшие его годы. И после нее он стал учителем.

Я принес скрипку. Он сел на широкий топчан, сколоченный еще моим покойным дедом, и стал играть. Что это была за мелодия, я до сих пор не знаю. Ни до того, ни после я не слышал ее никогда. Может, он сам сочинил ее в те тяжкие для него минуты. Но мелодия была трагической. Скрипка в руках дяди стонала, плакала, рыдала. О чем? О его погибших на войне одноклассниках? О друге, ставшем врагом? А может, о времени, которое занесло свою смертную косу и над ним, и над его бывшим другом?

А через полтора года дяди не стало. Я стоял у его гроба и слышал ту стонущую, рыдающую мелодию скрипки...

ПОСЛЕДНИЙ ИЗ РАЗВЕДРОТЫ

Стало трудно дышать. Нет, не от духоты, не от зноя, проникающего в эту жаркую пору дня в его комнату, выходящую единственным окном на северную сторону. Солнечные лучи не проникали, а вот зной так и разливался по полу, стенам и, казалось, напряги зрение, и можно его даже увидеть. Но душно ему стало не от этого, а от одиночества, вдруг охватившего его, когда он прочитал только что вынутое из почтового ящика письмо. Незнакомая женщина из далекого города Мурома писала ему, что его письмо, адресованное Федору Юрьевичу Капустину, не застало его в живых, он умер от инсульта полгода назад. Освободившуюся квартиру выдали ей. «Недавно пришло письмо от вас, — сообщала она, — и мне пришлось вскрыть его. Вы уж простите. Сделала это, чтобы узнать, кем вы являетесь для покойного: может, родственник. Поняла, что фронтовой товарищ. И вот решила сообщить вам эту горестную весть».

И Тихону Васильевичу стало душно и одиноко. Очень одиноко. И очень душно. Он открыл окно, хотел вдохнуть свежего воздуха, но это не помогло. Воздух был горячим, обжигающим легкие, как тот, который он вдохнул когда-то, в сорок втором, вскочив в воронку от только что разорвавшегося снаряда. Ему почудился даже тот самый едкий запах тротила, что исходил тогда от развороченной земли.

— Эх, Федька, — сказал старик так тихо, что сам еле слышал свой голос, — и ты, значит.

Последние полтора года войны они воевали вместе в одной разведроты. И за языком дважды вместе ходили, и в рукопашной участвовали. А сколько друзей похоронили — и сосчитать трудно. Лежат они и на польской, и на немецкой земле. Одиноко им там, на чужбине, наверно. Родным, если живы, туда добраться не по карману. А чужие люди вряд ли придут. Тем более сейчас, когда мир перевернулся непонятно как, когда все вдруг отказались от социализма и усиленно стали строить какой-то рыночный путь. Раньше в тех странах хоть на день Победы цветы носили на их могилы, а сейчас, говорят, кое-где эти могилы и не сохранили. Кто мог подумать когда-то?

Тихон Васильевич прикрыл веки, мысленно попытался вспомнить лица тех ребят, что остались лежать в чужих землях. Это оказалось очень трудно. Вспомнилось лицо молоденького, совсем юного лейтенантика, убитого на второй день прибытия в роту, а вот фамилия его... Нет, не запомнилась. Других помнил по фамилиям, по лицам, даже по голосам. Вот Саидов, например. Осетин. Отчаянный, бесшабашный, веселый. А в бою — хищник. Залюбуешься. Убит под Варшавой. Джамалов. Из далекого узбекского кишлака парень был. Русского языка почти не знал. Росточком маленький, сам шустрый, непоседливый. Глазки маленькие и выпуклые, отчего всегда казалось, что он спит на ходу. Но под его прикрытыми веками таились зоркие, острые глаза горца. Был Джамал, как его называли в роте, самым метким стрелком. В цель попадал, почти не целясь. Думалось, что такого шустрого, такого, как ртуть, живчика, врагу и на мушку взять будет нелегко. Взяли. Прямо в лоб попала пуля. Уже в Германии, за два месяца до конца войны...

— Эх, Джамал... — выдохнул Тихон Васильевич, вспомнив уже это имя вслух, — Джамал...

Он несколько раз повторил имя погибшего, словно пытается как-то сохранить, запечатлеть, оставить хотя бы в этой комнате звук ушедшего в далекое прошлое имени. Помолчал, будто надеясь услышать ответное эхо...

— Тихинь...

Так называл его когда-то Джамал.

Шаркая шлепанцами по полу, прошел Тихон Васильевич в другой угол комнаты. Потом обратно. Что-то давило в груди, что-то болело там непонятное. То ли сердце, то ли сама душа. Он начал вслух повторять имена погибших товарищей.

— Гриша...

— Степан...

— Костя...

И заставлял себя верить, что слышит в ответ их голоса.

А потом стал вспоминать тех из своей разведроты, кто вернулся живым, кому так невероятно повезло. Их было девять, тех, кого удалось найти через тридцать лет после войны по трудной переписке с архивами, советами ветеранов различных частей своей армии. Девять, которым удалось на сорокалетие победы съехаться на встречу, и еле узнать своих товарищей в этих поседевших, согнутых временем, фронтовыми ранами и старческими болячками людях.

А потом изредка писали друг другу. Изредка, потому что писать было попросту не о чем. Уже не работали, уже были на пенсии. А что может написать пенсионер? Жизнь однообразна до одурения. Магазин, собес, поликлиника. Вот и всё. Жена несколько лет тому умерла. Сын живет где-то на далеком Севере, в России. Своя семья, свои заботы. Хотел забрать к себе, да отказался Тихон Васильевич. Всё же здесь — родной город, родные могилы, здесь, в Макеевке... Надеялся, что после смерти похоронят его рядом с Катериной, женой. Из другого города по нынешним временам, когда страна на пятнадцать частей разделилась, не привезут на здешнее кладбище. Там и похоронят, где умрешь.

— Катя... — прошептал он и прислушался. Нет, не отвечает. Да, душно. И как одиноко.

Год назад получил письмо о смерти еще одного из девяти-рых, Матвея Бондарева. А теперь вот и последнего, Федора Капустина не стало, значит. И остался он, Тихон, последним из разведроты. Никого, никого больше нет. Ни Кати, ни фронтовых товарищей... И шахту, на которой работал много лет, два года назад закрыли. И неизвестно, где делись директор, предшахтком, товарищи по забою... Кто, где и как пристроился — пойди, узнай. Всяк сегодня выживает, как может. Молодые в торговлю ударились, старики, такие, как он, на хлебе и воде живут. А что еще купишь на нынешние пенсии? Да и кого корить за такое житье? Президентов? Депутатов? Оно им надо, чужое горе? Вон по телевизору про забастовки,

про пикеты возле правительства передают. А кто их слышит? До фени им и шахтеры, и пенсионеры...

— Ох тяжко, хлопцы, тяжко... — снова вздохнул Тихон Васильевич, обращаясь и к погибшим, и к умершим. А к кому еще он мог обратиться? Там, за стенами, на улице живых людей много. А поймут ли они его, обратись он к ним? У них так много своих забот. Не до одинокого старика им. Вот и остается ему ходить по пустой квартире и разговаривать с теми, кого уже нет: с Саидовым, Джамалом... С Федькой Капустиным... С Катей... С теми, к кому, наверное, скоро придется отправляться и ему. Вся разведрота уже там. Уже и его зовут, ждут, чтобы он стал в их строй.

Мучительно сжалось сердце от желания услышать хоть какой-нибудь человеческий голос. Но чей? К соседям зайти? Всегда занятая, надолго исчезающая из дома молодая пара. Потом приезжают на такси, суетливо разгружают какие-то баулы, мешки, коробки. А в субботу утром спешат на рынок торговать. Как и миллионы других так называемых челночников. А на самом деле, кажется, учителя. Бедные люди. Вообще бедный весь народ. Что с ним сделали, никто ни понять, ни объяснить не может. Одно можно точно сказать: после всех этих перестроек, реформ, вселенских развалов, распада страны, после всего этого Тихон Васильевич стал понимать потихоньку, что теряется из его естества самое главное — чувство Родины. Сперва это чувство было. Даже очень сильное. В войну на смерть за нее ходил не раз, не колеблясь. А сейчас вдруг стал понимать, что той Родины, той земли у него больше нет. Исчезла, растворилась, отняли. Вместо нее что-то искусственное, не греющее душу, да и не требующее его любви.

Где-то далеко на Севере у сына есть мальчишка Борька, ему уже пятнадцать, а Россия, где живет и будет служить внук, теперь называется ближним зарубежьем... И в страшном сне не приснилось бы такое раньше... Россия — зарубежье.

Вспомнилась заметка, прочитанная в войну в дивизионной газете. О том, как лейтенант из Грузии, окруженный немцами, долго отбивался, а когда фрицы крикнули: «Рус, сдавайся!», крикнул в ответ: «Русские не сдаются!» и подорвал себя последней гранатой. Жаль, фамилии того лейтенанта не запомнил. Да, тот парень был больше русским, чем нынешние чубайсы и ельцины.

Позвонить, может, сыну? Дорого, конечно, но так хочется услышать родной голос. Хорошо еще, что телефон есть. Как ветерану войны когда-то поставили. Молчит, правда, много месяцев. Никто ему не звонит, и он не знает, кому позвонить.

Долго набирал «07». Наконец ответили:

— Тридцать вторая.

— Я разговор хочу заказать. Город Архангельск.

— Номер абонента?

Записав всё, что надо, телефонистка сообщила:

— Ждите.

И положила трубку. Вот он, единственный человеческий голос, что услышал он за несколько последних дней. Долго ходил по комнате, шаркая шлепанцами и дымя неизменной «Примой». Наконец аппарат проснулся, задребезжал. Он схватил трубку.

— С Архангельском связи нет, — сообщила она.

— Как нет? Раньше же была.

— Нет межправительственного соглашения, — бесстрастно отрапортовала телефонистка.

— А когда будет?

— Это мне неизвестно.

В трубке послышались короткие, неприятные гудки.

Ну вот, поговорил. И этого, значит, нельзя. Межправительственное соглашение. Это же надо такое придумать! Они там в игры политические играют, а он из-за этого и сыну позвонить не может.

Машинально, не ожидая ничего интересного, включил телевизор. Так и есть. Идет опять какой-то зарубежный боевик. Где они делись, отечественные фильмы? Дерутся, дерутся, дерутся... И простуженно гундосящий переводчик. Нет, не хочется такое смотреть. Выключил.

Почитать? А что? Книжки, что есть, читаны-перечитаны. Новые купить — на хлеб денег не хватает. И газет нет. Не выписал в этом году по той же причине.

Все-таки взял с полки книгу. Хотел, какую попадет, но рука невольно потянулась к мемуарам маршала Рокоссовского. Прославленный, любимый солдатами полководец. В декабре сорок первого довелось и Тихону Васильевичу повоевать под его командованием. Это когда под Москвой наше контрнаступление было. Нет уже в живых и маршала Рокоссовского. И других маршалов. Жукова, Баграмяна, Чуйкова... Все ушли. И рядовые, и полководцы.

— Как одиноко, братцы... — снова вздохнул Тихон Васильевич.

Закурил. И сигарета последняя.

Глянул в окно. Над горсоветом весело развеялся желто-голубой флаг независимой страны. Он долго всматривался в него, стараясь вызвать в душе былое чувство трепета перед государственным флагом, но ничего не получилось. Полот-

нише развевалось бесстрастно, отчужденно, не затрагивая в душе Тихона Васильевича никаких струн.

Открыл одежный шкаф. Достал мундир почетного шахтера. Долго всматривался в сверкающие на нем награды. Погладил ладонью орден Славы, три знака «Шахтерская слава». Одел мундир, расчесал волосы, стоя перед зеркалом. И пошел на кухню...

...На следующее утро соседи услышали запах газа, стучали к нему в квартиру, но он не открывал. Тогда позвонили в ЖЭК. Прибыли слесарь и участковый милиционер. Что поделаешь, пришлось взламывать дверь.

В парадном шахтерском мундире при всех орденах и медалях лежал Тихон Васильевич на кровати поверх одеяла. Участковый метнулся на кухню, выключил газ, открыл окно... Легкий сквознячок сбросил со стола листок бумаги. Участковый поднял его, прочитал и, побледнев, протянул слесарю:

— Боже мой... Прочитай...

И слесарь медленно, вслух начал читать:

— «Я воевал не за такую жизнь. И поэтому ухожу к Саидову, Джамалу, к Кате, к маршалу Рокоссовскому. Они меня ждут».

— Ты понимаешь что-нибудь? — спросил участковый.

— Понимаю, — вздохнул слесарь, — это не первый такой случай. Не выдерживают фронтовики...

И ВСЁ ЗАБЫТО

Он был стар. Стар, как древний дуб, посаженный на окраине его родного села в незапамятные времена кем-то из пращуров. Как каменные карьеры, откуда добывали гранит его земляки еще в прошлые века. И если бы кто-то спросил о его возрасте, он не сразу смог бы ответить. Сперва мысленно стал бы подсчитывать и вспоминать. А вспомнить было что. Была гражданская война, затем коллективизация, новая война, на которую его уже не брали по возрасту... В общем, всё, что выпало на долю страны за многие десятилетия, стало частью и его биографии, его жизни.

Где-то далеко в глубинах памяти смутно таились воспоминания о пережитом. Но он уже и сам не мог сказать, с ним это было или он об этом где-то вычитал и теперь считает частицей своей жизни. Всё слилось, соединилось во что-то общее неразделимое, став то ли правдой о далеком прошлом, то ли его фантазией, которую он считает правдой.

Где-то далеко и глубоко в памяти запрятан и иногда всплы-

вает смутными очертаниями облик девушки в белом платице, которой он, сельский учитель, читает стихи собственного сочинения. Девушка слушает, смущенно опускает свои длинные ресницы, и алый румянец покрывает ее щеки. Да, было. Кажется, было. А может, и нет. Может и девушка не из его жизни, а из книг, прочитанных им в те далекие молодые годы, когда еще не гремела та самая, тоже полузабытая, гражданская война.

Старик мучительно напрягает память, силясь вспомнить хоть одну строку из тех стихов. Что-то о любви, о цветах, о весне. Это он точно знает. А вот слова... Хоть бы одну, хоть бы одну строчку. Тогда бы он поверил, что и девушка в белом платице, и стихи для нее были не миражом, не плодом тоскующей старческой души, а явью. Очень давней, почти вековой давности, но явью.

Да, он был учителем. Это он хорошо помнил. И стихи, кажется, тоже писал, И вроде бы их печатали в какой-то газете. В какой — тоже уже не помнится. Лишь слышится тихий шелест разворачиваемого газетного листа и на миг возвращается беспокойное биение обрадованного сердца.

Нет, не вспомнить уже ни тех стихов, ни других, которые забрали энкавэдисты в тридцать седьмом, когда арестовывали его за «антипартийную пропаганду». Что за пропаганду можно было усмотреть в стихах о любви и цветах? Но усмотрели. И обвинили. И дали десять лет, потом добавили еще столько же. И били — не без этого. Сильно били. По голове, по ушам... Что-то с памятью с тех пор стало. Всё свое прошлое забыл. Путать всё начал. Вот и с этой девушкой. Была она или нет? Может, не было никогда? Может, и стихов не было, может, он и не писал их никогда?

Стар уже дед Пантелей. Очень и очень стар. Скажи, что почти двадцать лет в лагерях сибирских отбыл, а после них еще полвека живет, мало кто поверит. А было ведь. Или не было? Может, и лагеря — это его выдумка, приснилось ему?

Тяжело опираясь на палку, дед Пантелей медленно брел к окраине села, туда, где стоит тот древний, пращурами посаженный дуб. Там, на полянке, на разогретом солнцем каменном валуне почти каждый день сидит он часами, пытаясь вспомнить прошлое. И не может. Сильно, сильно били его тогда. Путается, переплетается явь и фантазия. И никогда уже, видно, не отделить ему их, не выстроить всё, как было.

— Здравствуй, Никитич. — Кивает ему встречная женщина.

Он внимательно всматривается в ее лицо, но узнать не может. Он вообще уже давно никого не узнает. Перемешалось

всё в памяти. Но в ответ на приветствие женщины кивает головой:

— Здравствуй, дочка.

Ни дочери, ни сына у него никогда не было. Не было и жены. Было только смутное воспоминание о девушке в белом платье. Но кто она, он тоже не помнил. И некого было спросить о ней. Ибо даже имени ее в памяти не сохранилось. Да и времени прошло так много, что помнить ее мог бы только он. Но он не помнил.

Недалеко от его любимого валуна на лужайке расположилась группа молодежи. Расстелили скатерть, разложили снедь. Смеются, радуются хорошей погоде, бренчат на гитаре.

— Дедушка, садись с нами.

— Спасибо, детки. Не надо. Отдыхайте, я здесь посижу.

Оперевшись подбородком о свою тяжелую палку, смотрит дед Пантелей в далекую даль, словно хочет увидеть там то, что навсегда скрыто пролетевшими годами и никогда не вернется. Смутно-смутно видится ему школьный класс, детские лица и опять — девушка в белом платье.

Молодежь, забыв о нем, что-то напевает под гитару. Он слышит обрывки разговора.

— Ну, как твоя курсовая?

— Трудно идет.

Парень в спортивном костюме достает из рюкзака исписанные листочки бумаги.

— Вот нашел в газете за 1920-й год. Правда, лишь кусок. Конец оборван.

И начинает читать:

*Лучи бросает солнце на планету.
О, как же жизнь сегодня хороша!
Пришла весна, за нею следом лето.
И радуются сердце и душа.
И, как весна, как солнечное лето,
Сияя красотой неземной...*

Парень замолкает. Одна из девушек тормозит его:

— Ну, чего ты замолчал? Читай дальше.

— Дальше нету, — вздыхает парень, — на этом месте оборвано.

Дед Пантелей, внимательно всматривающийся в горизонт, поворачивает к ним голову:

— Прочитай еще раз, — просит он вдруг.

Парень не понимает его просьбы, недоуменно смотрит на деда.

— Ну, вот то, что читал, прочитай еще раз.

— Давай, — просит и девушка.

Парень снова читает стихи из старой газеты и останавливается на том же месте. И тогда дед Пантелей тихо, с хрипотцой и как-то испуганно продолжает:

*Ты, в платье белоснежное одета,
Стоишь всегда, мой ангел, предо мной.*

— Дедушка, ты знаешь эти стихи? Может, и автора знаешь? — радуется девушка.

— Знал, — говорит дед Пантелей, — но его давно уже нет. Умер автор.

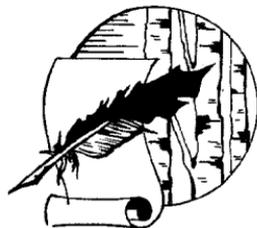
Он долго молчит, а потом неожиданно сообщает:

— А звали ее Вера. Я вспомнил. Верой звали ее. Верочкой...

Но этих слов молодежь уже не слышит. Кто-то снова бренчит на гитаре и все хором, весело поют:

— Всё могут короли, всё могут короли...

Дед Пантелей снова всматривается в горизонт. Дерево тихо шелестит листвой над его головой.

Александр ХАБАРОВ
(1954 — 2020)

Александр Игоревич Хабаров родился в городе Севастополе, где и провел большую часть юности. Учился в мореходном училище, в Крымском государственном университете, работал матросом-рулевым, наладчиком ЭВМ, спасателем, инструктором-спелеологом, корреспондентом крымских газет, редактором студенческой газеты.

В 1987—1991 годах работал в журналах АПН. В 1989 году появились первые публикации стихов (журнал «Простор», книга стихов «Спаси меня», подборки в альманахе «Истоки», «Литературной России»). В последующие годы стихи и проза выходили в журналах «Москва», «Лепта», «Юность», «Новая Россия», в альманахе «Академия поэзии». В 1996 году был принят в Союз писателей России. Лауреат литературных премий им. Н. Заболоцкого и «Золотое перо Московии». Стихи вошли в антологию «Русская поэзия. Век XX».

Долгое время жил в Москве. Последние годы жизни прошли в Подмосковье — в г. Домодедово.

БЕЛАЯ РУБАХА

СВЕТЛАНЕ

Ссудил мне женщину Господь,
И стала мне — жена.
Теперь у нас едина плоть,
Душа у нас одна.

Теперь у входа в клуб иной
На стражей погляжу;
«Вот эта женщина — со мной!» —
Надменно процежу.

Быть может, на исходе дня,
В конце путей земных,
Она попросит за меня
У стражников иных...

ЛАМПАДКА

Я купил себе лампадку —
Изгоняю тьму-змею
И к небесному порядку
Приучаю всю семью.
Огонек-то невеликий,
Будто меньше нет огней,
Но зато виднее лики,
И родные всё родней.
Сумрак рвётся, как завеса.
Замирает всяка плоть.
Вот гвоздит Егорий беса,
Как велел ему Господь.
Серебрятся в светлом дыме
Над негаснувшим огнём
Преподобный Серафиме,
Богородица с Дитём.
Вот и мы, в соборной стати,
Хоть и сонм наш невелик:
Я, жена и два дитяти
(Ангельский пока что лик...)
Коротка молитва наша.
Что попросим — Бог даёт...
Да не минула бы Чаша
Всех, кто к Чаше припадёт.
Чтоб лампадка не погасла,
Освящая путь далёк,
Подольём немного масла
И поправим фитилёк...
И в ночи, такой кромешной,
Что и слёз не сосчитать,
Уж дождемся день утешный
И нежданный, яко тать.

МИР ЛЕТЯЩИХ

Длился день, как бездна. Я упал,
Я летел в неведомое «нет».
Кто-то крикнул сверху: «Кончен бал!»
«Неизвестно...» — я шептал в ответ.

Вот уж пронеслись труды, дела,
Мягкие постели, наряды,
Кремль, Адмиралтейская игла;
Промелькнуло имечко — Берды.
Женщины в нарядных кружевах
С легкостью парили в вышине —
Я летел в оковах и в словах,
Не до женщин нынче было мне...
Падал я, как падают слепцы
С шатких крыш, с невидимых краёв.
Падал я, как падают птенцы,
Думая, что лучше нет миров,
Чем вот этот, вольный и пустой,
Мир летящих и тяжелых тел...
Как и все, я грезил высотой,
Как и все, упал, а не взлетел...

ЗА ЧТО?

Господи, за что такая милость —
Жить и жить, и легкий крест нести?
Ничего со мною не случилось
В переулках светлого пути.
Не стрелял я в воздух из нагана,
Не топтал надгробия отцов
И не пил из одного стакана
С кем-то из подобных подлецов.
Не убил меня пустой бутылкой
Блудный сын столичной полутьмы.
Черный враг с противною ухмылкой
Не давал мне сотенный взаймы.
Не бывал я в Индии, в Европе,
Даже на Камчатке не бывал!
Не дрожал в заснеженном окопе,
Никогда людей не убивал.
Не плутал слепцом в степной метели
Не питался терпкою травой...
...Знать, умру я на своей постели
Сразу после третьей мировой.

ЧУДЕСНЫЙ МИР

Белый свет уж не мил, и закон не указ;
Что мне эта ржаная свобода?

Коли солнце не спалит, так вышибет глаз
Корифей високосного года...
И за что мне такая чудная напасть —
Жить и жить посреди, а не справа?
Долго длится проезд, и не держится власть,
И суставами шелкает слава.
Что же делать, убившему столько своих
И убитому трижды — своими?
Сколько раз призывал я друзей и святых,
А остался с одними святыми.
Велика ты, Россия, да негде присесть.
Всюду холодно, голодно, голо.
Вместо имени шлейф, вместо лирики — жесьть,
И трава не растет для футбола.
Мнит синоптик себя... да бог ведает, кем,
Может, даже самим Даниилом....
Только ветер-то, ветер-то — он не из схем,
А всё больше по нашим могилам...
И чудес я не жду, ни к чему они мне.
Если что-нибудь вдруг и случится,
То уж точно не всадник на бледном коне —
Конь в пальто костылем постучится.

СИРОТА

По заказу Ирода-царя
И меня искали, только зря.
Дон меня не выдал, спас камыш.
Прошептала звездочка: «Малыш...»
А вдоль берега скакали кони, кони
Злые кони в цезарской попоне,
Стражники вздымали копия
На тревожны шелесты быля...
Но везеньем Боже не оставил,
Товарняк на рельсы Он поставил,
И уехал я, упав в песок,
На восток, братишка, на восток...
40 лет кочую в захолустьях,
Воду пью в холодных русских устьях,
Черный, Христа ради, у мамаш
Русский хлеб выпрашиваю наш...
Я не раб, не вор, не росомаха —
Огород вскопаю в три замаха...
Погремуха — Стёпка-Огонёк;
А крестили?... вроде бы Санёк...

ИЗ ЖИЗНИ ПЕВЦОВ

Мой голос тих в пучине ора,
Среди поющих — хриловат...
Недавно выгнали из хора,
Я снова в чём-то виноват.

Недотянул какой-то ноты,
Когда «бродяга в лодку сел»...
Но я же плакал, идиоты!
Я плакал — значит, тоже пел.

Но умолкают лицемеры,
Когда, войдя в недетский раж,
Ору я в храме «Символ веры»,
Хриплю, сбиваясь, «Отче наш»...

И подходя к известной Чаше,
Я смутно думаю о том,
Что не нужны мне песни ваши,
Их не поют перед Судом.

Но я и там молчать не стану,
Не зря прошёл и Крым и рым,
«Прости мя, Отче!» — громко гряну
Охрипшим шёпотом своим...

СЛОВА

За слова, бывает, платят кровью —
Впрочем, не «бывает», а всегда.
Я себе, как барскому сословью,
Задолжал и чести, и стыда.

От себя не скроешься в тумане,
Не уйдёшь от собственных теней:
Ташат, как монголы, на аркане
По степям, по остриям камней...

Хоть обсыпья пеплом или прахом,
А как глянешь в чистый водоём:
Там лицо, изрезанное страхом,
Чёрный зрак, пробитый копием...

БЕЛАЯ РУБАХА

Зачем, скажи, мне белая рубаха?
В таких идут на смерть, отринув страх;
В таких рубахах, брат, играют Баха,
А не сидят за картами в Крестах.

Пора менять свободное обличье
На черный чай, на сигаретный дым,
Пора сдирать овечье, резать птичье,
Пора обзаводиться золотым.

Пора точить стальное втихомолку
Под скрип зубов, под крики из ночей.
Пора отдать без спора волчье — волку,
А человечье — своре сволочей.

Пора искать надежную дорогу
Туда, на волю — Родину, сиречь...
Пора отдать вон то, святое, Богу,
А это, в пятнах, — незаметно сжечь.

Пора идти, не предаваясь страху,
На острый взгляд и на тупой оскал;
Ведь для чего-то белую рубаху
Я в этом черном мире отыскал?..

Я ещё не проснулась, чтоб выйти к околице.
Греет кофе глоток, что здесь предки не видели.
Жаль, никто обо мне у икон не помолится.
Хоть, возможно, помолится в райской обители.

Мне не грустно. Точнее — не осень причиною.
Просто память избы со мной тенями делится.
И пусть утро порою с кофейной горчинкою,
Бабым летом и это, и всё — перемелется.

ШАФРАНОВАЯ ОСЕНЬ

Гой ты, Русь, моя родная!
С. Есенин

С золотого на шафран тон меняет осень лисья.
По-над лесом жарким кликом летней радуги лоскут.
И планируют в судьбу с высоты берёзы листья;
Осеняя, увлекают в паутин лесной уют.

С самодельного крыльца в октября вступаю морось.
Лишь как свежесть ощущая молодильный влаги спрей.
Здесь авансом на весну прелый дёрн пронзает поросль,
Окаймляя мёд угоров, где едва отцвёл кипрей.

Изумруд сквозь янтари с рыжиной веснушек колок;
Не критично — молодые хвойных молний острия.
У сиреневых высот золотисто-розов полог.
И луням, парящим парой, я знакома и — своя.

Задержусь над суетой небесам на обозренье.
Как чудачка и певунья. Как чудесница в миру.
Расплещу себя вовне как источник вдохновенья.
Шарфик с неба семицветный — в нём укутаться — сорву.

Гой ты, Русь! Твоя русачка сейгод полнится задора!
Впрок напившись ароматов, в трели голос свой вплетёт.
До угоенной избы с золочёного угора
Вновь сойдёт в свою деревню — словно с неба снизойдёт.

До, журавликом, колодца. От берёзы — на крылечко.
Через сени... — к самовару. В ноутбука мир иной.
Не стена о селе, а растапливая печку —
Не без лёгкого укора — единиться со страной.

НА ТОМ СТОЮ

Кто волчица, кто орлица,
Кто очковая змея.
Ну а я парю Жар-птицей —
Бедам противостоя.

Без борьбы за сытость в клетке,
Без претензий на гербы
Примеряю все расцветки
Самой радужной судьбы.

От свободного полёта —
До участия в боях,
От падения — до взлёта,
К изумленью Бытия.

То сверкну крылом у храма,
Пыль сметая с куполов.
То — настырна и упряма —
Бьюсь за звон колоколов.

То взметнувшись, то ныряя,
То смутьянкой, то в строю,
Жарким крыльям доверяя,
Русь Сиянную пою!

Социальные каноны!
Братство! Равенство! — В азарт!
Миллионы умудрённо
Их признали за стандарт.

Коли ватницей окликнут —
Усмехнусь и отзовусь.
В сердце памятник воздвигнут.
И надписан кровью: «Русь».

Столько выдалось напастей,
Что пора народ свистать.
Я потребу у власти
В паспорт «Русская» вписать!

Просыпайтесь! Оперяйтесь!
Окрыляйтесь вслед за мной!
Воспаряйте и влюбляйтесь
В стяги радуг над страной!

В русский дух Руси Сиянной.
В наши сказки. Нашу речь.
Возрождаясь, было б странно
Нашу русскость не беречь.

Не приветствую майданы,
Сила русских — конструктив;
С ним метлою гнать поганой
Не узревших перспектив.

Восславляю русскость братства! —
Русы — ненец и ингуш!
Нам за гуж один держаться,
Не стена — кто не дюж.

Нам в Кремле сегодня нужен
Русский духом президент.
Социальный! Ну же! Н-ну же! —
Кто на русскость претендент?

Кто вернёт нам наши недра,
Наш достаток и покой,
Стариков одарит щедро
Милосердною рукой?

Побеждают — оптимистки!
Так живу. На том стою.
Воспитав в себе русистку,
Справедливость воспою!

Кто волчица, кто орлица,
Кто очковая змея.
Ну а я парю Жар-птицей
К изумленью Бытия.

г. Воркута

Редакция «Молодой гвардии» поздравляет Наталью Радостеву с юбилеем и желает ей новых поэтических взлётов, вдохновенной энергии чувств и неиссякаемости творческого состояния души.

ВЕЛИКИЙ И УЖАСНЫЙ, ИЛИ ВСЁ ПОД КОНТРОЛЕМ

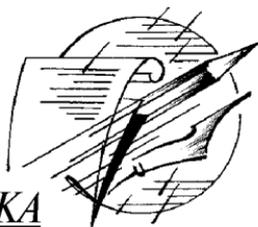
С 1 июля вступил в силу закон об особом правовом режиме в Москве, нацеленный на передачу искусственному интеллекту (ИИ) прав на управление жизнью в ней.

Картину грядущих изменений живописует концепция «Умный город — 2030», изначально размещённая на сайте правительства Москвы и недавно удалённая оттуда после разразившегося скандала.

Формат документа — так называемый «форсайт» («образ будущего»), алгоритм, продвигаемый в России сообществом «методологов», когда сочиняется модель несуществующего явления, ситуации, общественных отношений, а потом прописываются задачи («дорожные карты») для её реализации.

Технология «форсайта», предусматривающая введение внешнего контроля в планировании развития национальных государств, была придумана в корпорации RAND — на «фабрике мысли», известной своим авторством в создании сценариев «цветных» революций.

Яркий пример такого проекта — скандальный форсайт «Детство-2030», представленный на выставке «ЭКСПО-2010» в Шанхае как модель «новой российской семейной политики».

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Обществу было обещано счастливое будущее: детей — в «территории детства», родителям — роботов-детей, в мозг каждому — чипы для «связи с центральным компьютером» и «загрузки массива информации на кору головного мозга».

Серебряная медаль проекта не убедила российскую общественность в его нужности — он был остановлен, но, увы, никуда не пропал, а лишь до времени затих, чтобы прорасти потом в других, самых разных «форсайтах».

В Концепции Москвы подчёркивается, что в её основе лежат принципы трансгуманизма для «улучшения умственных и физических возможностей человека с целью уничтожения аспектов человеческого существования, которые считаются нежелательными: страданий, старения, болезней», а в разделе «Технологии как часть тела человека» говорится о вживлении в организм медицинских устройств. Другими словами, всем по чипу в голову — и наступает всеобщее счастье, молодость и здоровье.

В качестве авторитетов в ней приводятся имена футурологов, в числе которых — один из главных инженеров компании Google, лидер трансгуманизма, автор идей о постчеловечке и постчеловечестве Рэй Курцвейл. В 2017 г. он заявил, что «к 2029 году будет достигнута сингулярность — **полное слияние человеческого и компьютерного интеллекта**, что приведёт к созданию компьютеров, имеющих человеческий интеллект, которые мы поместим в свой мозг, соединим с виртуальным облаком, расширяя то, кем мы являемся».

Базовая цитата Концепции: «Москва в 2030 году — это Умный город, основная задача которого заключается в развитии *человеческого капитала*». Когда мы повторяем за кем-то модные слова, неплохо бы понимать их смысл: капитализация — это придание объекту стоимости, то есть свойств товара. Значит, цель проекта — превращение в товар самого человека, а это уже явный признак феодализма, о рисках которого предупреждают даже сами идеологи цифровизации. И уж не хотим ли мы строить в Москве «цифровой феодализм»?

Для контроля над надлежащим качеством нового «товара» авторы Концепции вводят в нашу жизнь технологии, заложенные в «умные» блоки. Итак, читаем, анализируем, думаем.

Начинается картина «нового дивного мира» в Москве с «**умной медицины**», которая в 2030 году будет состоять из единой цифровой платформы, где разместятся алгоритмы диагностики и шаблоны лечения.

Искусственный интеллект, который теперь даже в документах именуют ИИ, будет в качестве «второго мнения» бдительно надзирать за исполнением этих норм.

Он же будет оперировать больных посредством «робот-ассистированных хирургических систем» и обучать медицинских работников с помощью «медицинской нейронной сети». Медицина станет лечить не больного, но только болезнь, и уже не смогут появиться у нас новые Николай Пирогов и Лука Войно-Ясенецкий.

В апреле в США разразился скандал, когда компания Practice Fusion снабдила врачей специальным CDS-модулем, предлагавшим им всего лишь ставить галочки в заготовленных шаблонах и назначать лечение, предложенное ИИ, что они с удовольствием и делали, не вникая в подробности болезней.

За три года врачи обратились к нему 230 млн. раз, и лишь когда показатели смертности неожиданно взлетели, выяснилось, что во всех назначениях был одинаковый состав — сильный опиат (наркотик) в смертельной дозе. Американский Минздрав подал к компании иск стоимостью 145 млн. долл. и выиграл его, но вряд ли это сможет окупить смерть нескольких тысяч человек и утешить их близких.

Данные о здоровье москвича будут накапливаться в его **объединённой электронной медицинской карте (ЭМК)**, доступной, в том числе, хакерам, и врачебная тайна уже не обсуждается. Но у «ЭМК-диссидентов» (теперь ведь принято называть диссидентами всех, кто не согласен с сомнительными инициативами) появится непростой выбор — или карта, или лечение, ведь только эти записи будут являться для ИИ основанием для назначения лечения.

Что касается самой ЭМК, учёные из MedStar (штат Мэриленд) провели исследование 2 млн. подобных карт в 500 клиниках Пенсильвании, Нью-Джерси и Нью-Йорка и обнаружили, что в 557 случаях были выявлены угрозы жизни и здоровью пациентов из-за ошибочных записей в них; в 84% случаев назначение некоторых препаратов (дозировка, связанная с весом пациента) превышало допустимую норму; в 60% случаев выписывалось больше лекарств, чем нужно; в 1% не указывалась возможная аллергия.

У рядового гражданина доступа к информации в своей ЭМК не будет, что там будет написано, он не узнает, при этом даже авторы Концепции указывают на сопутствующие её внедрению риски кражи и подмены данных.

В Концепции предусмотрено, что внедрённые в организм граждан «умные чипы», размером меньше эритроцита, станут корректировать когнитивные (умственные) расстройства, а также всё то, что, вероятно, к ним будет причислено, — поведение, намерения, эмоции, мысли (подробнее читаем у Оруэлла).

Улучшать качество «человеческого капитала» будет цифровая **трёхмерная модель тела** пациента. Отдельной строкой

идёт «тотальное геномное сканирование», «создание геномных сетей», «генетические паспорта» и **«редактирование генома»**. Правда, в научном мире деятельность по выведению «улучшенных пород людей» (убедительно показано в фильме «Гаттака») всё ещё относят к евгенике, противоречащей этическим принципам, но только кто же на это оглядывается, когда речь идёт об огромной прибыли?

«Умные одежда и обувь», насыщенные датчиками, будут вести постоянное наблюдение за правильностью поведения граждан и их готовностью сохранять своё здоровье, отправляя отчёты в медицинские, страховые и прочие организации. Какие санкции ждут нас за «неправильное поведение», убедительно показала московская программа «Социальный мониторинг» с её тотальными и неотменяемыми штрафами.

«Умное образование» продолжит линию скандальной «Московской электронной школы» (МЭШ): дистанционный формат и электронные программы, составленные из цифровых конструкторов, цифровая дидактика (больше не учим, а лишь «оцифровываем знания»); геймификация образования (учёба в виде компьютерной игры) с упором на виртуальную, дополненную и смешанную реальность; цифровизация школ искусств и обучение в них в удалённом режиме; непрерывное переобучение взрослых (исходя из потребностей цифрового бизнеса и решений ИИ).

ИИ станет главным куратором каждого школьника: будет анализировать способности и успехи, помещать его в определённую страту (касту), создавать цифровой профиль (личный файл), траекторию образования и воспитания; планировать профессию, карьеру, следить за их исполнением, применять санкции за отступление от них.

Не так давно студенты университета на острове Русский с восторгом рассказывали высоким гостям из Москвы, что строят свою деятельность не по учебным планам, а в строгом соответствии с рекомендациями «Игоря Ивановича»: он-де в постоянном режиме отслеживает их деятельность за день, анализирует за ночь и утром «стучится к ним в смартфон» с планом на следующий день.

Студенты забавляются, придумывая смешные клички для ИИ и радуясь, что можно при случае свалить вину за свой неуспех на кого-то ещё. Но им-то простительно: бездумное веселье — закономерная привилегия юности, когда ты ещё не думаешь о том, что передав кому-то однажды право на контроль своей жизни, потом уже не сможешь вернуть его обратно.

В Москве также появится **«единая городская платформа знаний»**, которая будет собирать всю имеющуюся в мегаполисе информацию и станет своеобразной «википедией» мес-

тного разлива, формирующей «правильные» представления обо всём на свете. И тут уже недалеко до официальной «московской идентичности», вступающей в разрез с национальными нормами и традициями, а также — с государственной безопасностью.

«**Умная**» социальная сфера будет включать в себя полный переход на электронные трудовые книжки; создание цифровой биржи труда; превращение социальной карты в единый цифровой идентификатор с биометрией, который станет основой для предоставления льгот и услуг. Он моментально приучит население к номеру вместо имени: нет идентификатора — нет социальной защиты.

Столичный «**умный транспорт**» станет электрическим и беспилотным; он будет общаться между собой и с дорожной инфраструктурой с помощью интернета вещей (сеть физических объектов со встроенными сенсорами для взаимодействия друг с другом и с внешней средой без участия человека).

Взамен личных автомобилей придут повсеместная аренда транспорта (каршеринг), «сервисы совместного использования» и «экономика совместного использования». Вместо физической поездки появятся сервисы логистических служб («всё, что нужно, мы привезём, а вы оставайтесь дома»); будет преобладать работа на удалённом доступе.

Мобильность граждан станет правом на передвижение, которое ещё нужно постараться получить, и платной услугой: ИИ сформирует заказ на поездку в рамках заданных пунктов, подберёт тариф, примет оплату, выберет транспорт, подберёт попутчиков, проложит оптимальный маршрут «от двери до двери» или изменит его, если сочтёт нужным.

Свернуть в сторону или отправиться в кафе на встречу с внезапно позвонившим другом уже не получится, и «цифровые пропуска» для москвичей это убедительно доказали.

«**Умный контроль и надзор**» над жизнью граждан ИИ будет осуществлять с помощью единой городской платформы, которая объединит данные 152 тыс. камер видеонаблюдения, датчиков и сенсоров, интернета вещей, видеоаналитики, систем распознавания лиц, оповещения, пожарной безопасности, удалённого мониторинга, криптографии и распознавания речи. Нейросети будут осуществлять поиск лиц и объектов во всем массиве данных и отслеживать их движение по городу в режиме онлайн.

Следящие за человеком устройства будут располагаться «на одежде, обуви, очках, часах, украшениях, на стенах квартир, в бытовой технике» и т.п. и, общаясь между собой, станут куда-то отправлять информацию о нём. Появятся домофоны с функцией распознавания лиц, голоса и поведения.

Цифровой профиль каждого человека будет пополняться в режиме реального времени информацией о соответствии его жизни установленным нормам — ИИ станет ограничивать нарушителей в получении доступа к городским благам. И как раз такой механизм заложен в основу пресловутого «социального кредита» в Китае, когда владельцам низкого балла ограничивается мобильность, право на поступление в лучшие учебные заведения, получение льгот и помощи от государства.

В Москве реализуется российская технология от компании NTechLab, которая в свое время разработала FindFace — приложение, позволяющее искать человека по его изображению; некоторое время назад оно работало в социальной сети «ВКонтакте».

Компания Нейросеть NTechLab способна за 10 секунд обнаружить человека в базе из 1 млрд. снимков, если он хоть раз был зафиксирован хотя бы одной камерой, и способна обнаружить четырех из пяти разыскиваемых лиц. Она обрабатывает несколько десятков миллионов лиц в сутки, и мимоврать её практически невозможно за счёт оснащения камерами большей части подъездов.

Единая цифровая платформа «**умного жилья**» будет с помощью интернета вещей собирать и анализировать данные о том, что происходит в каждом доме и в каждой квартире — ИИ будет ежесекундно контролировать личную жизнь людей и потребление ими ресурсов.

«**Умные финансы**» введут в быт «единый виртуальный кошелек жителя», а оценка его содержимого вместе с данными налоговых баз кассовых аппаратов и баз социальных карт станут основой для прогнозирования потребности населения в продуктах — ИИ станет определять количество, рацион и ассортимент нашей еды.

Рассчитываться за покупки планируется с помощью биометрии (сканирование сетчатки глаза или отпечатков пальцев).

«**Умная торговля**» покончит с заготовкой товаров впрок — их будут печатать на 3D-принтерах только после оформления заказа. При этом ИИ на основе анализа профиля потребителя проверит его правильность и полезность для заказчика, а также откорректирует его в случае необходимости. Иллюстрацией может служить ролик 3-летней давности о том, как ИИ отказывает клиенту в пицце с колбасой, потому что она ему вредна, и присылает диетическую с морской капустой, которую он терпеть не может; и это забавно и смешно только до той поры, пока не касается лично тебя.

3D-печать станет повсеместной, появятся заводы и центры коллективного пользования, а также будет создан городской портал цифровых моделей.

«Умная связь» за десять лет полностью покроет Москву сетью 5G, необходимой для интернета вещей, что позволит осуществлять непрерывный контроль и управление оборудованием, транспортом, роботами, производственными, пожарными и полицейскими дронами, а также жизнью людей.

«Умные гаджеты» будут предлагать ИИ, VR/AR/MR в каждом мобильном приложении, а также использовать их в робототехнике, распознавании речи, изображений и видео, автопилотировании, диалоговых платформах, персональных ассистентах, индустрии развлечений, сфере обеспечения безопасности, космонавтике, образовании, здравоохранении, туризме.

Нейроинтерфейсы свяжут мозг человека и компьютер; сотрудники полиции наденут «умные очки» с технологией дополненной реальности и функцией распознавания лиц.

«Умное правительство» станет цифровой платформой, административный процесс полностью роботизируется, управленческие решения будет принимать ИИ (когнитивные советники, электронные помощники; глубокое машинное обучение, речевые интерфейсы); появится цифровой идентификатор гражданина («цифровая копия»), «цифровая демократия» (дебаты, голосования, сбор мнений, обсуждение городских проблем, электронные референдумы, обратная связь, краудсорсинг-проекты).

Произойдёт окончательный отказ от бумажных документов; цифровые услуги будут сориентированы на мобильные устройства («смартфон как доступ к госуслугам»); коммуникация «человек — человек» заменится на «человек — программа».

Кузницей новых кадров для цифрового правительства станет специальная обучающая электронная платформа: прошёл тест на лояльность ИИ — стал кандидатом в его помощники, приобрёл необходимые навыки, стал его подчинённым.

Платформа «**поэтапной адаптации населения к новой цифровой реальности**» будет формировать «положительный пользовательский опыт и психоэмоциональное восприятие новых цифровых реальностей жизни в городе».

Госуслуги станут сугубо персонализированными: как и в ситуации с товарами, ИИ будет предоставлять их гражданину на основе анализа его профиля, предпочтений, желаний и даже данных его окружения, полученных с помощью интернета вещей, определяя для него наиболее оптимальный, по мнению ИИ, вариант.

Все данные гражданина (паспорт, «образовательная траектория», электронная трудовая книжка, история болезни, обращения в разные органы и структуры и пр.) будут объединены на одной цифровой платформе, а процессы их обработ-

ки роботизированы, оснащены технологиями распознавания образов, текста и голоса.

При этом будет поощряться участие сервисов и приложений третьих сторон, а также доверенных посредников, которым будет предоставляться доступ к прикладным программным интерфейсам государственных приложений. Как будет при этом решаться вопрос защиты персональных и государственных данных, в документе не говорится вовсе.

Госуслуги бизнесу и населению, в том числе по жизненным ситуациям (рождение детей, переезд, покупка недвижимости и автомобиля, замена водительских прав и так далее) будут прогнозироваться ИИ на основе анализа цифровых профилей.

Сами чиновники, как класс, увы, обречены — их количество будет безостановочно сокращаться вплоть до абсолютного исчезновения. А до этого всемогущий ИИ будет контролировать их работу, автоматически корректировать их действия, сигнализировать о допущенных нарушениях и блокировать их действия при несоответствии форматам. Это вам не забавный студенческий «Игорь Иванович» — тут предполагается неограниченная власть алгоритма над нашей жизнью.

«Умное право» с помощью платформы «электронного правосудия» позволит ИИ отслеживать в режиме реального времени нарушения законодательства и списывать со счетов штрафы, используя данные с датчиков и систем фото- и видеофиксации,

Сегодня, при наличии пока ещё людей-чиновников, исправить ошибку в документах, обжаловать неизвестно откуда взявшийся штраф, возникший в результате сбоя системы (вспомним безжалостный московский «социальный мониторинг»), зачастую уже невозможно, а насколько завтра получится объяснить алгоритму что-то выходящее за рамки прописанной для него программы?

Также ИИ сможет отзываться лицензии, ограничивать гражданина в использовании городских благ и устанавливать запреты, и это тоже механизм китайского «социального кредита»,

Появится «электронное гражданство Москвы», которое создаст особые экономические условия предпринимателям для удаленного ведения деятельности в Москве без физического присутствия и включит в себя сбор их биометрических данных. Создание нового правового субъекта ставит под вопрос государственную целостность и нуждается в серьёзной оценке соответствующих служб.

ИИ будет анализировать все нормативно-правовые акты (НПА) в Москве на предмет соответствия их программе «Цифровая экономика РФ», концепции Москвы «Умный

город — 2030» и иным НПА; а также станет изменять их на постоянной основе с целью развития и поддержки внедрения и использования цифровых технологий.

Другими словами, в Москве появится особое **«московское право»**, не имеющее ничего общего с Конституцией, основанное на приоритете трансгуманистического форсайт-проекта и программы тотальной цифровизации человека, а это уже — прямая угроза национальной безопасности и непосредственная сфера деятельности органов, которые её защищают.

«Умный спорт» сделает упор на компьютерные игры; киберспорт станет приоритетно финансироваться и стимулироваться; на общем портале геймеров будут проводиться и рекламироваться онлайн-турниры.

Для того чтобы новая модель общества распространилась по всей стране, в Концепции предусмотрен механизм, аналогичный т.н. франшизе: Москва будет предоставлять **смежным территориям Российской Федерации** (а что это за новое территориальное образование?) *«городские концепции, решения, услуги и сервисы, платформы, информационные ресурсы, а также принимать участие в пилотировании и запуске в эксплуатацию переданных решений, предоставлять техническую и информационную поддержку»*.

Как говорится, «просто бизнес — ничего личного», но страна уже станет другой.

Соблазн всемогущества. Для тех, кто усыпляет себя рассуждениями типа: «Ну, это только в Москве», стоит напомнить, что законопроект о передаче под управление ИИ **всей России** (ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации») уже принят Госдумой и одобрен Советом Федерации 24 июля.

Эпоха всемогущего ИИ наступает во всём мире: в сентябре 2019 года английский премьер, маститый политик Борис Джонсон, выступая на Генеральной Ассамблее ООН в Нью-Йорке, обрисовал в шокирующем докладе картину будущего планеты:

«Новые технологии словно несутся к нам с далекого горизонта, и мы напрягаем глаза, когда они приближаются, чтобы понять, хорошие они или плохие, друзья или враги. ИИ — что это будет значить? Полезные роботы, моющие и ухаживающие за стареющим населением? Или розовоглазые терминаторы, посланные назад из будущего, чтобы поработить человечество? Если машины — и только машины — будут решать, имеем ли мы право на ипотеку или страховку, какие операции или лекарства мы должны получать? Не обречены ли мы на холодное и бессердечное будущее, в котором компь-

ютер говорит «да» или «нет», подобно императору на мрачном финале битвы гладиаторов? Сможете ли вы умолять алгоритм о смягчающих обстоятельствах? И откуда мы знаем, не будут ли машины коварно запрограммированы, чтобы обмануть нас? Цифровой авторитаризм — это, увы, не антиутопическая фантазия, а зарождающаяся реальность».

Замглавы департамента внешнеэкономических связей Москвы Илья Кузьмин рассказал СМИ, что делегация столичных чиновников в 2019 году посетила несколько китайских городов и изучила их системы обработки записей с уличных камер, а в мае в МВД предложили создать цифровой профиль мигранта в специальном приложении, которое иностранцы должны будут установить на свои смартфоны, чтобы затем создать ведомственный «рейтинг социального доверия» для каждого из них.

Не стоит убаюкивать себя тем, что нас это не касается — это «пристрелка», за которой последует китайский «социальный кредит» уже для всех россиян.

Между тем, в Сизтле (США) в 2017 году убрали с улиц камеры для слежки за гражданами, поскольку суд счёл их установку нарушением прав человека, и полиция согласилась с этим. А в России Минпросвещения в 2020 году, напротив, анонсировало оснащение к 1 сентября такими камерами всех школ и вузов страны.

Для справки: в ряде регионов бюджетникам уже предлагают завести «виртуальный кошелёк», интернет настойчиво предлагает рекламу «умного дома», в Москве рекламируют электротранспорт и просят меньше пользоваться личным, а банки хотят больше не спрашивать нас о согласии на доступ к нашим данным любого порядка, включая врачебную, личную и семейную тайну.

Стремясь в глобальной гонке технологий к первенству любой ценой, очень легко потерять нить причинно-следственной связи и запутаться в том, что в нашей жизни первично, что для чего нужно, и что за чем следует.

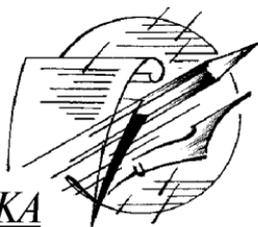
Искусственный интеллект, могущественный ИИ, грозит на наших глазах превратиться из модной игрушки в механизм жесточайшего контроля и невиданных репрессий, и бездумное увлечение его возможностями может стать для всех нас той самой ошибкой, платой за которую станет весь человеческий мир и сама наша жизнь.

«КУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» ТЁМНЫХ ЛЮДЕЙ

Антирасистские выступления негров в США называют уже «культурной революцией». Беспорядки активно поддерживаются в европейских странах. Особенно активно в Британии. Постепенно протесты направляются злоумышленниками против христианства. Бунты черных имеют много задач.

Во-первых, они нацелены против «расистских свиней», главная из которых, как известно, действующий американский президент с его идеей стены против мигрантов. Но не только. Сами черные движимы примитивными эгалитарными желаниями — получение компенсаций за прошлое рабство и перераспределение имущества белых в их пользу. Кому-то такие требования могут показаться смехотворными и глупыми. Кто-то, может быть, обнаружит цинизм, с которым организуются рукотворные бунты черных якобы для их защиты, а в реальности в малоизвестных целях тайных кукловодов, где цветное население лишь слепая манипулируемая толпа.

Бунты идут в давней логике разжигания социальных противостояний в европейских странах. Одна противостоящая сила — это «социалисты» с участи-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ем цветных меньшинств и мигрантов; другая сила — национальный консерватизм. Мы давно наблюдаем, как консерватизму кто-то очень хотел бы придать по всему миру однозначно радикальный фашистский вид, применив системную, кощунственную ложь и провокации. Чтобы получилась классическая для первой половины XX века схема противостояния «социализм — фашизм».

Американских неграмотных нищих и озлобленных негров тоже бросают в топку «революции» с ярлыком «передовой левой силы» (о чем они, наверное, и не догадываются).

Трампа проанонсировал одного из организаторов американских протестов: якобы это левая социалистическая организация «Антифа», которая заявляет, что ведет свою родословную от социалистов германской Веймарской республики.

Но эта достаточно невнятная организация не единственная из тех, кто разжигает при попустительстве самих американских властей и тайных кукловодов огонь охлократического бунта в Америке (есть свидетельство, что консерваторам запрещено самоорганизовываться и противостоять беспорядкам).

Какие еще силы задействованы в американских незаконных? Одна из них — Ватикан. Процессы в Америке в очередной раз доказали, что папа римский Франциск — тоже социалист и революционер почище Че Гевары. К тому же он активный игрок тайной «закулисы», которая и организовала бунты в Америке.

Украинский сайт «Союз православных журналистов» («СПЖ») представил свое ценное расследование об активном финансировании официальными структурами РКЦ в Америке ряда организаций, движущих нынешние беспорядки. Подразделения Конференции католических епископов Америки давно и регулярно выделяли большие денежные гранты на достижение «социальной справедливости» — по сути, на левые организации рабочих (символ которых — сжатый кулак). Теперь эти организации активно отрабатывают католические гранты через убийства полицейских, грабежи, поджоги и снос сотен памятников, называя «расистскими свиньями» полицейских, убивая их, говоря «миру — нет» и требуя революции. Вывод сайта «СПЖ»: «РКЦ в США прямо или завуалированно задействована в организации массовых беспорядков в стране».

Это, с одной стороны, можно объяснить тем, что никакого истинного христианства в католицизме давно нет. Как сказал Федор Михайлович Достоевский, «атеизм проповедует ноль, а католики проповедуют Христа, ими же оболганного». Можно вспомнить пророчество Федора Михайловича в «Ве-

ликом инквизиторе» о том, что опять человечество, разочаровавшись в революции, придет к папе, который давно служит не Христу, а сатане, и скажет, что они не достроили Вавилонскую башню и обманулись, и хотят его власти над собой, чтобы с ним построить эту башню. И папа с епископами выйдет из катакомб и готов будет принять социалистическое знамя во имя того, к чему стремится падшее человечество — хлеба, чуда и авторитета (тоталитарной папской власти).

Но папа не единственный игрок, выступающий за свое мировое господство любой ценой, пусть даже без Христа, пусть даже совместно с социалистами и циркулем. В первые же дни беспорядков стало известно, что к движению чернокожих «BLM» присоединилась политическая группа, наносившая удар по мировому православию в 2018—2019 г. (избрав недалеких украинских раскольников в качестве тарана и посредством услуг продажного человека «новой эры» стамбульца Варфоломея). Эта группа — Джо Байден, его близкий друг Варфоломей и глава Американской греческой митрополии Элпидофор. Джо и Элпидофор одними из первых в Америке упали на колени перед неграми в знак своего «религиозного покаяния» и приветствия группы кукловодов, стоящей за беспорядками. Давно известно, что Джо, Варфоломей, Элпидофор живут под символом циркуля и трудятся ради его мирового господства.

После того как бунтовщиками, спонсируемыми папой римским, было убито в разных городах около десятка полицейских и сокрушено примерно сто памятников основателям США — «колонизаторам», раздались и антихристианские лозунги.

Левые движения вообще всегда направлены против христианства и религии как таковой. Но антихристианские тенденции даже в капиталистическом мире идут давно: примерно с 1960-х годов пошел чей-то негласный запрет на проповедь христианства у алеутов, эскимосов, народов Севера. Сейчас мы видим, что еще тогда были запланированы такие рукотворные восстания нового язычества с целью навязать выдуманную вину христианству.

Но черное население Штатов, давно воспитанное в баптизме, с симпатией относится к образу Христа, пусть даже искаженному. Вряд ли они собирались выступать против протестантизма, в разных видах господствующего на их второй родине. Черные баптистские приходы достаточно многочисленны, по воскресеньям во дворах своих церквей они танцуют и поют. Вспомним «спиричуэлс» и «госпел» в негритянском джазе. И яркие красивые подсвеченные ночью изображения Христа на церквях, по свидетельству очевидцев, как раз им очень нравятся. Но «закулиса» выдвигает голоса неко-

торых сумасшедших, которые призывают бунтовщиков-социалистов и черных эгалитаристов обратиться против Христа, который якобы оскорбляет их белым цветом кожи и якобы благословлял белых рабствовать над черными. И эти сумасшедшие голоса быстро и радикально подхватываются, где бы вы думали? — на родине расистских и евгенических теорий и в главном центре мирового колониализма — в Лондоне!

Архиепископ Кентерберийский Джастин Уэлби заявил: «Иисус был с Ближнего Востока, он не был белым...» То есть, по субъективному мнению Уэлби, Иисус был темнокожим... Это провокационное и лживое заявление (в духе масонского учения об упразднении понятия «раса» и о будущем расовом смешении) — продолжение протестантской проповеди «Христа, ими же оболганного» (по словам Достоевского).

Ранее выходцы из Англии, руководствуясь иудейским представлением о том, что черные потомки проклятого Хама обречены быть рабами у потомков Сима (и, может быть, рабами у потомков Иафета), охотно покупали и завозили послушных и выносливых черных африканских невольников-хамитов на Северо-Американский континент. Тогда ссылаться на искаженное протестантское христианство для своей материальной пользы было выгодно, а теперь нет. Теперь выгодно сказать, что «Христос был темным».

Архиепископ Кентерберийский сделал еще одно заявление — о том, что в главных и старинных храмах Лондона (Кентерберийском соборе, Вестминстерском аббатстве) некоторые статуи Христа, возможно, будут убраны, потому как эти статуи указывают на светлый цвет кожи.

С чем связаны такие намерения? С его поддержкой американского вандализма? Может быть, англиканское сообщество делает свой вклад в проект «мир без статуй»? Или такое решение можно воспринять как шаг по утверждению новой антихристианской религии?

Неудивительна поспешность, с которой архиепископ стал анонсировать такие перемены. Ведь нужно посмотреть, кем финансируются древние соборы, из которых, скорее всего, вынесут все религиозные статуи. Несложно догадаться: кто финансирует, тот и влияет на вопросы внутреннего убранства. А финансирует многие древние соборы «Объединенная ложа Англии».

В 2018 году в «Независимой газете» была заметка, где говорилось о торжествах в 2017 году в честь 300-летия этой старейшей масонской религиозной организации, которые проходили не только в Альберт-холле, но и в 11 кафедральных соборах Англиканской церкви: Кентерберийском, Солсберийском, Винчестерском, Манчестерском, Линкольнском,

Уэльском и Эксетерском, а также в соборах Лестера, Труро, Питерборо и Челси. По сообщению журналиста «НГ», масоны жертвуют Англиканской церкви значительные суммы на содержание кафедральных соборов, в которых проводились праздничные мероприятия. Так, «сайт масонов Восточного Кента сообщал о 302 тыс. фунтов стерлингов, собранных на реставрацию Кентерберийского собора в рамках подготовки к празднованию трехсотлетия» (Скрыльников П. В Вестминстере разоблачают масонов. — Независимая газета. 21.02.2018).

Сама Англиканская церковь не издала официального документа, осуждающего масонство. А греческие поклонники циркуля еще в 1930-х годах сообщали в своих официальных журналах, что почти весь англиканский епископат — их единоверцы.

Потому совсем не удивительно, что соборы, в которых проходят торжества таких организаций, срочно (пока актуальна антирасистская тема) должны быть «очищены» от статуй Христа, Его учеников и святых.

Хитрые британские «лисы», породившие и расовые теории, и теории господства «английской расы», и евгенику, и специфическую систему воспитания «властелинов» над жителями колоний в английских паблик-скул, таких как Итон, сегодня ради сохранения мирового господства в новых условиях «заматают» свои расистские следы и, возможно, сами инициируют антирасистские выступления.

Странная свадьба принца Гарри в 2018 году — одно из средств в этом процессе. Человек, смотревший по телевидению свадебную церемонию, не поверит, что Великобритания могла стать родиной расизма или первых в истории концлагерей, апробированных в Англо-бурской войне, если принц взял в жены разведенную негритянку из Америки. «Этого не может быть, Британия — передовая антирасистская страна! И нынешняя готовность видоизменять убранство храмов ради темных людей — тому подтверждение!» — подумает обыватель.

Тайна брака английского принца с чернокожей актрисой становится немного понятнее в контексте недавних событий. Скорее всего бунты чернокожего населения планировались заранее (как планируются ныне «социалистические» бунты мигрантов во многих странах Европы), тогда и был организован этот брак. Ныне принц Гарри и его жена-мулатка с сыном сидят в Лос-Анджелесе и выступают в социальных сетях в знак солидарности с бывшими американскими рабами.

Нет сомнений, что поддерживаемые тайными силами выступления негров и левых в США — это средство, приближающее кого-то к мировому господству и помогающее заинтересованным силам срочно осуществить антихристианскую «культурную революцию».

Пока Британская империя была могучей, многим политикам и идеологам британского владычества было выгодно оболганное христианство с кальвинистским культом силы, с одобрением рабства, с пуританскими представлениями об избранности одних людей к господству, а других к подчинению (эссе Т. Карлейля против отмены рабства в Англии). Пока Британская империя была крепка, они придерживались своего оболганного протестантского христианства. Сейчас ситуация изменилась — путь к мировому господству лежит через отречение от Христа (даже оболганного).

В XIX веке британский премьер-министр еврейского происхождения Б. Дизраэли, руководствуясь представлениями своих предков, призывал англичан быть расистами и ни в коем случае не смешиваться с низшими расами (в том числе хамитами), как никогда не смешивались с ними семиты, и признавал, что английское мировое господство гарантировано чистотой английской расы (см. Саркисянц М. Английские корни немецкого фашизма). Сегодня «архиепископ» Джастин Уэлби, руководствуясь, вероятно, интересами других монотеистских вер, заявляет, что Христос был темнокожим, т.е. хамитом. Это заявление провокационно, поскольку порождает ложные представления о происхождении Сына Человеческого как Спасителя человеческого рода.

Для англиканских «епископов» такие заявления — мелочи, ведь многие из них давно заявляют, что «Воскресения Христова не было»...

Объяснение всех этих отвратительных и лукавых циничных процессов нужно искать в вопросах чужеродных религиозных влияний в целом на протестантизм (об этом католики говорили Лютеру еще в очных спорах и в антилютеровских публикациях, доказывая, что он еретик). А если искать объяснения с политической стороны, то они — в желании Британии и «избранных» представителей других народов сохранить англо-саксонскую имперскую власть над всей землей, но уже другими методами, в условиях, когда империя распалась и бывшие рабы давно ожидаемо вышли из повиновения.

Ныне, вероятно, властные амбиции и планы таковы, что в «новом мировом порядке» уже не только потомки Хама, но и потомки Иафета должны быть в чем-то рабстве. Или, скорее всего, идеологи новых «культурных революций» рассуждают так: пусть все расы смешиваются, особенно с хамитами (такие планы подразумевает мультикультурализм глобализма), а мы, «избранные» люди «новой эры», сохраним чистоту своей «господствующей расы» и покорим весь мир.

ДВА РАССКАЗА

ТОЛЬКО Б НЕ БЫЛО ВОЙНЫ

Привязалась же! Теперь, видать, на веки вечные. Эта бессонница, как пить дать, доконает меня раньше времени. И так никуда от неё не деться, а нынче и вовсе. Разве уснёшь? День Победы.

Вечерний салют отбабахал под тёплым, проливным дождём. Говорят, во время парада Победы в сорок пятом небо тоже плакало... от счастья и от боли потерь одновременно. И всё же дождь 9 мая сорок пятого — очищающий. Омывал раны, смывал с земли оставленные фашистами следы.

Уже далеко за полночь. Пора бы народу уgomониться. Но всюю лупастят окна студенческих общежитий, что оккупировали нашу Весёлую слободу. Слышен неумолчный гам, то и дело над крышами многоэтажек и потеснённых ими наших частных домиков взлетают в небо петарды.

Какой уж тут сон! Встаю, кутаюсь в шаль. Отсюда, с высоты мансарды, вся слобода, как на ладони. Но дождевые потоки настолько размывают свет уличных фонарей и все остальные огни, что, старайся не старайся, ничегошеньки не рассмотришь.

ПРОЗА

Беру недочитанный томик Носова, глаза и голова, уставшие от дневного сидения за компьютером, наотрез отказываются во что-либо вникать. Гашу верхний свет, оставляю включённым лишь полумощный ночник.

В его ареоле направляюсь к окну. И в нём, словно в слегка потускневшем зеркале, вижу себя: заплетённые в косу светло-русые, не видать, — но я-то знаю! — с уже нередкими серебринками волосы; довольно широкое, доставшееся от бабушки Григорьевны, лицо. Умаявшихся работой и бессонными ночами, когда-то бирюзовых, с годами, может, и потерявших яркость, но всё ещё голубоватых глаз в ночном окне не рассмотреть.

Не разглядеть и двух фотокарточек на противоположной стене за моей спиной. Они и так-то поблёкли напрочь, даже при дневном свете уже с трудом различишь на одной бабушку Анну Григорьевну, мамину маму. Годов сорок — сорок пять ей на снимке. Такой я её не помню, меня в ту пору ещё и на свете-то не было, когда случайный залётный фотограф «щёлкнул» их под рябинкой вместе с подругой Настей Куршевой.

На бабушке платочек домиком... Тёмненький передник... Видать, прямо со двора, с управки, уговорил их — может, корреспондент местной газеты? — сделать для каких-то своих нужд снимок, а спустя время случайным случаем передал и эту карточку.

Писать о моей Григорьевне в газете и снимать её на карточку было за что. Перебедовав с младенцем на руках оккупацию, вскапывать лопатами столько соток колхозного поля, как осиливали они с соседкой Настей, в ту, послевоенную, пору ни одной иной бабе в колхозе не удавалось.

Рядом ещё фотокарточка — на ней другая бабушка, отцова мать Наталья Сергеевна. Шестёрых в одиночку подняла... Наверно, её вообще без детворы невозможно было увидеть. Только свои отошли, появились первые внучата. И на этом снимке она с двумя моими двоюродными сёстрами. Первая — от старшей дочери Нины — прижитая в Германии с таким же, угнанным в неволю, мордовским парнем Иваном, белобрысенькая шестилетняя Зина, и вторая девчушка, совсем малышка, Тамара, — от средней дочки Нади, тоже побывавшей в Германии. Совсем малолеткой подsunул Надежду в списки вместо себя свой же, деревенский, а сам подался в полицаи.

Прохладная черёмуховая пора. Ливший в верёвку дождь постепенно истончается, и шум его почти затихает. Примолкают и неугомонные мои молодые соседи в общагах. Вот и отшумел ещё один праздник Победы.

Но для меня он всё ещё длится — в эту нескончаемую вешнюю ночь почему-то вдруг то ли придремался, то ли просто выпорхнул из памяти звонкий морозный день из моего детства.

...Ещё и первопуток не лёг, так, чуть осеребрилось — самое время брать по лесам калину. Мне лет пять, но я уже, хвостик хвостиком, обошла с бабушкой Наташей все приигинские перелески. Бабушкой для таких походов даже была заказана деду Пушаю специально для меня маленькая лёгонькая плетушка.

Не устану благодарить за мир, который, не подозревая того и сама, бабушка Наташа для меня открыла: от малой былинки и букашки до могучих борových деревьев, от многочисленной певчей до всякой-разной иной дикой братии.

Может, потому что «уже в разум начала входить» и, может быть, смогла бы уже понять её горе, привела меня тогда бабушка Наташа на это, дорогое ей, место. Калины в тот раз набрали под завяз, плетушки полным полно, и ягодка — за моё почтение, одна к одной. Видать, год на неё выдался урожайный.

Не доходя версты две до деревни, у Мишенькиных оврагов, оставили мы добыток в приобоченных бурьянах, а сами свернули в сторону. И, пройдя чуток серебрившимся в полуденном морозном солнце угорьем, остановились у едва заметной ямины.

— Вот... туточки. — Бабушка принялась обрывать с прихваченной калиновой веточки ягоды и осыпать ими яму. — Запомни место, касатка, тут погиб твой дядя, сынок мой Петя. Всего-то ничего — двенадцать было, мальчишка мальчишкой... чуть постарше тебя. Снаряд с ребятами вздумали разобрать... Остальные все, хочь и израненные, выжили, а Петя мой... Всё бы на свете сейчас отдала, только бы не было войны той проклятушей, только бы остался сыночек живым!

Двадцать лет после окончания Отечественной... Со всех сторон на место беды уже наступал высокий березняк, карабкаясь по кустам крушинника, проныра-хмель оплетал днище, но оно не затягивалось, отчётливо просматривались его очертания. И повсюду, словно капли крови, атели принесённые бабушкой на помин души её сына ягоды калины.

Видно, не могла... не имела права зарости та, вывороченная взрывом ямина, как не смогли зарости в бабушкином сердце раны, как не стихли в нём боли от потери кровиночки, сгинувшем в апреле сорок четвёртого малолетнем старшем брате моего отца.

Много раз в своей жизни приходила я на тот угор. Если случалось бывать на хуторе в майские — с первыми тюльпа-

нами, летом — с букетом луговых цветов, с пучком земляники, осенью — это уж, как правило, словно от бабушки Наташи, — с веточкой калины.

Вот и светает. Выключаю ночник. С востока розовеет. И кисточки черёмух, выполосканные ночным дождём, тоже окрашиваются в чуть приметный розовый. Значит, день будет солнечный. Ну, и дай-то Бог!..

Надо вставать, собираться в дорогу. Отошедший в мир иной два месяца назад отец, последний житель нашего хутора, доверил под пригляд свой старенький домишко. Негоже его оставлять на разруху. Да и пора, душа снова просит свидания с дорогими сердцу местами...

Конец мая. Две недели, как я обретаюсь на хуторе.

Утро молодое, звонкое, воздуха вкуснющие — пригоршнями пей. По всегдашнему, до сих пор у нас неизжитому деревенскому обычаю затворяю хату на палочку и спускаюсь с крыльца.

На исходе мая без хозяина непаханный с прошлой весны отцовский огород прямо на глазах зарастает всякой-разной муравой. Кажется, почуяв вольницу, со всей округи слетелись на него семена одуванчика, дикого калашника и прочей-разной сорной чуди. У обнесённой разлапыми клёнами горожи, метра на два, повылазила настырная кленовая поросль. Перевернёт, бывало, отец сохой землю, её и не видать, а теперь, глядишь, лет через пять, — ей дай только волю! — эта диковина и половину засиротевшей усадьбы заполонит.

За огородом — поле, которое тоже без ухода постепенно сиротеет. Из бора, ещё при отце, налетели на него семена сосны и берёзы, и бывшая пашня превратилась в молодой подлесок — скоро можно будет на ней, считай, прямо под окнами, маслята да подберёзовики собирать.

Когда-то мозолистая, укатанная до звону телегами, тракторами да машинами суглинистая дорога обзеленилась вездесущим одуванчиком и подорожником, а вдоль обочин уже пустилась в рост не поддающаяся ни зною, ни морозу спутница большинства нашенских просёлков — колючка-татарница.

Иду к людям. Продукты, что прихватила с собой из города, подбелись, да и по живой человеческой речи соскучилась. До соседнего села Кирово версты две-три, в нём ещё теплится живой дух: какие-никакие, а всё ж таки уцелели почта, медпункт и магазин. Вместе с когда-то большим, а теперь, можно сказать, малообитаемым селом этим раньше, при Советской власти, наш хуторок входил в единое хозяйство, теперь же — все сами по себе.

Выскочив из подлеска, переблѣскивающий на восходящем солнышке, уросный, просѣлок с игинского угора скачивается в Ярочкину балку, пробегает плотиной мимо образовавшегося на месте торфяных ям, обнесѣнного красноталами и ивнякам прудка. Куда ни кинешь взгляд — всё вокруг зелено: и косогоры, и с озимой пшеницей арендаторские поля. Уже во всю мощь прозеленились и сосновый борок Хильмечки, и подступающий к самому пруду Ярочкин лес. Румяной лепѣшкой на водном блюдецѣ отражается солнышко, состряпанное добрыми, устоявшимися с середины мая погодами.

Начинает припекать, на ходу даже по-летнему жарко, приходится распахнуть отцовскую душегрею, открыться навстречу тянущему с воды свежему ветерку. Перемахнув через балку и поднявшись по жѣлтому глинистому взгорью, ровняюсь с колхозными коровниками.

Вокруг них тишина. Словно пролетел враг. Ни мыканья, ни голоса доярка. Лишь в прошлогодних сухих будильях боршевика белеют костями перекрытий порушенные здания, словно остовы какой-то большущей, павшей от бомбѣжки или послевоенного голода скотины. Будто и не поднимали их, эти фермы, поставленные аккурат перед войной, всем миром, кирпичик по кирпичику, вернувшиеся с фронта мужики.

Просѣлок спешит побыстрее миновать запропащее место. Хоть и знаю, что в этой распотерянной дыре никогошеньки уже пару десятков лет не сыскать, всё ж таки стараюсь на колхозные дворы не оглядываться, но неволью вздрагиваю, заслышав вдруг скрип какой-то болтающейся на последнем гвозде слеги, и следом жуткий вскарр всё надеящегося здесь чем-нибудь поживиться одинокого приبلудного ворона.

Ровняюсь с бывшим правлением колхоза. Окна конторы и приютившейся к её боку библиотеки где выбиты, где заколочены фанерой. И тут гробовая тишина. Лишь поблизости под крышей тоже захлебнувшегося молчанием колхозного тока всё ещё гуркуют голуби, да перелѣтывая шумной веселой стайкой с места на место, копошатся в сытном соре воробы.

Дорога идѣт под уклон, сквозь престарелый колхозный сад, который назло забвению, — может, из последних сил? — по весне цветѣт, как сумасшедший, а по осени усыпает расхозяичавшийся в нём дурнопьян никому не нужными штрифелями и антоновками.

На краю этого сада, недалеко от большака, всё ещё виднеется памятник воинам, павшим за освобождение

нашей округи — отлитая в гипсе простая русская женщина в обычной своей одежде: повывавшая виды фуфайка, на голове — белокрайка, на ногах сапоги, в руках — букет полевых цветов. Пришла, стала у могилы, поникла, скорбит о погибших.

Если присмотреться, то в ней можно отыскать черты любовью нашей деревенской бабы. Обличием и с обеими моими бабушками схожа, да и на Нюру Куршеву, и на Шуру Кузину, и на Зою Леонову смахивает.

В послевоенные годы из близлежащих деревень, со всех полей и угоров, где в спешке были захоронены наши бойцы, свозили их останки в Кирово, и здесь, в этой братской могиле, предавали земле.

Помню, будучи школьницей, занималась и я вместе с другими ребятами поисковой работой. В то время часто приезжали они, матери, жёны и дети погибших в наших краях красноармейцев в День Победы на могилу к своим родным.

Колхоза давным-давно нет, школы тоже, да и народу — раз, два и обчёлся, а вот могила героев, памятник, оградка — всё в приборе. Слава Богу, хоть это не в запустении. Хочется верить, что на земле, где двадцать два месяца лютовал фашист, на земле, по которой прокатилась одна из величайших битв Второй мировой, этого не сможет произойти, куда жив будет хоть один мой земляк.

...Заглянула за свежими газетами на почту, прикупила в магазине молока-хлеба, и обратно на хутор. Отправилась не через пруд, а вдоль села. Можно в Игино попасть и таким путём, перебравшись на краю Кирово по кладям через поросший тальниками ручей.

Конечно, выбрала эту дорогу с умыслом — вдруг да удастся с кем-нибудь из земляков свидеться, потолковать об их нынешнем житие. Но мне не повезло: то ли жителей и правду в селе почти не осталось, то ли дела неотложные всё ещё держат их в эту страдную пору пролетая на огородах и задних дворах.

И только почти на самом выходе из села, смотрю, на пороге своей подслеповатой хатёнки сидит старик. Сколько себя помню, столько помню и этого дядьку Митрия. Бывало, девчонкой, прохожу утром в школу, а он, тогда ещё молодой мужик, уже сидит у крыльца. И позже, когда бы ни приехала к родным, иду к себе на хутор, тоже, вижу, сидит на своём посту под прилаженной пионерами когда-то ярко-красной, а теперь напрочь проржавелой звездой.

Кажется, ничем-ничегошеньки, разве что волосы стали белей белого да добавилось несчётно морщин, а так ничто не изменилось в его облике. Он и при жизни своей Матрёны выглядел точно так же: летом — старая телогрейка, зимой — замуслыканная фуфайка, в любую пору — ватные, стеганные штаны, и на груди обязательно — два ордена Отечественной войны. Были, конечно, у Митрия Саввича и другие награды, но он почему-то носил именно эти.

Выставит культю правой ноги с деревянной опорой вперёд, изловчится, выбьет культями рук из пачки беломорину, кинет пачку на свой верстак, на котором, не смотри, что инвалид, наловчился такие выкрутасины мастерить, что вся округа диву даётся. Затянется и смотрит, смотрит раздумчиво в себя...

— День добрый, Митрий Саввич! — кланяюсь. — Как без Матрёны Карповны справляетесь?

— Татьяна, что ли чи? — встаёт, напрягает глаза старик, — здравствуй, милая!.. Как, говоришь, перебедовываю?.. Э-эх, девонька!.. Дак как, как... Мы привыкли... Только б не было войны, а то вишь, как народу по нонешнему времени тяжко... А как не стерпит да подымется?.. Упаси Господь!..

Возвращаюсь в Игино уже под вечер. Ярочкин лес и Хильмечки потемнели и, кажется, вплотную приблизились к хутору. Поджаристая солнечная лепёшка, очерстев за день и осыпав своими золотистыми крошками припойменные лозняки, вот-вот сронится в низину. Всё гуще тени от околичных осокорей, всё кучней комариные столбы.

Из палисада густо тянет жасмином и пионами. Это от бабушки Наташи ещё повелось, отец, как и она когда-то, любил всю эту неземную красоту — и в своём саду, и на погосте у родичей, и к месту, и где, может, кто скажет, эта радость и не к месту — повсюду насажал сиреней, флоксов и всяческой другой духовитой всячины.

Затворяю на ночь калитку. Присаживаюсь на лавочку в сирени. Где-то на ближней Кировской окраине сиротливо поскуливает одинокая собачонка, наверно, Жюлька дядки Митрия. Жду, когда появятся на селе первые огоньки, отсюда, с самой верхней точки хутора, их хороше-енько видать: один, два... все семь.

Сижу и кажется мне, будто вот-вот распахнётся калитка, и на двор, как бывало раньше в эту пору, войдёт отец с косой на плече, и, встречая его, бабушка Наташа скажет: «Ну, с початком, с первым укосом, сынок! Заморился, небось? Ну, ничего-ничего! Всё сдюжится... Лишь бы не было войны!».

ДО СКОНЧАНИЯ ДНЕЙ...

Стою у Игинского родника, ясного, словно личико ребёнка. От ярких солнечных бликов на водной чистинке рябит в глазах. Вкус этого родника ни за что не спутать ни с каким иным — вкус моего детства, вкус прародины...

Спелой красной ягодкой-смородиной новорожденное светило — его сиятельство багрянородное — выкатывается из-за Мишкина бугра. Лазоревый свет его лампадки просачивается — кап-кап — на ещё не загубевшую под летним солнцем росную листву красноталов... кропит и свежесмётанный на долу стог, и — чуть поодаль — воз со связанными, поднятыми вровень с маковками раки, оглоблями... Расплывается, пеленает меня в деревенское утро.

Свежая горечь пышно цветущей полыни, мёд каши. Ку-ку, ку-ку — в сизых, полудрёмных Хильмечках. И где-то совсем рядом, на дне оврага, по росной луговине — хрум-хрум.

Местность наша — до истома духовитая, нежная, словно мамина душа. Щербатый Мишкин бугор, из-под которого неумолчной свирелькой — тирлинь-тирлинь — вызванивается на Божий свет, кажется, из самого сердца земли проворный родник, с прилётом первых жаворонков и до того времени, как с низинных осокорей заструится ржавая, пожухлая листва, зарастает не ведающей песен литовок роскошью трав да пёстрыми, неустанно сменяющими друг дружку средне-русскими цветиками: иван-да-марьей, душицей, простушками-ромашками, лютиками, кошачьей мятой.

А на самом верхотурье, на горе — торжественно взмывающий, полный первобытной поэзии сосновый бор, хранящий в тяжёлых лапах и разбежавшихся меж ягодника могучих кореньев какую-то ускользящую малахитовой ящеркой непостижимую тайну, которую ни мыслью не охватить, ни словом не выразить... Сквозь продрогшую тишь мечутся белобоки, перескакивают с сука на сук, дри-ти-ти-ти, драта-та-та!

Я помню, как сажали крохотный, от горшка два вершка, сосённый. Шишки из возросшей посадки по соседним полям, буеракам да косогорам растаскали клесты. И вот уже который десяток лет здесь ниже жемчуга на сосновые лапы разгулявшийся во все стороны, насколько может видеть человеческое око, высоченный, заполонённый малинником да бересклетом, перепутанный цепкими муравами зеленокудрый бор.

Снеговые и дождевые воды, просачиваясь сквозь палую хвою, напитываются сосновыми смолами. Собираясь где-то

в недрах Мишкиной горы, смешиваются они с водами, постоянными на чабрецах, анисах да иван-чаях. Терпкую эту, душистую, хмельной вина, заварку разбавляют грунтовые воды. А потом в поросшем красноталом и раkitником овражке выплещиваются они бурлящим, не замерзающим даже в лютую стужу, целебным Ивановым родничком.

Воде на Руси испокон веку отводилось особое место. В русской мифологии Земля и Вода — зачарованный мир, женские дýхи, прародительницы всего сущего. В стародавнейшее время-то, как сказывает Михаил Васильевич Ломоносов в своей «Древней истории», *«многие воды, ключи и озера столь высоко почитались, что воду из них черпали с глубоким и благоговейным молчанием. Кто противно поступал, казнён был смертию...»* И действительно, здесь не зашелохнется травинка, даже высоченные побеги стрелолиста стоят неподвижно, не нарушая общей дрёмы. Здесь малейший шорох кажется святотатством.

Бывало, пойдёшь в детстве с бабушкой Натальей на родник и дивисься: как только спустимся в низину, на подходе, речи старушки стихают... только мимо — свись-свись — утятя ручейком на омуток. Поставит она беззвучно в росные «анютины глазки» ведёрки, уложит на них коромысло. Наперёд всего, перекрестившись, зачерпнёт пригоршней студёной — аж зубы сводит — воды, напьётся досыта. Второй пригоршней омоет лицо, руки. И всё молчком, молчком. И на долу — ни звука. Только радуется, хорохорится в низине птаха-куличок: «Жив ещё! Жив!»

— И-их, милая-а, водица-то, она — живая: всё видит, всё слышит... всё помнит, — скажет бабушка, вставши в пень, уже взобравшись на половину Мишкиной горы, оглядывая пойму, передыхая с ведёрками, полными драгоценной влаги.

— И меня запомнит? — возрадуется моё детское сердчишко.

— А-то как же, голубка, стану я омманывать! И тебя, дажить внучатков твоих признает, — божилась бабушка. — Как отойду я, ты ключика-то нашенского не чурайся, нет-нет да заходи послушать, об чём он пережуркивает... А то — водицы его сахарной испить, глядишь, приставит голову к плечам — перепадёт тебе узнать что-нибудь заветное из его несметных, вековых тайн.

...Почти полвека, как нет родимой, да и самого Игино уже нет. Но, следуя ли заветам бабули, по воле ли своей, всклень наполненной воспоминаниями и думами о деревне, приду на Иванов родник, стою... стою (разве считают время у алта-

ря?), молчу, соберусь с духом и одним махом зачерпну из родника полное ведёрко белоснежных облаков.

Вбды самого желанного для меня родника, затканые июньской травой, заплетённые в сизые тростники и глазастые купавы, спящие в зарослях ивняка, — соки моей родины веками утоляли жажду предков моих, навсегда впитались и в мою плоть и кровь, а через меня, верю, словно драгоценный дар, объявятся в плоти и крови детей моих, и дай Бог, священный зов их проникнет, сохранится в плоти и крови потомков моих!

В детстве гора наша Мишкина в своём полусиянии казалась мне высоченной шапкой Мономаха. Днями напролёт, когда приходила пора цветения, ползали мы по ней с подружкой Галкой в поисках «колубнички» и едкого дикого лука. А в зимнюю пору на самодельных санках, на лыжах, на обмазанных глиняной наледью плетушках и корытах, а порою и на пузе съезжали меж поднебесных стогов снега до Иванова ключа с его серебристыми пузырями и многоцветными пригоршнями гальки, до самого ручья Жёлтого с валунами, обросшими длинными зелёными бородами.

Теперь же Мишкина гора, будто старушка дряхлая, что-то шепчет в бреду, сгорбилась, присела, опершись на разломанную годами ракитину. Обрывистая левая сторона её, та, что прозывалась Цигельня (после вызволения из немецкой оккупации хваткий местный мужичонка наводстрился было здесь из глины кирпич работать), обвалилась, почти сгладилась, поросла золочёным зелёным плетнём — диким тёрном, приютом ненасытных дроздов — да вездесущим сорным клёном, запутавшимся своими лапчатыми сучьями в облаках. Деревья и животные раньше нашего чуют умирание... В шелесте этих могучих исполинов слышится чуть уловимый шёпот далёких времён: «Ру-усь кондо-о-ва-ая...»

Малая родина... Для каждого из нас остаётся она до скончания дней центром мира, серединой, Пупом Земли. А как иначе-то? Её ведь не сменишь, нет у нас выбора: даётся она нам при рождении и впитывается в нас, влюбляет в себя за детство и отрочество так неистово, что о другой иной и мыслить не помыслишь. Будь это крупный город или совсем крошечный хуторок, всё равно — это для нас самое важное, самое что ни на есть заглавное место Земли Русской да и всей Вселенной. Это наша точка опоры. Мы взрослеем, становимся на крыло, и Малая Родина прирастает освоенными нами

краями и странами, людьми и свершениями, выводя нас на простор Великой Родины, а там уж — и за её пределы.

Но чуедальние края, пусть и богатые своим историческим прошлым, красотой экзотических пейзажей, увлекают ненадолго. Проходит короткое время, и вот уже серебристые тополя у родимой игинской околицы кажутся мне в сто раз милее пышно цветущих олеандровых роц Италии, и запах свежего хлеба, дохнувший в Польше из раскрытых окон Краковской пекарни, поманит меня скорее возвратиться к отчому порогу, потянет, словно магнит, к середине Земли, к её центру — Мишкиной горе.

По правде сказать, стоя у её подножия, хочется забрать эти краткие минуты встречи в город, на память. Повидав множество заграничных красот, перевалив за полдень жизни, каждый раз, вглядываясь в простенькие игинские пригорки, в милую сладкую глушь, по-прежнему ощущаю непередаваемый сердечный трепет. Каждый раз что-то невыразимое тревожит и будоражит меня здесь до перехвата дыхания. Как же льнёт душа к этому родному замшелому захолюстью! (Может, улавливает его сакральность...) До скончания жизни его звуки останутся для меня заутренним благовестом, ангельской песнью. Можно ли на свете быть счастливей в другом месте, чем на берегу детства, в местах отроческих лет?

Гребень солнышка расчесал полуспелые травы. Розовым жеребёнком рассвет ускакал за Гороня. Шныркие стрижи у крутояра — чирк-чирк — уже мечутся в своей суетной жизни, гоняются за вездесущей мошкаррой. Бурёнки крошечными божьими коровками, рыжими бугорками пестреют на дальнем, покато берегу. Слышится щёлканье пастушьего кнута. Тепло и сладко становится на сердце, лишь представлю, как медленно и степенно, словно боясь расплескать молоко, бродят они вдоль поймы Жёлтого, поросшей валерьянником да «раковой шейкой».

Небеса перевернулись, опрокинулись голубым незабудковым озером. Широко разгорается утро. Восход — расписное полотно в полнеба! Миг, оперённый светом. Переливчатая, живая, стрекочущая тишина, душистая красотища. Какой-то необычайно звонкий, искрящийся воздух. Чуешь, как с каждым глотком его, словно пьёшь «живую воду», прибавляется жизненных сил.

На память, чуть приметной, натопанной грибниками стёжкой пробираюсь сквозь аромат несмятых цветов, через заросли таволги, осыпающей золотистым пшеницом едва при-

метную стёжку. Таволги у нас — море, оглядишься — и покажется: со всего света собралась она сюда.

Выхожу на простор, в игинское поле. Потрясённо замираю... До небес — как до рая! А неба ведь много никогда не бывает. И дали — тоже безбре-е-ежные! Видать, только русскому сердцу дано объять, вместить эту безудержность простора. И на всё про всё — среднерусская бесхитростность земли. И царственная вечность!

И никакой суеты. Эх! Жить бы и жить вечно! Стоять — не настояться, пить досыта, из пригоршней, этот нескончаемый белый свет, вдыхать ни с чем не сравнимый запах зыбкой утренней тверди, приникать трепетным слухом к только что очнувшемуся миру, ощущать тончайшие ароматы прокалённых солнцем травяных просторов!

В дремотной выси лёгкий июньский ветерок перешептывается с золотыми херувимами-облаками. «Дрон-тон!» — негладно-удивлённо вскрикивает и тут же промелькивает в осиновой поросли перламутровым опереньем какая-то чудная Сирин-птица.

По высокой коленчатой былинке тимофеевки семенит на самую макушку усеянная малюсенькими чёрными точечками ярко-рыжая божья коровка, тоже о чём-то своём мудрует. Работяга-кузнечик куёт и куёт призрачное крестьянское счастье. Или где-то далеко-далеко, за полянами нескошенной травы, окаймлёнными густым ольховником, цокает копытцами по набитой полевой дороге невидимая хуторская лошадка?

Устремляющийся к большаку просёлоч, словно большущими овечьими ножницами, кроит, расстригает поле на две половины: правую, что примыкает к овражистому леску, и левую, упирающуюся в Ярочкин лог. В логу этом шавелевом низко по земле стелется молочный туман, отчего Ярочкина лощина кажется заснеженной. Господи, Боже мой! Какая благодать! Иду на её зов...

И нет хода обратно. И да не износится любовь моя (за дарованную судьбу) к этому полю до скончания дней моих!

В лучшие времена было моё поле домотканой скатертью, самобранкой-пригожайкой. С волнами сизой, дымящейся ржи, с кружевным прошивом просёлка посередине, с уймай подсиненных васильковых волн по краям, в дробных мережках нашенских неброских цветов.

И хлебосольности полюшку было не занимать: только порадей поселянин, и будет с журавлиным отлётом — чугунок крупнущей, в кулак, картошки; по первым заморозкам —

добрая ржаная краюха из нового помола; греча-рассыпуха, гороховая похлёбочка, щи, конечно, из знатного вилка капусты (как же без них!); пшеничные блины на Маслену.

А где поле, там у русского и песня. Чу! Прислушайся: то ли прирученный ветер налаживает струны, былинками-гусельками перебирает, то ли баба наша игинская, сверкая подтыкнутой с двух боков (для прохлады) исподней рубахой, по нестерпимой жарени и дрёме крепко утопанными просёлочными извивами торопится меж розовых султанчиков подорожника на дойку в распластавшийся до самых Желепёков анисовый Савин лог.

— Что добренького, Миколаи-ич? Здоров ли будешь? — задрав голову, прикроет она ладонью от солнца глаза, поздоровакнется с ненароком повстречавшимся ей мужичком, восседающим на под завяз гружёной знатным, хмельным сеном телеге.

— Твоими молитвами, Степановна-а! — услышит в ответ.

— Дожду-то не бывать? Вишь ты, в Горонях с утра серчает?

— А пушай себе! Сенцо, почитай, в амбаре. Дак летний дош-то — нашему брату крестьянину что курам на смех! Знать, грибы пойдуть, опять же — прибыток! — подытожит довольный возница.

И потопает Степановна дальше... Идёт себе баба уклюжей дорожкой, бойко шлёпая босыми загорелыми ногами в уже дозревающей ржи, медово-жёлтой, с синими набрызгами васильков, думу свою крепкую нараспев ведёт (бабы-то у нас издревле песню в себе, словно дитё, носили). И поднимается та песня к облакам — чистым, как стая гусей-лебедей, вечным, как улыбка матушки над колыбелью.

*И говорило аржаное жито,
В чистом поле стоя, в чистом поле стоя:
Не хочу я, аржаное жито,
Да во поле стояти, да во поле стояти.
Не хочу я, аржаное жито,
Да во поле стояти — колосом махати,
А хочу я, аржаное жито,
Во пучок завязаться, в засенку ложиться.
А чтоб меня, аржаное жито,
Во пучок взязали, с меня рожь выбрали.*

То ли явь, то ли сон. Вспорхнула тень — и видение исчезло, точно и не бывало.

Лишь чернеют на Мишкиной горе игинские крыши, да колосятся, волнами ходят на подступах к Гороням хлеба. И

носятся, носятся над Жёлтым, чиркая крылами, белогрудые ласточки, оставляя на воде, расходящиеся в вечность круги.

В лихие години затягивал поясок мужик потуже, впадало в уныние родное поле, рыскали по нему голодные волки, вскаркивали стаи злобных воронов.

Сколько оно хранит в своей седой, накопленной за века памяти? Если бы только оно умело говорить! Время не могло не оставить на нём свой след. Неуёмные осенние дожди, летние ильинские ливни, очумелые вешние потоки вымывают из пластов земли такие находки, что только диву даёшься!

Вернуть невозвратное невозможно. Глубь веков — словно путаница просек в наших осиновых Горонях, потёмки тёмные. Но всё же кое-что можно разглядеть и сквозь дожди столетий. То тут, то там и поныне ещё нет-нет да объявятся в промоинах кремневые ножи, топоры, черепки глиняной посуды, вылепленной в стародавние времена. Вражеские стрелы так глубоко вонзились в нашу изувеченную землю, что и по сей день лечит она свои раны — выходят, выболев, на её поверхность наконечники стрел, встречаются ещё и мечи древних ратников, штыки времён Гражданской войны, а уж о «подарках», оставленных последней войной, и говорить не приходится!

За семь километров от моей деревушки Игино, в Рыжковской школе, где я когда-то училась, есть уникальный музей. Экспонаты для него собирались со всей нашей округи. Некоторым из них — многие века. У моего народа, сильного и воинственного от самой колыбели, богатая, особая по своим нравам и обычаям судьба. В раздумьях о настоящем и будущем моей родины вольно или невольно обращаешься к минувшим столетиям, мысленно окидываешь взором путь, проторенный моими предками... И радуется душа, что пусть небольшой краеведческий музей приютился под школьным крылом, рядом с детишками.

Им жить.

Им помнить.

г. Орёл

ПРОСТО КОНЧИЛАСЬ ЗИМА

РАССКАЗ

Я увидел ее на перекрестке. Она стояла возле пешеходного перехода и ждала, пока загорится «зеленый». Я сразу узнал ее по длинным светлым волосам, по безупречной осанке, по знакомой кожаной куртке, тесно облегающей стройную фигуру.

Я ускорил шаг, почти побежал, но все равно не успел — поток машин разделил нас, и мне пришлось дожидаться, пока он снова не иссякнет.

Прошлое обрушилось на меня! Какие-то обрывки воспоминаний, слова, жесты... Вот мы сидим в полупустом холодном ресторане. За окнами падает снег. Он летит так густо, что кажется, будто на улице уже сумерки. Хотя на часах — полдень... Мы со звоном сдвигаем бокалы. «За тебя!» — говорю я. Она хмурится и с притворной строгостью грозит мне пальцем. «За нас!» — подыгрывая ей, спохватываюсь я, и она не может сдержать улыбки...

Вот мы в каком-то маленьком провинциальном городишке. Осматриваем местный краеведческий музей. Июльский зной не

ПРОЗА

проникает сюда. Здесь прохладно, пахнет свежеструганным деревом, дегтем и нафталином... Не спеша переходим из зала в зал. Каждый шаг гулким эхом отдается под высокими потолками... Старинная утварь, костюмы ушедшей эпохи, чучело огромного, вставшего на дыбы медведя. «Какой страшный!» — с опаской произносит она, дотрагиваясь до блестящего черного когтя. «Ерунда, — невозмутимо роняю я. — Встречались и пострашнее...» В музее никого из посетителей нет. Лишь две смотрительницы, уединившись в главном зале, пьют чай с пирогами. Пользуясь тем, что никто не видит, мы украдкой целуемся... Лохматый медведь с высоты двухметрового роста осуждающе глядит на нас желтыми стеклянными глазами.

Я догнал ее. Секунду поколебавшись, окликнул... Незнакомая девушка обернулась ко мне.

— Извините, — растерянно сказал я. — Обознался.

— Ничего, — ответила девушка, — бывает...

И пошла дальше, легко ступая по серому ледяному асфальту.

Увы, это была не она... Да и откуда ей здесь взяться? Сотни километров разделяют нас. Мы давно расстались, смирились с неизбежным и живем теперь каждый своей жизнью. И всё же... Отчего память вновь и вновь возвращает меня к ней? Отчего до сих пор наяву и во сне брежу я этой женщиной? Будет ли этому конец?

Говорят, после большой любви остаются радужные счастливые воспоминания и легкая светлая грусть... Не знаю, может быть, так оно и есть, но лично я этого не ощутил. У меня остались только боль, тоска и безысходность...

Особенно тяжело было первое время. Долгие, мучительные ночи без сна... Сумрачные, безрадостные дни... Полный паралич воли... В общем, состояние близкое к душевному заболеванию.

Через неделю мне удалось взять себя в руки. Каждое утро, сжав зубы, я вставал, тщательно брился, умывался, завтракал. Потом приводил в порядок обувь, одежду и только тогда, отутюженный и наглаженный, выходил из дома.

День проходил в делах и заботах. А вечером опять накатывала тоска. И некуда было от нее деться... И, задыхаясь от боли и слез, я, как молитву, шептал спасительные слова: «Что бы ни случилось, надо держаться достойно...»

— Постой, красивый! — дорогу мне преградила молодая цыганка в цветастой шали. — Дай, погадаю...

Она бесцеремонно взяла меня за руку и, раскрыв ладонь, принялась водить по ней указательным пальцем, приговаривая:

— Вижу, всё вижу... Что было, что будет... Позолоти ручку, всю правду тебе скажу!

Я отнял ладонь:

— Что было — знаю, что будет — знать не хочу...

Пошарив в кармане, вытащил смятую купюру, протянул ей и пошел.

— Щастье ждет тебя, брильянтовый! Щастье! — донеслось мне вслед.

«Счастье? — усмехнулся я. — Что ж, это хорошо... Это как раз то, чего всегда не хватает».

День был морозным. Но уже по всему чувствовалось приближение весны. Небо сияло первозданной синевой, солнце ощутимо пригревало, голуби ворковали под крышей, воробы суматошно чирикали, дворник в матерчатых рукавицах размеренно взмахивал ломом, скалывая намерзший за ночь лед.

Не знаю, как я очутился на остановке и для чего сел в первый попавшийся троллейбус? Наверное, просто хотел убежать от тоски. Я давно заметил, что дорога действует на меня успокаивающе. Стоит начать движение — и все печали остаются позади.

Народу в салоне было немного. Привалившись к окну, я смотрел на бегущие мимо дома.

На очередной остановке в троллейбус вошла девушка. Бросив на меня мимолетный взгляд, она села впереди и чуть сбоку, так что я хорошо мог видеть ее лицо.

Она была красива... Это я сразу же отметил. Стараясь не выходить за рамки приличия, изредка поглядывал в ее сторону. Причем без каких-либо тайных мыслей. Просто смотрел. Как на явление природы — восход, закат или радугу, например...

— Извините, — неожиданно обратилась ко мне девушка. — Проспект академика Фролова — это далеко еще?

— Остановок пять... — сказал я и зачем-то добавил. — Мне тоже там выходить.

Когда мы оказались на улице, я увидел, что девушка, нерешительно осмотревшись, двинулась совсем в другую сторону. Я остановил ее и объяснил, как лучше пройти. Потом предложил:

— Если хотите, могу проводить. Все равно по пути...

— Ладно, — она неопределенно пожала плечами.

Всю дорогу молчали. Я чувствовал себя неловко: получилось, что вроде как навязался... К тому же девушка, похоже, особой радости от моего общества не испытывала.

Район этот был мне знаком. Поэтому мы без труда отыскали нужный проспект. Спутница моя сказала «спасибо!» и исчезла. А я снова остался один.

Идти мне было некуда, делать — нечего. «Перекусить, что ли?» — подумал я, увидев неподалеку распахнутые двери кафе.

Взяв котлету с вермишелью, я сел за крайний столик. Неподалеку работали две женщины в бывших когда-то белыми халатах. Они очищали тарелки, сбрасывая объедки в мусорный бачок, и ставили на ленту конвейера, которая везла их в моечную машину. До меня долетели обрывки разговора. Та, что помоложе, жаловалась:

— Пашем, пашем, а ни денег, ни фига... Как дуры!

На что другая, тяжело вздохнув, философски ответила:

— Были бы умными, здесь бы не работали...

Кто-то дернул меня за штанину. Я заглянул под стол и увидел маленькую черную собачонку. Из приоткрытого рта выглядывал кончик розового языка. Склонив набок голову, она выразительно смотрела на меня.

— Есть хочешь? — догадался я.

В ответ она радостно застучала по полу хвостом и нетерпеливо облизнулась.

Оглядевшись по сторонам, я незаметно бросил ей под стол кусок котлеты. Собака бережно взяла подарок в зубы, но не проглотила сразу, а положила на передние лапы и принялась деликатно откусывать.

«Воспитанная... — уважительно подумал я. — Где же хозяйева твой? Или ты бездомная?.. Плохо одному — хоть собаке, хоть человеку».

Обратно к остановке я возвращался тем же путем. В сквере, на скамейке, увидел недавнюю спутницу. Ее яркая куртка была заметна издали.

Проходя мимо, я замедлил шаги.

— Ну, как, нашли, что искали?

— Да, — ответила она.

Я решил присесть на скамейку, однако сделал это довольно неуклюже — вроде бы уже прошел мимо, но потом вернулся... Что-то похожее на улыбку мелькнуло на ее лице. Я принял это за усмешку. И почувствовал себя так, будто опустился на раскаленное железо.

Положение было действительно идиотским. Раз уж сел рядом с девушкой, то надо о чем-нибудь говорить. Но о чем?.. Просто так молоть языком я не умею. Говорить о погоде —

банально. Предложить познакомиться? Но это надо было делать раньше... И, вдобавок ко всему, эта боязнь показаться навязчивым.

На мое счастье, девушка заговорила первой.

— Нашла, — после паузы сказала она, как бы продолжая начатый разговор. — А что толку? Ее всё равно нет дома...

— Кого ее? — спросил я с поспешностью утопающего, который хватается за соломинку.

— Подруги... Кстати, вы не знаете, где здесь банкомат поблизости?

— Знаю, — с готовностью откликнулся я.

Мы встали и хотели было идти, но тут появилась старушка.

— Молодые люди, — обратилась она к нам, — вы случайно собачку тут не видели? Со вчерашнего дня ищу...

Лицо ее было печальным, голос дрожал, в глазах застыла грусть.

— Маленькая, черненькая такая?.. Ушки вот так?

— Да, да! — просияв, воскликнула хозяйка. — Вы видели ее? Где?..

— У вас есть с собой ошейник?

— Есть.

Она вытащила из сумки ошейник, похожий скорее на ремешок от часов. К нему был пристегнут такой же тоненький кожаный поводок.

— Отлично, — сказал я. — Ждите меня здесь. И, обращаясь к девушке, попросил:

— Только, пожалуйста, никуда не уходите. Я быстро!

Через пять минут я вернулся. Как и следовало ожидать — не один.

Увидев, с какой радостью старушка и собачонка кинулись навстречу друг другу, я ощутил себя богом, соединившим две любящие души.

— Счастья вам... Счастья! — сквозь слёзы произнесла растроганная бабуля.

Я подумал: «Второй раз сегодня слышу это слово. А что, собственно, оно означает? Это магическое сочетание семи букв. Этот мираж, который всегда ускользает... Да и есть ли оно на свете?»

Но додумать не успел. Девушка сказала:

— Пойдемте.

И мы пошли... Встречные мужчины с интересом поглядывали на мою спутницу. Она и в самом деле была хороша: правильный, чуть вздернутый нос, сочные яркие губы, синие глаза с длинными, загнутыми вверх ресницами...

— Можно узнать, как вас зовут? — наконец решился спросить я.

— Света, — ответила девушка. Я тоже назвал свое имя. И сразу почувствовал себя уверенней и свободней.

— Значит, не застали подружку?

— Увы...

— Ничего, навестите завтра.

— Завтра уже не смогу. Сегодня вечером уезжаю...

«Вот так, — опешил я. — Только встретишь красивую девушку — и на тебе!..»

— Надолго?

— Я не здешняя, — смутилась Света. — Училась тут, а живу в Ярославле.

— Бывал у вас. Нормальный город... Только жжёной резиной ужасно пахнет.

— Это когда ветер с шинного завода, — рассмеялась она.

— Давно здесь?

— Вчера приехала.

— На один день, что ли?

— На один.

— На экскурсию?

Она вдруг стала серьезной, внимательно посмотрела на меня, словно решая, стоит ли говорить мне об этом.

— У подруги случилась беда. Ее бросил человек, которого она очень любила. Сейчас у нее страшная депрессия... Я говорила по телефону с ее мамой. Она очень переживает за дочь. Вот я и решила приехать. Подумала, может, хоть чем-то смогу ей помочь... Тем более, что у меня в жизни было нечто подобное.

Услышав последнюю фразу, я удивился:

— Трудно поверить...

— Во что?

— В то, что вас... — я замялся: как бы это помягче сказать, — Что от вас по доброй воле можно уйти.

Она промолчала. Наверное, пожалела, что сболтнула лишнее. А я подумал: «Прямо клуб одиноких сердец какой-то...»

— Вам этого не понять, — после паузы холодно сказала Света.

— Где уж нам... — покорно согласился я.

Тут оказалось, что мы пришли. Но банкомат не работал.

— Не везет, — развела руками Света. — Что делать?

— Там, — я неопределенно махнул рукой в сторону уходящего вдаль проспекта, — есть еще банкоматы. Если вы не очень устали...

Она покачала головой:

— Нисколечко.

— Тогда вперед! — решительно скомандовал я, и мы отправились дальше.

По дороге болтали о всяких пустяках. Неловкость и скованность пропали. Мне было легко общаться с этой милой девушкой.

— Вы бывший спортсмен? — скорее утвердительно, чем вопросительно произнесла она.

— Занимался когда-то... Одно время даже тренером мечтал стать... А как вы догадались?

— По глазам.

— Ха-ха-ха!.. Первый раз слышу, чтобы это по глазам можно было определить.

— Нет, правда, — пояснила Света. — У вас взгляд такой... Цепкий, быстрый... Как у моего брата. Он мастер спорта по дзю-до.

— Мои успехи гораздо скромнее... У меня всего лишь первый разряд... По боксу.

— Но на боксера вы не похожи, — без особой логики заявила она.

— Почему? — удивился я.

— Лицо у вас какое-то... Интеллигентное.

— Наверное, это издержки музыкального образования. Ведь прежде, чем заняться боксом, я окончил музыкальную школу.

— И на чём же вы играли?

— На скрипке.

Внезапный порыв ветра испортил ей причёску. Достав из кармана заколку, она ловко уложила волосы на затылке. Получилось нечто легкомысленно-изящное... Я невольно залюбовался ею.

Мимо с лаем пронеслась лохматая дворняга. Мы переглянулись, вспомнив старушку.

— А вы собак любите? — спросила Света.

— Охотничьих... Одно время даже держал парочку. На это было давно, еще когда жил на Севере.

— Значит, вы охотник? Интересно... Тайга, звери — это так необычно. Наверняка с вами случались какие-то истории. Расскажите?

— Да ничего особенного... Хотя, конечно, приключений хватало... Однажды пошел на охоту. Дело было поздней осенью. Снегу уже навалило чуть ли не по колено... Я тропил рысь по пороше, а она преследовала поднятого с лежки зайца. Так и шли: впереди косой, за ним — пятнистая лесная кошка, а следом — я с двустволкой наперевес... И угоразди-

ло меня провалиться в ручей! В общем, событие рядовое — бери топор, вали сушину, разводи костер... Но упал я очень неудачно. Спички промочил... У меня всегда в рюкзаке в непромокаемом пакете имелись запасные. А тут, как на грех, вытащил зачем-то, перед охотой... Мороз был небольшой, но одежда сразу ледяней коркой покрылась. Понял я — плохи мои дела. Надо что-то делать! Попробовал из патронов огонь добыть, но ничего не вышло. Только испортил несколько штук... Потом вспомнил, что здесь неподалеку должна быть избушка. Достал компас и рванул напрямик. Вскоре вышел клесной речке. До избушки от нее — километр. Десять минут ходу. «Ерунда, — думаю — доберусь». Но всё оказалось гораздо сложнее... Обычно я переходил на ту сторону по бобровой плотине. А в эту осень дожди лили без конца, уровень воды поднялся, и ее снесло. Речка разлилась и затопила всю округу. И не обойти никак... Выбора не оставалось — надо форсировать. Всё было затянато тонким заснеженным льдом. Только вышел на него, как он под ногами начал ломаться. Вода в сапоги хлынула... Два шага ступил — ног не чувствую. Пошел, как на ходулях... Выбрался наконец на сушу, скинул сапоги. Смотрю — ноги блее снега. Попробовал пальцами пошевелить, а они не двигаются — ооченели. «Ну что, доигрался?» — думаю... Вокруг ели заснеженные стоят, сумерки потихоньку напоззают, птичка какакая-то тоскливо так тенькает. Показалось, будто во сне всё это... Но отогнал я сонную одурь, скинул солдатский бушлат, свитер шерстяной, завернул в них ноги и принялся на месте танцевать. Пока не почувствовал, что они отходить начали... Быстро оделся — и вперед. Метров через сто опять перестал ступни чувствовать. Пришлось снова скидывать сапоги и повторять процедуру сначала... Так, короткими перебежками, и добрался до избушки. Первым делом за печку сунулся: посмотреть — на месте ли спички. Нашел там сразу несколько коробков... Вскоре в избушке было, как в Африке... Лежу, смотрю на огонь — и вдруг озноб прошиб от мысли: «Что было бы, если б спичек не оказалось?»

— И что бы было? — заглянула мне в лицо Света.

— Ничего... Замерз бы — и все дела...

Помолчали.

— Странно, — задумчиво сказала она, — неужели есть еще места, где тайга шумит, звери разные бегают...

— Иногда — зеки...

— Кто?

— Зеки... Заключенные, то есть... Там же «зон» полно. Как лето наступает, грибы-ягоды поспевают — так и бегут. А за

ними — автоматчики с собаками. Обычное дело... Я даже с одним беглым вместе в избушке ночевал.

— В самом деле?

— Было это в конце августа, как раз на открытие охоты. Вышел к избушке уже затемно. Сейчас, думаю, отдохну... Дверь отворил, шагнул за порог, стою, жду, пока глаза к темноте привыкнут... Вдруг с нар, из-за печки, на пол что-то большое и черное — ка-а-ак прыгнет!.. Я со страху чуть сознания не лишился. Леший, домовый — кто его разберет?.. А тот, видно, сам испугался не меньше... Стоим друг против друга, слова вымолвить не можем. Потом слышу: «Привет, охотник!» — «Привет» — говорю. Спокойно, как ни в чем не бывало. А у самого — дрожь в коленках... Рюкзак, ружье скинул, подошел к столу, свечу зажег... Сначала подумал, что он тоже охотник. Потом, при свете уже, присмотрелся и понял, кто такой... Короткие свалевшиеся волосы; на впалых щеках — многодневная щетина; руки в наколках. Одет полагерному: куртка и брюки из плотной темной материи, кирзовые сапоги, черный ватный бушлат. В общем, сосед что надо... Призадумался я: вроде и оставаться боязно — пристукнет сонного, ружье, продукты заберет — и был таков; а с другой стороны, под елкой ночевать тоже неохота — больше избушек поблизости нет. Ладно, думаю, авось пронесет... Сели ужинать. Я все запасы свои на стол выложил, ему предлагаю, а он отказывается. Отломил только полкотлеты с крохотным кусочком хлеба — и всё... Стесняется, что ли? И только потом до меня дошло: человек много дней, кроме ягод, ничего не видел. Если сейчас с голодухи досыта поесть — к утру от заворота кишок умереть можно... Только чаю попросил. Я отсыпал ему полпачки. Он тут же запарил в своей алюминиевой кружке чифирь... Мы почти не говорили ни о чем. Я его не расспрашивал, он тоже любопытства не проявлял. Так, перекинулись парой фраз о каких-то пустяках... Спать улеглись по разные стороны стола: он на одни нары, я — на другие. Нож охотничий с пояса снимать не стал. С ним всё же спокойнее... Долго не мог уснуть, прислушивался к каждому шороху. Потом как в яму провалился...

Проснулся под утро, а рука так и лежит на рукоятке ножа... Уходя, я оставил ему половину припасов.

— Вы уверены, что поступили правильно? — строго спросила Света.

— А что мне было делать? Арестовать и под конвоем доставить в милицию?

— Но вы даже не поинтересовались, за что он осужден, почему бежал... Может, на его совести чьи-то горе и слезы,

может — не одна загубленная душа? И если так — он должен за всё ответить! Иначе просто несправедливо...

— Есть вещи поважнее справедливости. Например, милосердие... — изрек я и тут же, словно оправдываясь, добавил: — Это не мои слова. Так один умный человек сказал.

Возле банкоматов было много народу. Мы остановились возле крайнего и стали дожидаться своей очереди, болтая о всяких пустяках.

Я не знаю, откуда они возникли, эти двое в черных кожаных куртках: бритые затылки, ленивая вразвалочку походка, тупое высокомерие в глазах. К тому же они были навеселе... Появление этих ребят не сулило ничего хорошего.

Я внутренне напрягся.

Тут как раз освободился ближайший к нам банкомат. Света шагнула к стеклянной кабинке, но один из парней грубо отстранил ее, проговорив:

— Не торопись, подружка.

— Извините, — сказал я, — но сейчас наша очередь.

— Что? — скривив в пьяной ухмылке рот, произнёс крепкопыш в кожанке.

— Нам тоже нужно ... — дрогнув под его взглядом, неуверенно забормотал я. — Мы давно здесь стоим...

— Отвали! — рявкнул он и больно пнул по ноге.

Будь я один, возможно, так бы и сделал. Зачем испытывать судьбу? Но со мной была девушка. Не мог же я на ее глазах превратиться в ничтожество.

— Вначале... мы... — сквозь сжатые зубы выдавил я, превозмогая гжучую боль в лодыжке.

— Ты чего, земляк, совсем, что ли, офигел? — поинтересовался второй и ткнул меня кулаком в бок.

— Ладно — сказал его приятель. — Пусть девушка остается... А ты, — он выразительно посмотрел на меня, — пойдешь пока с нами. Разговор есть...

— Никуда он не пойдет! — попыталась удержать меня Света.

Но я покорно поплелся за ними.

Когда-то меня занимал вопрос: почему человек, которого ведут на расстрел не сопротивляется, не протестует, не пытается бежать? Теперь понял — надеется, что всё обойдется...

Мы вошли в маленький мрачный колодец двора. Я успел заметить ослепительную синеву предвечернего неба и малиновый край крыши, залитый прощальным светом уходящего за горизонт солнца. На третьем этаже кто-то торопливо задернул занавески.

Один из парней взял меня за отворот пальто и притянул к себе. Я ощутил запах винного перегара. Не отпуская одежды, он оттолкнул меня. Я отшатнулся назад... Он снова потянул к себе... Раскачивая меня, как маятник, взад-вперед, он плотоядно улыбался. Я разглядел зарубцевавшийся шрам над бровью, а перебитый нос и хищный взгляд окончательно убедили меня — этот просто так не отпустит.

— Не трогайте его! — отчаянно и звонко крикнула Света.

— Молчи, тварь! — прошипел второй, зажимая ей рот ладонью.

Дальше все произошло очень быстро.

Когда в очередной раз парень, держа меня за воротник, оттолкнул от себя, я отклонился чуть дальше и, сделав полшага назад, резко ударил снизу предплечьем в разогнутый сгиб локтевого сустава.

Раздался сухой щелчок, словно сломали ветку.

— О, ё-о-о! — простонал парень, кланяясь мне в пояс. Я добил его ребром ладони по шее. Мгновенно развернувшись, увидел искаженное злобой лицо второго... Ни слова не говоря, мы бросились навстречу друг другу.

Мне повезло — я оказался чуть быстрее... Короткий встречный удар пришелся точно в подбородок, и противник упал навзничь, глухо стукнувшись затылком о землю.

Все было кончено в несколько секунд... Я взглянул на Свету. Она стояла, прислонившись к стене, и смотрела на меня широко открытыми глазами, в которых отразились испуг и растерянность.

Я схватил ее за руку, и мы побежали в сторону метро.

Запыхавшиеся, с ходу врезались в толпу, проскочили через турникет... Пока спускались на эскалаторе, никак не могли отдышаться. Она стояла рядом, прижимаясь ко мне. Я чувствовал, как стучит ее сердце. Пытаясь успокоить, шептал ей что-то на ухо... Хотя самого всё еще била нервная дрожь.

Как-то само собой получилось, что мы оказались в маленьком уютном ресторанчике. Нашли свободный столик.

Тайком ощупывая в кармане согнутые пополам хрустящие купюры, — месячный гонорар — я размышлял: «Подумаешь, новые полуботинки! До лета я и в этих дохожу... А с такой красавицей когда еще посидеть придется...»

Я протянул Свете меню. Она быстро пробежала глазами по строчкам и сказала:

— Если можно — кофе.

— И всё?

— Ну, бутерброд еще какой-нибудь...

«Нет уж, — подумал я, — гулять, так гулять!»

Подошел официант. Я заказал шампанского, фруктов, горячие закуски.

— Зачем! — прошептала Света, когда он удалился. — Ведь это дорого.

— Ничего, — беспечно отмахнулся я. — Заработаем!

— А где ты работаешь?

— В газете... Я журналист.

— Правда? — в глазах ее вспыхнул огонек любопытства. — Не представляю, как это: взять и чего-то там написать...

— Обыкновенно... Садись к столу, берешь авторучку, чистый лист бумаги — и поехали!.. Переводить чернила и бумагу — моя профессия... А если серьезно, я и сам не знаю, откуда что берется.

— Ты учился?

— Закончил университет... Но если тебе не дано писать, нигде этому не научат. Одного желания мало. Для того, чтобы летать, нужны крылья... Кстати, а кто ты по профессии?..

Тут я сделал маленькое открытие. Оказывается, мы давно перешли на «ты». Это произошло так естественно, что я даже не заметил.

— Кто? — Света улыбнулась. — Угадай...

— Стюардесса.

— Нет.

— Секретарша.

— Нет.

— Сдаюсь...

— Я преподаю иностранный язык в школе.

— Английский?

— Французский.

Официант принес шампанского. Я откупорил бутылку и разлил шипящую жидкость в бокалы.

Мы выпили.

— Где ты научился так драться? — спросила она.

— Жизнь всему научит... Я же говорил тебе — боксом занимался. В армии служил в спецчастях внутренних войск: полгода в сержантской учебке, остальное — во «взводе захвата». Причем большую часть — заместителем командира. Так что школу по этой части прошел хорошо.

— Кажется, ты сломал ему руку...

Я насторожился.

«Вот она, женщина... Сейчас начнет обвинять меня в том, что я поступил слишком жестоко». И довольно резко ответил:

— Если бы я не сломал ему руку, они свернули бы нам шею... По крайней мере, мне-то уж точно!

— Ну что ты, не сердись, — ласково сказала Света. — У тебя, действительно, не было выхода. Я так испугалась... Кто бы только знал, как я испугалась!.. А ты?

— Не боятся только хвастуны и идиоты. Страх — нормальная реакция на опасность. Просто не все способны его преодолеть... Ты знаешь, в детстве я был довольно смелым мальчиком. В шесть лет, заступаясь за девчонку, я подрался с пацаном года на три старше себя и одержал победу... Другой раз к нам во двор пришли хулиганы с соседней улицы. Наши ребята хотели с ними разобраться, но их предводитель достал нож, и все разбежались. И тогда я один вышел им навстречу... А потом что-то случилось со мной. Я стал ужасным трусом. До сих пор со стыдом вспоминаю некоторые эпизоды своего отрочества... Как-то пошли мы с другом в кино. Стоим в очереди за билетами. И вдруг вижу — стоящий рядом парень вытаскивает у него из кармана перчатки... Страх парализовал меня. Я не мог вымолвить слова. Потом, когда друг хватился пропажи, я сочувствовал ему и даже пытался вместе с ним искать... Или еще случай. Шли вечером с товарищем по улице. Тут, откуда ни возьмись, — местная шпана... Мне повезло — один из хулиганов оказался моим знакомым. У приятеля знакомых среди них не нашлось... Пока его били, я стоял рядом, разговаривал о чем-то и, как это ни позорно, заискивающе улыбался... Как личность я ничего не стоил. Меня можно было унижить, оскорбить, я покорно сносил любую обиду... Лет в пятнадцать, однако, понял — так дальше жить нельзя. И записался в секцию бокса. Это был первый шаг по преодолению недуга под названием страх... Потом случилось всякое... Ты, например, видела когда-нибудь драку двести на двести? А я — участвовал... Из армии вообще вернулся другим человеком... Не раз попадал в разные переделки, но все как-то обходилось. Видно, мама усердно молилась за меня.

— Может быть, она молилась и сегодня?

— Может...

Вошла шумная компания. Я услышал знакомый голос, обернулся и узнал бывшего однокурсника Лешу Новоселова. Мы давно не виделись, но он ничуть не изменился.

Леша тоже узнал меня и, театрально раскинув руки, направился к нам. Сделав комплимент Свете, присел за столик.

— Как дела? — поинтересовался он.

— Всё в порядке.

— С нашими видишься?

— Редко... Вечно спешка какая-то, суета. Вечно времени не хватает. Позвонить — и то некогда... Мишка на телевидении сейчас, Андрей и Наталья — на радио. Остальные — по газетам и журналам... Кое-кто в бизнес ушел... А ты сам-то чем занимаешься?

— Работаю спецкором в ... — он назвал одну из центральных газет.

— Нравится?

— Ничего. Только по командировкам часто мотаться приходится... А знаешь, кого я недавно встретил? Диму Гринцевича... Помнишь, он со второго курса в Израиль эмигрировал.

Нетерпеливый женский голос донесся из полутемного зала:

— Лешенька, ты надолго нас покинул?

— Сейчас, сейчас... — откликнулся Леша и, вставая, сказал:

— Давай как-нибудь встретимся. Я здесь еще недели две буду. Ребят соберем.

— Ладно, звони.

Я посмотрел на Свету. В мерцающем полумраке ее лицо было еще прекрасней.

Играла музыка. Несколько пар медленно кружились на пятачке между столами.

— Потанцуем? — предложил я.

— Давай, — согласилась Света.

Мы оказались совсем рядом. Я ощутил под ладонями тепло ее тела, холодный шелк волос, почувствовал терпкий запах дорогих духов и едва уловимое, легкое дыхание.

Музыка закончилась. Мы вернулись за столик. Я разлил по бокалам остатки шампанского и, пригубив искрящийся напиток, спросил:

— Ты сильно любила его?

— Кого? — не поняла Света.

— Ну, того парня... Помнишь, ты говорила?

— Да, очень...

— А он?

— Тоже... Так, по крайней мере, мне казалось... А, впрочем, он и сам об этом часто твердил.

— Тогда почему вы расстались?

— Не знаю, — она пожала плечами. — Наверное, просто «залюбила» его. Или, как это говорится в романах, сожгла на костре своей любви. Начиталась девочка книжек... Когда он уходил, думала — умру. Но ничего, живая, как видишь... Время прошло, сейчас уже не больно... Почти... А почему ты об этом спрашиваешь?

— Просто так... Я ведь тоже пережил это.

— Неужели? — удивилась она.

— Я тоже расстался с женщиной, которую безумно любил. Чего мне это стоило — долго рассказывать... Но знаешь, что самое страшное — я потерял веру в любовь. Теперь, когда вижу влюбленных, меня охватывает отчаяние... К чему все эти высокие слова, эти фальшивые слезы, эти горячие клятвы, которые не стоят ни гроша? Зачем обманывать себя и других? У этого чувства слишком короткий век. Не успев вспыхнуть, оно тут же гаснет, оставляя после себя темноту, пепел и обожженные доверчивые души... Вечной любви не бывает! Наивный, кто верит в нее.

— Но если не верить, ради чего жить? И как?..

— Не знаю... Мне кажется, ты похожа на меня. Поэтому скажу тебе — таким, как мы, любить нельзя!

Света печально вздохнула:

— Такие, как мы, не любить не могут...

Я быстро посмотрел ей в глаза. Она не отвела взгляда. Что-то, похожее на электрическое поле, возникло между нами. На несколько секунд я утратил чувство реальности.

Снова заиграла музыка. Послышалась знакомая песня. «Просто-о, кончилась зима-а... Кончилась зима-а!..» — водила певица. Света улыбнулась:

— Знаешь, какой сегодня день?

— Какой?

— Первое марта. Действительно — кончилась зима...

Мы посидели еще немного. Я снова хотел заказать шампанского, но Света сказала:

— Мне пора.

— Куда ты торопишься? — попробовал я удержать ее. — Поезд еще не скоро.

Но она была непреклонна... Мы вышли на улицу, поймали такси.

— Я провожу тебя?

— Проводи.

Машина петляла по вечерним улицам. За окнами мелькали яркие неоновые огни. Редкие прохожие спешили по домам — было уже поздно.

«Вот и всё... — усмехнулся я. — А чего бы ты хотел?»

Остановились на привокзальной площади.

— Подожди меня здесь, — сказала Света и куда-то ушла.

Я бесцельно бродил возле стеклянных ларьков, разглядывая разложенные на витринах товары. Время тянулось мучительно.

Наконец послышались торопливые шаги. Обернувшись, я увидел ее.

— Долго? Ты замерз? — скороговоркой выпалила Света, и вдруг:

— Я сдала билет...

— Что?

— Сдала билет.

Я замешкался, не зная, что сказать. Буквально лишился дара речи.

Она растерянно посмотрела на меня.

— Что-нибудь не так? Я неправильно сделала?

Этот испуг окончательно сразил меня.

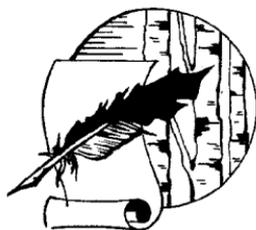
— Всё правильно, умница ты моя... Всё правильно!

Она несмело улыбнулась, едва приподняв уголки губ. Глядя на нее, и я расплылся в улыбке... В глазах ее сверкнул лукавый огонек — она рассмеялась тихонечко. Потом — громче... И мне отчего-то тоже стало смешно.

Взявшись за руки, мы стояли и заразительно хохотали. Мимо проходили люди с сумками и чемоданами в руках, бросая на нас недоуменные взгляды.

А мы смеялись и не могли остановиться... На душе у меня было радостно и легко — пожалуй, впервые за все эти долгие зимние месяцы.

г. Санкт-Петербург

Юрий КРАВЦОВ

СЕНОКОСНАЯ СТРАНА

ПОДРОСТКИ ТОЙ ПОРЫ

Биографии подростков той поры
Будто бы писались под копирку.
Мяч футбольный, тесные дворы,
Игры дотемна с войной впритирку.

Семилетка, юность, ФЗО,
На завод рассветная дорожка,
Сладкий привкус хлеба своего
И июня жуткая бомбежка.

Посадили вдоль речной тропы
Топольки, черемухи, березки
И ушли они, чтоб у судьбы
Оказаться вдруг на перекрестке.

С первых дней обрушился на них,
Вовсе не обстрелянных, домашних,
Беспощадный гром сороковых.
Содрогнулись и дома, и пашни.

Но мальчишки выстоять смогли,
Мужеством ответили на ярость.
И могилы их на полземли,
От Москвы к рейхстагу разбросались.

А в селеньях племя разрослось
Возле речек, радуя прохожих,
Тополей, черемух и берез —
Память о парнях,
чьи судьбы схожи...

ПЕТУХОВЫ

Поставьте памятник деревне
Николай Мельников

Больно видеть отчие места
Без колодцев, хат, ворот и ставен...
Неспроста, конечно, неспроста
Деревеньке памятник поставлен.

Эту пядь туреевской земли,
Что на родники, леса богата,
Как зеницу ока, берегли
Пахари от злобных супостатов.

Сообща здесь молотили рожь,
Сообща играть спешили свадьбы,
И куда в деревне ни пойдешь,
Повстречаешь крепкие усадьбы.

Обсуждали важные дела
Мужики и бабы на закатах,
И в тиши полей перепела
Погружали в полудрему хаты.

Было время, набегал Мамай,
И в селеньях становилось пусто...
Отчего ж теперь в крапиве край,
Отчего ж в душе тревоги чувство?

Что случилось с нашею страной?
Всюду перемен гуляет ветер,
И Мамай, по-видимому, свой
Разорил крестьян и не заметил.

Только на утратах белый свет
Не сошелся клином, слава Богу.
Бывший житель, генерал, поэт
Возрождает землю понемногу.

Возглавлял колхоз его отец,
Знают все в округе Петухова:
Был для всех и пахарь он и жнец,
Разгибал легко проблем подковы.

А теперь сюда вернулся сын,
День и ночь в заботах повседневных:
Меж берез, сосенок и осин
Он поставил памятник деревне.

Хлеборобов здешних имена...
И сквозь заколоченную раму
Видится, как вечная весна,
Как спасенье, мощь святого храма!

КОМЕНДАНТ

Николаю Тельпухову

На краю села, на вольном краешке,
Где берез и сосен вечный шум,
Со своей супругою-хозяйшкой
Не спеша, ладком живет мой кум.

Никогда на жизнь свою не сетовал,
Отдает родной земле талант.
Он от предков избу унаследовал
И еще прозвание — комендант.

Чуть забрезжит свет, — пестря рубахою,
За конем шагает бороздой.
Сколько им землицы перепахано
И травы накошено густой!

Хоть кругом давно дома разрушены,
Воют волки ночью в холода,
Эта пядь земли — его отдушина
И судьба надолго, навсегда.

СЕНОКОСНАЯ СТРАНА

Косарю роса подмога,
Если буйная она.
Разметнулась от порога
Сенокосная страна.

Птиц приветы, воздух чистый,
Одуванчики легки,

И летит трава со свистом
В кудреватые валки.

На равнину глянешь гордо
Второпах из-за плеча,
И река, как шнур бикфордов
Разгорается в лучах.

Сенокоса дух целебный
Мир заполнил избяной,
И квасок приятен хлебный
С черной корочкой ржаной!

ЗРЕЛОЕ ЛЕТО

Зрелое лето. Кипрей да цикорий,
Да в клеверах заблудившийся шмель,
Да на отцовом поникшем заборе,
Неистребимый во времени хмель.

Да берега, опаленные зноем,
Луг, порыжевший и крики гусей.
Дышит багряным могучим покоем
День, угасающий в дреме полей.

И висит в хлебах коростелей,
Ставший родным, дребезжащий мотив.
В диких садах, где дома опустели,
Падают яблоки в горечь крапив.

Падают яблоки, падают гулко,
Месяц в ветвях непролазных увяз.
И незаметно идет переулком
Сочным наливом сияющий Спас.

РОДНИКОВЫЕ МЕСТА

Из холодных глубин сквозь крутые века
Под ольхой горьковатой, заречной,
Пробивается вверх голосок родника,
Неустанный, как жизнь, бесконечный.

Наполняю ведро до самых краев,
И душа наполняется светом
От студеной воды, широты, соловьев,
Что за листьями прячутся где-то.

Поднимусь на пригорок и гляну кругом,
И вздохну беспечно и вольно.
Близко-близко река и приветливый дом,
Окруженный весной белоствольной.

Всё тут рядом...
В ведрке вода голуба,
Дремлет ветер на ветках ольховых,
Видно, мне уготовила счастье судьба:
Жить в полесских местах родниковых!

ДИНАМИК

Шестидесятые года в моей судьбе
Остались яркой жизненной отметиной:
Среди села динамик на столбе
Звал перекрыть заданья пятилетия.

Он с высоты крестьян объединял,
Горланя в зной, в пургу и в слякоть рьяно.
И каждый с гимном поздно засыпал
И просыпался с гимном очень рано.

Хотелось, чтоб настала тишина,
Чтобы услышать соловья вживую,
Но только связь была подключена
К Москве и к деревеньке напрямую.

И пахарям, вернувшись домой,
Сквозь темень успокаивали нервы
Дрожащий голос Зыкиной самой
И Шуберта, и Моцарта шедевры.

ЗВЕЗДНАЯ ГОРКА

Пропахла ромашкой, полынью прогоркла,
Исхлестана ливнем не раз,

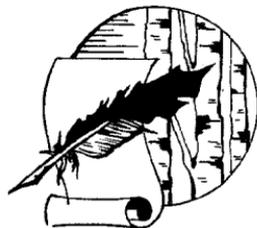
Ничем не приметная дальняя горка,
Но ставшая чудом для нас.

В стихающем августе, вечером поздним
В селениях гаснут огни.
И мы любовались сиянием звездным,
Оставшись на горке одни.

Не только на горке —
Тогда нам казалось:
Мы в целой Вселенной вдвоем.
И близкие звезды желаний срывались,
Своим обжигая огнем.

Желанья...
Как только в вечернем наряде
Засветится синь высоты,
Я вижу ту горку, где было всё рядом:
И звезды, и счастье, и ты!

с. Зерново Брянской обл.

Виктор КАРПУШИН

НАСТАЛО ВРЕМЯ ХОЛОДОВ

* * *

Сырых садов озноб и морок,
Подгнило чёрное крыльцо.
Лесной туман от дыма горек,
Печально августа лицо.

И мёд горчит, и жизнь — не сахар,
Нам на Руси не привыкать,
Когда любовь сильнее страха.
И не обидно умирать.

* * *

От осени нас отделяет лето —
Пора наивных утренних дождей.
Никто не знает, что в конце сюжета,
Ну а пока — сирень у гаражей.

Ну а пока — в лесу белеет ландыш
И подорожник — неприметный друг,
И ясный месяц — в книге судеб вкладыш,
А всхлип болота — сладостный испуг.

Здесь на пеньке сидит угрюмый леший,
Он сторожит поганые грибы.
И в зарослях причудливых орешин
Никак не обойтись без ворожбы.

Не обойти невнятную тревогу,
Хотя и лето, пчёлы на цветах.
И вновь поэт выходит на дорогу,
И светлячки, как угольки в кострах.

* * *

Вышел за грибами — старый леший крутит,
Не найти знакомых, стелется трава.
Вот приедет барин — барин нас рассудит:
Линия прямая, а тропа — крива.

Что за невезенье — кочки да ухабы,
На краю болота — одинокий гриб.
Возвернусь в деревню, рассмеются бабы:
Не по Сеньке шапка, не по чину нимб.

И за что такие беды и напасти,
Разрыдаться впору, благо — ни души.
Зашумели сосны, все мы в божьей власти,
Вспоминай молитвы, на смолу дыши.

Позвонить, наверно, с просеки возможно,
Рассказать о бедах, обсудить житьё...
Ах ты, птица-тройка, натянулись вожжи.
Русская дорога. Ветра остриё.

* * *

Осенний день заходит в сенцы,
Печали нынче не новы.
Черны забора заусенцы
В лохмотьях золотой листвы.

Подходят сумрачные сроки,
На огородах жгут ботву.
Озёрных трав застыли соки,
Кувшинку мёртвую сорву.

Дойду до церкви. Свечи. Ладан.
Спокойны лица прихожан.
Святое время листопада,
Чудесен в инее бурьян.

И увядают георгины,
Тревожней карканье ворон.
И комья придорожной глины
Остались с прошлых похорон.

* * *

Неясные болота всхлипы,
Тревожно в сумрачном лесу,
Скрипят разошедшие липы,
Застыло эхо навесу.

И жизнь как будто невесома,
И смерти не слышны шаги...
Как в детстве, шепчется солома,
Как в старости, молчат враги.

* * *

В ведре игольчатые льдинки,
Настало время холодов.
Смирены осени поминки,
Неделя как пришёл Покров.

Открытая ветрам округа,
Недолговечность тишины.
Случайная улыбка друга,
Грусть — на четыре стороны.

Печалью сладко отравиться,
Испить поблекших трав настой...
Подмёрзшей лужи роговица
Слегка надтреснута звездой.

г. Балашиха Московской обл.

Николай БУЛГАКОВ,
протоиерей

КАК ПРАВОСЛАВНЫМ ОТНОСИТЬСЯ К СТАЛИНУ?

I

Удивительно, кажется, но те православные люди, которые горячо осуждают Сталина, в первую очередь, за репрессии против духовенства (хотя его прямая вина в этих репрессиях — вопрос исторически не доказанный, хотя бы потому, что основная часть архивов того времени до сих пор засекречена), следуют прежде всего критическому отношению к Сталину самых яростных гонителей веры и Церкви Христовой в нашей истории XX века — Троцкого и Хрущёва.

Действительно, интересно: тот из советских руководителей, кто больше всего сделал для Церкви, считается главным ее гонителем, к нему у немалой части православных — ненависть. А главные гонители Церкви, которые ставили своей целью полное ее уничтожение, до «последнего попа», — как правило, даже не упоминаются.

Для Хрущёва понятия «партийный человек», «ленинец», «старый большевик», «подпольщик», «из рабочих», «честнейшие и вернейшие члены нашей ленинской партии» — это понятия качественные. Но ныне мы уже совсем иначе смотрим на эти понятия, тем

УРОКИ ИСТОРИИ

более люди православные. А между тем концепция истории России сталинского периода и отношение к Сталину, к репрессиям 30-х годов даже и у части православных остались в сердцевине своей теми же. Шкала ценностей осталась коммунистической. То есть история страны — не научная, а идеологическая, вырванная из контекста всей русской истории, русской исторической традиции.

Уже забыто, что одним из «преступлений» Сталина, которые ставил ему в вину «разоблачитель» Хрущёв, было «заигрывание с Церковью». Но если смотреть непредвзято, то придется разделить: одно дело — задача полного уничтожения духовенства и Церкви, расстрелы священников (как это делали Ленин и Троцкий с 1917 года), закрытие и уничтожение храмов, монастырей (как это делал Хрущёв в 50—60-е годы), а другое — решение об избрании патриарха, открытие храмов, семинарий и монастырей, как это сделал Сталин тогда, когда у него появилась для этого возможность.

Вот что значит исторический образ! Создали «разоблачители» в свое время образ жестокого всевластного тирана-властолюбца, который «всё знал, за всё отвечал, от него всё исходило», — и всё тут. Значит, все расстрелы, в том числе духовенства, — на его совести.

Его мать, Екатерина Георгиевна, глубоко верующий человек, хотевшая, чтобы ее сын стал священником, из всех людей на планете, наверно, больше всех переживала об этом. Но она спросила его самого, напрямую: «Сынок, на твоих руках нет царской крови?» Он перекрестился и сказал: «Нет, мама». А нам заранее всё ясно, мы ни о чем не спрашиваем...

Казалось бы, каждого православного человека должно радовать каждое такое свидетельство о вере Сталина, которая пробилась сквозь толщу самой безбожной в истории России идеологической системы в первом лице этого государства! Вот ведь радость для каждого верующего человека: все эти факты — с самых разных сторон, и нет никаких оснований считать их за ничто. И тот пропагандистский образ «тирана» и «душегуба» к реальному Сталину, каким он был в жизни, не имеет отношения.

Надо нам искать правду не в заведомо ложных коммунистических «закрытых докладах», не в заведомо тенденциозных пропагандистских книгах (знаменитый когда-то «Большой террор» Р.Конквеста был написан, как считает американский ученый, профессор Г.Ферр, по заданию английской разведки), а в объективных исследованиях, достоверных свидетельствах.

Так на чьи же оценки нам, православным, опираться, если мы хотим видеть объективную историческую картину — большевиков-безбожников или святителя Луки (Войно-Ясенец-

кого), блаженной Матроны Московской, патриархов Сергия, Алексия I, митрополита Николая (Ярушевича), протоиерея Димитрия Дудко, маршалов Советского Союза Жукова, Рокоссовского, Голованова?..

Так, к одному коммунистическому антисталинскому штампу православная сталинофобия присоединила второй коммунистический пропагандистский штамп, и получился некий удивительный идеологический гибрид. К теории Троцкого—Хрущёва добавили еще идею внутреннего идейного и исторического единства Ленина и Сталина — из официальной коммунистической идеологии сталинских времен, хотя некоторым кажется, что эта точка зрения — самая православная.

Да, действительно, «хитрому византийцу», как назвал Сталина однажды Черчилль, из тактических соображений приходилось именоваться «верным учеником Ленина» и включать им написанное в свой сборник «Вопросы ленинизма» — хотя ответы на эти «вопросы» у Сталина были свои. Таким же образом он называл и другие свои работы: «Марксизм и национальный вопрос», «Марксизм и вопросы языкознания», в которых, однако, не повторял точку зрения Маркса, но даже возражал ему и говорил свое.

Но, спрашивается, если Ленин и Сталин — это, по сути, одно и то же, то почему тогда останков Сталина уже больше полувека нет в мавзолее, а мумия Ленина благополучно пребывает там до сего дня? Почему в нашей стране нет ни одного памятника Сталину (кроме как на его могиле), ни одной улицы его имени (даже в Батуми последнюю, пережившую советское время, переименовали), а ленинские проспекты, площади, улицы, станции метро, памятники стоят от Балтики до Берингова пролива?

Постановление о выносе саркофага с телом Сталина было принято в 1961 году, на XXII съезде КПСС. В то время три главные хрущёвские политические кампании: «развернутого строительства коммунизма», «разоблачения культа личности Сталина» и гонений на Православную Церковь — достигли своего апогея. Если коротко сформулировать их суть, получится: «К коммунизму без Бога и Сталина!» Тогда же не только славное имя Сталинграда, но и все остальные названия городов, поселков, улиц, площадей, заводов, колхозов с именем Сталина были переименованы, бюсты и памятники разрушены. Даже Сталинские премии, учрежденные в 1939 году, стали «задним числом» называться Государственными, хотя в то время таковых не существовало.

А теперь и имена сталинских соратников с большим знанием истории удалены из московского метро: не только «Сталинская», но и «Кировская», «Калининская», «Ждановская»,

«Щербаковская» переименованы. А вот «Ленинский проспект», «Библиотека имени Ленина» (хотя сама библиотека давно именуется Российской), «Площадь Ильича», «Марксистская», «Войковская», «Бауманская», «Площадь революции» (настоящее название этой площади — Воскресенская) переименовать нет никакой возможности.

Прошло больше полувека с того времени, когда по плану Хрущёва и тех, кто за ним стоял, имя Сталина должно было быть забыто на всей территории СССР. Сегодня вполне можно сделать вывод, что этот план провалился. Нет человека, о котором бы в России сегодня думали, говорили, писали больше, чем о нем, желая знать только правду.

Нам нужно быть внимательными с терминами. Размышляя о сути сталинского времени, нужно иметь в виду, что шла яростная битва с беспощадным, жестоким и коварным врагом, поставившим своей целью полное уничтожение исторической России, Православной Церкви, русского православного духа, полное покорение русского народа. Они придумали себе название «революционеров», «большевиков», «борцов за народное дело». И благодаря этим словам, этим названиям, им удалось обмануть немалую часть доверчивого русского народа. Сталину, который понимал, с кем имеет дело, в этой смертельной схватке приходилось всё это учитывать. Как хорошему воину, ему пришлось ради решения стоящих перед ним задач использовать те же средства борьбы и тактические возможности, что и у его противников, в том числе и маскировку, и дезинформацию. Классический император искусно маскировался под революционера, если ему это помогало в борьбе за независимую сильную державу.

Когда шла схватка 1937 года, то троцкистов, «пламенных революционеров» обвиняли в «контрреволюции», хотя на самом деле они продолжали оставаться именно революционерами, а сражавшиеся с ними большевики-сталинцы были, по сути, именно контрреволюционерами, как об этом справедливо писал Троцкий в книге «Преданная революция» в 1936-м году. Он обвинял Сталина в отходе от целей революции и возвращении на традиционный исторический русский путь — прежде всего в вопросах отношения к религии и семье.

Наш народ доверчив, но и сметлив. Он учуял, что Сталин — за него, а не за революцию. Потому и шел в бой со словами «За Родину, за Сталина!»

Фактически личность Сталина воспринималась народом как государствообразующая основа общества, альтернативная власти партии, а упорно сохранявшаяся партийными идеологами «марксистско-ленинская идеология» да и вся

партийная каста ему с его единомышленниками скрытно противостояла. А то и открыто: как, например, на приеме для командиров нашей армии 24 мая 1945 года, когда мнимого «тирана», посмевшего провозгласить тост «за русский народ», при всех поправили: «За советский народ». И хотя он не поправился, но повторил те же слова, в газеты вошло «компромиссное»: «За советский и прежде всего русский народ».

И когда на XXII съезде шло безудержное «разоблачение» Сталина, то дело было не в преодолении «злоупотреблений» и восстановлении чистоты «ленинского учения», «ленинских норм партийной жизни», как это преподносилось. Иначе бы вопрос этот не был самым острым и сегодня. Речь шла о пути России, о ее историческом выборе, ее предназначении. О ее мировоззрении, о главных ценностях, которым она служит. О ее вере, верности себе, обо всем строе ее жизни, о том духе, в котором живет ее народ, о цели его существования.

Хрущёвская «десталинизация» началась в основном в 1956 году — с его так называемого «закрытого» доклада в завершение XX съезда КПСС с «разоблачением» культа личности». Хрущёву нужно было очернить Сталина и обелить себя. Он с пристрастием выискивал компромат на него, некоторые современники отказались оговаривать покойного, и в ход пошла прямая ложь.

Доктор Гровер Ферр в своем исследовании «Антисталинская подлость» (М., «Алгоритм», 2007) показал, что *«из всех утверждений «закрытого доклада», напрямую «разоблачающих» Сталина или Берия, не оказалось ни одного правдивого».*

Мнимое «разоблачение» по своему лукавству, лживости, по тому, что оно способствует живучести главной дьявольской хитрости: якобы ни Бога, ни Промысла Божия, ни его, окаянного, в жизни, в истории вовсе нет, — было явно совершено под прямым руководством «отца лжи». Это было, конечно, его изобретение: всё зло, всю ложь безбожия, все беззакония большевиков, которым их научил лукавый, связать не с сатанинской сутью этого учения, а с «культом личности», с именем Сталина — как раз именно того, кто пошел против антинародной неправды большевизма, против его челоноконенавистничества, русофобии в сторону созидания положительных основ жизни: в области государственной, нравственной, культурной, социальной, духовной.

Понятно, что дьяволу всё это нестерпимо чуждо. Его план состоял в том, чтобы, сделав из Сталина, как и из царя Иоанна Грозного, как можно более «Ужасного» (так на Западе переводят слово «Грозный» на свои языки — их народы даже и не знают, как мы его именуем), потом тем самым очернить

самую идею сильного справедливого государства, православленной державности. Для этого вся вина за кровавые преступления идейных и политических, можно сказать, исторических противников Сталина была возложена на самого Сталина. После этого, как мы хорошо видим, любые самодержавные, традиционные исторические взгляды можно легко отвергать как «сталинизм». Это слово стало означать всякое несправедливое, бездушное, жестокое, лукавое насилие над личностью, над народом, всякую несвободу, всякие кровавые репрессии.

Это лукавое «разоблачение», а на самом деле клевета на Сталина, — было преступлением, сравнимым по степени нанесенного им вреда лишь с гонениями на Церковь Христову, которые совершались в это же время, теми же руками.

Это было оскорбление наших ветеранов, всех сражавшихся, трудившихся в годы Великой Отечественной войны, недавно прогремевшей. Как им теперь можно было торжественно вешать на грудь медаль «За победу над Германией», если на ней — барельеф преступника?

Это было преступление против памяти павших, против всего нашего народа, нашей армии. Получалось, что они выполняли приказы, шли на смерть, верили тирану, властолюбцу, лгуну. Какой подарок всем русофобам, всем ненавистникам России! Невозможно себе представить, чтобы эта «спецоперация» проводилась без участия западных спецслужб, а то и организаций потемнее.

Это было преступление против нашей молодежи, против всех наших поколений, против наших нынешних детей, которым до сих пор т.н. «либералы» и в школах, и по телевидению внушают, что у них нет Великой Победы, что у них нет Великой Родины, нет ее великой истории. Клевета на Верховного Главнокомандующего, которому из людей мы прежде всего должны быть благодарны за Победу, без разума, воли, самопожертвования, молитвы которого этой Великой Победы, может, и не было бы, или она досталась бы куда более дорогой ценой. А неблагодарность — это грех.

Несколько лет назад нам с одним батюшкой довелось побывать под Обнинском в обычной русской избе, у старика, фронтовика — сын хотел, чтобы мы с ним увиделись.

Старик уже не ходил — болели ноги. Он сам заговорил об этом:

— Я был в Москве в музее Вооруженных сил. Там стоит танк Т-34, на котором написано: «За Родину!» Я прошел всю войну — я такого танка не видел ни одного. Но я видел танки, на которых было написано: «За Родину, за Сталина!»

Прошло много лет после *священной войны* — а в народе живет эта боль. Боль несправедливости по отношению к истории, к Победе. К тому человеку, о котором блаженная Матрона Московская сказала: «Он любит Россию. Он всю душу вложил в войну».

О том, что теория «культ личности» изобретена врагом рода человеческого, говорит и тот дух, который она рождает в душах людей, ее принимающих.

Известно, что если поверить клевете на человека, то в душу входит дух ненависти — сатанинский дух, и всё представляется в одном свете, и кажется правдой, и очиститься, освободиться, отмолиться от этого духа, выйти из этого плена бывает непросто...

От этой ненависти любые доводы, любые исторические свидетельства отскакивают, как горох от стенки. Правда ненависти, как известно, не нужна. Апостол говорит: «Гнев мужа правды Божия не соделовает» (Иак. 1: 20). В таком состоянии правды не ищут и не находят. Ведь не мысль, не факты истории, а именно чувство стало у многих людей связываться с именем Сталина. И чувство это — ненависть. А источник ненависти — диавол. Хорошо видно: о каком угодно другом историческом деятеле, даже самом жестоком и кровавом, люди могут говорить спокойно. Но тут — спокойствию конец.

Невозможно окинуть взором те бесчисленные нравственные потери, которые понесло наше общество в результате распространения в нем духа исторического и нравственного нигилизма, которым неизбежно сопровождалась вся эта лживая кампания. Хорошо помнится, как революционный яд ненависти к Сталину влился в наши юные души. Мы поверили Хрущёву! Всё самое отвратительное, коварное, жестокое, бездушное, что может быть в человеке, у нас связалось с одним именем. Этот образ стал для нас символом зла. Иные аргументы, факты, доводы не принимались — они высмеивались нами как заблуждения наивных обманутых людей и тут же отвергались.

Мои родители чистосердечно приняли «разоблачения». Папа был рад, что «открылась правда» — то, о чем раньше «и думать боялись», и что прямо указан главный виновник — конечно же, первый человек в государстве. В отличие от некоторых других родителей моих одноклассников, с которыми я горячо спорил, а они упрямо твердили:

— Сталин войну выиграл.

Но родители мои вскоре могли ощутить и педагогический урон от этих «разоблачений», когда я заявлял о чем-то, что мне не нравилось:

— Ну, это было еще при Сталине!

Это ведь касалось отнюдь не только отношения к одному историческому лицу. Дух XX съезда бросил для нас тень на прошлое страны, на наш народ, на поколения, жившие до нас, лишил их для нас авторитета, вдохнул в нас дух превосходства: вот, мол, кому вы верили, кого почитали! Как же мы будем вас уважать, верить вам после этого?

Это касалось отнюдь не только политики — это касалось нравственности. «Почему нельзя? А мы хотим, мы свободные люди. Это при Сталине всё было нельзя! На Западе, вон, люди живут нормально...»

И этот дух соблазна, этот яд, поистине сатанинский, проповедующий свободу не по Евангелию как свободу от греха, как познание истины, а как «свободу» для страстей, как своеволие, отравлял воздух все эти с лишним полвека. Эти семена нигилизма дали свои страшные всходы, они-то и разрушили нашу страну, некогда единую и могучую, они-то и поставили наш народ на грань вымирания.

Нам стало казаться, и до сих пор некоторым кажется, что в том времени, в той истории всё было ужасно, кроваво, преступно, лживо... Что оно было построено исключительно на пропаганде, красивой снаружи и целиком лживой внутри, что таким «пирогом» с гнилой начинкой невозможно питаться. Что нечему учиться чему-то по-настоящему хорошему у наших отцов и дедов, нет смысла с них брать пример, нечего тут защищать — только отвергнуть и повернуться лицом к «цивилизованным странам». А то и уехать отсюда навсегда...

Если посмотреть непредвзято, то мы увидим, что к Сталину у «свободомыслящей интеллигенции» ненависти больше, чем к самому дьяволу (вот это ему и нужно). Лютая ненависть к Сталину, каким его нарисовала хрущёвская пропаганда — это некая религия «шестидесятников» и их единомышленников до сих пор. Они не просто поверили в эту легенду безоговорочно, она стала основой их мировоззрения, чуть ли не главной точкой отсчета в понятии о добре и зле.

Нет, вовсе не о том речь, чтобы принимать заблуждения советского, коммунистического времени — Истина всегда только у Бога, от Него всё отсчитывается всегда. Божия заповедь: «Чти отца твоего и мать твою» не призывает нас, почитая их, принимать их заблуждения, тем паче отступление от Бога. Эта заповедь ставит нас на надлежащее место, напоминает: «Блюдайте, како опасно ходите» (Еф. 5: 15). Смотрите за собой, не превозносите, бойтесь: как бы вам не повторять их ошибок, как бы вам не стать хуже их. У грешного человека всегда есть такая опасность...

В любое время в каждом человеке идет борьба добра и зла. И думать, что в нас больше добра, меньше зла, чем в тех, кто жил до нас, — опасное заблуждение и уже зло, опасное прежде всего потому, что мы не видим его в себе.

Хитер дьявол, а всё же, как Господь сказал, «несть тайно, еже не явится» (Мр. 4: 22). Как это было и с историческим образом Царя-мученика Николая — якобы «кровавого», «безвольного», как нас учили тогда же в школе, а на самом деле кроткого и глубоко любящего Россию, свой народ, до смерти своей и своей Семьи, в чем проявил несокрушимую волю.

У всех нас перед глазами этот недавний поучительный пример того, как всё может оказаться в жизни «с точностью до наоборот».

Ненависть дьявола по отношению к Сталину объясняется и тем, что антирусские, антиправославные силы весь XIX век, и даже раньше, проводили свою «адову работу» по разложению православно-монархического строя, сознания русского человека и уклада русской жизни, и им удалось сделать разрушительные революции в начале XX века, и они, захватив наконец власть, принялись за уничтожение исторической России и ее народа — и вдруг началась национально-освободительная борьба русского народа, и ее, с совершенно неожиданной стороны, возглавил первый большевик в стране со своими единомышленниками, и им удалось затормозить, в чем-то остановить процесс разрушения русской государственности, русского духа и даже укрепить и поднять все основы русского народа: государственность, армию, науку, культуру, образование, семью, наконец Православную Церковь — самое страшное для дьявола, для наших врагов. И даже — о ужас! — расправиться с карателями народа, «красными террористами».

Как же не быть ненависти? Сталин для них — и символ их поражения, и символ возмездия, и символ крепости подлинно русского государства — не по названию, а по духу. Так что все силы брошены на «десталинизацию» мировоззрения русского народа, как они были брошены на это же самое дело в 1917 году.

«Шестидесятники»-демократы-либералы продолжают историческую линию, обозначенную в свое время трилогией театра «Современник», рожденного хрущёвской «оттепелью»: «Декабристы-народовольцы-большевики».

Это именно продолжение линии большевиков-троцкистов-ленинцев — разрушителей Российской Империи, а не строителей ее. Хотя им могли и претить многие коммунистические идеи, но даже и это тут второстепенное, а суть, сердцевина — эта самая.

Поэтому они на дух не переносили и не переносят Сталина. Не потому, что он был такой ужасный. Он, разумеется, был не ужаснее многих и многих «разрушителей» — деятелей названной исторической линии. Но он стоял на совершенно другой исторической линии. На линии русских князей и царей, полководцев и воинов, монархистов, святителей и преподобных, хозяйственников, строителей Государства Российского. На линии Иоанна Грозного, Петра I, Николая I и святого Николая II. На линии Шишкова, Уварова и Победоносцева. На линии Пушкина, Гоголя и Достоевского (в отличие от линии Белинского, Герцена и Чернышевского).

Не в Сталине дело, не в личности его. А дело в этом духе, в этом мировоззрении, в этой исторической линии строителей и защитников Государства Российского — Православия, Самодержавия и Народности.

Ну а все-таки: ведь были же именно во время Сталина репрессии, беззаконие, были казни, была коллективизация, всевозможные «чистки», был ГУЛАГ... Был 1937 год. Год этот после так называемого «разоблачения культа личности» стал одиозным. Цифра эта многими воспринимается как зловещая. Чуть ли не самая черная дата в нашей истории. Чуть ли не чернее 1917-го...

В разгар хрущёвской кампании по «десталинизации» ее певец поэт Е.А. Евтушенко так и писал о нашей жизни: «В ней бессмертен будет памятный семнадцатый, в ней не будет никогда тридцать седьмого». Да, такова именно была тогдашняя историческая легенда, которая оказалась очень живучей (и не без причины, конечно).

Согласно этой легенде, имя Сталина накрепко связано с репрессиями, названными «сталинскими», да еще лукаво объявленными якобы самыми «необоснованными», несправедливыми за всю советскую историю. Пресловутый 1937 год!

Сейчас уже мало кто помнит о том, что о необоснованно расстрелянных в 1937 году архиереях, священниках, простых рабочих и крестьянах после XXII съезда говорить вовсе не разрешалось. Речь тогда шла только о «необоснованных» репрессиях против «честных коммунистов». Причем очень выборочно: называли Тухачевского, Блюхера, Якира, Постышева, Косырева... Но Бухарина, Каменева, Зиновьева, Рыкова, тем более Троцкого не включали в этот список. В общем, было нечто странное — до сих пор далеко не ясная «выборочная» реабилитация.

Понятно, почему хрущёвская реабилитация шла столь осторожно и непоследовательно: один Сталин, мол, плохой был, но не партия, не многие ее деятели, почему-то обманутые-за-

пуганные одним человеком (они не замечали, как тем самым обвиняют всю партию в трусости и глупости). И уж, конечно, не коммунизм-большевизм как таковой, не его суть, Таких выводов ни в коем случае не должно было появляться ни в одной голове. Наоборот, Сталин искажил хорошее дело Ленина, Свердлова, Кирова, Калинина... И опять была непоследовательность, мешанина (ох, и непросто приходилось тогда идеологам ЦК КПСС!) — короче, ложь. Одни соратники Сталина оставались «хорошими» (Киров, Калинин, Жданов), а другие, прежде всего попавшие в опалу при Хрущёве, из истории все-таки вычеркивались: Молотов, Маленков, Каганович... Большинство имен-то просто не называлось, объективной оценки их нет до сих пор, а у коммунистов ее и быть не может, потому что сами коммунисты были очень разными и остаются разными — с разными идеями, принципами, конечными целями. Кто они? Марксисты-русофобы? Ленинцы? Троцкисты? Последователи Энгельса, Хрущёва или Сталина? Разница, однако, между ними такая, что тех, других и третьих определить одним словом решительно не получается.

Потом однако и сам Хрущёв попал в опалу, и его имя, как имя Сталина, не упоминалось вовсе. До времени «гласности». И вся эта мешанина, весь этот «вихрь недоразумений», подтасовок, передержек, умолчаний продолжается до сих пор. И даже усиливается новыми легендами, например, о генерале А.А. Власове как борце с большевизмом за «свободную Россию».

В результате этой изначально ложной, искусственной связи имени Сталина с репрессиями, которые якобы были вызваны его властолюбием, вопрос об отношении к нему стал подразумевать отношение к репрессиям, прежде всего 1937 года. «Ты что-то хорошее говоришь о Сталине? Значит, ты оправдываешь репрессии».

Но ведь при этом получается попытка оправдать целый легион карателей нашего народа, проливших «реки крови русской» с 1917 года, совершавших свои преступления не по указанию Сталина, не из страха перед ним, а совершенно сознательно и жестоко.

Собственно, такую цель и ставил Хрущёв, сваливая всю вину на Сталина, чтобы выйти сухим из воды, а заодно и всему легиону.

С тех пор в нашу историю вошло странное понятие: «сталинские репрессии», означающее якобы самое кровавое и массовое беззаконие, которое совершилось у нас в стране в XX веке по вине прежде всего одного человека. Так называемый «большой террор».

В действительности в 1937—1938 годах были совершенно разные репрессии, по инициативе разных людей, против разных социальных групп народа, были раскрытые антиправительственные заговоры, была государственная измена. И одному человеку столь разные общественные силы, как, например верхушка НКВД, в том числе ГУЛАГа, с одной стороны, и архиереи и священники, простые православные миряне, с другой стороны, не могли мешать. Скорее, вторые были его союзниками.

Самым большим террор того времени был только по отношению к большевикам, которые проводили куда более жестокий и массовый «красный террор» в 1918—1922 годах против всего народа.

Убиение Царской Семьи, репрессии против целых сословий русского общества: дворянства, офицерства, духовенства, интеллигенции, купечества, рабочих и крестьян — всё это не входило в понятие «сталинских репрессий», а потому и не считалось чем-то несправедливым. Согласно теории «культы личности», это была «классовая борьба» с «контрреволюцией» и прочими «врагами советской власти», которые сами были виноваты в том, что не вписались в «новую жизнь».

Православные критики Сталина утверждают, что невозможно одновременно почитать Сталина и новомучеников и исповедников российских, ибо невозможно одновременно почитать палача и его жертвы. Любая положительная оценка деятельности Сталина, считают они, — это кощунство по отношению к новомученикам.

Конечно же, и речи быть не может об оправдании репрессий против ни в чем не повинных людей. Но кто же был палачами и кто жертвами в то время? Теория «культы личности» постаралась здесь всё так смешать и запутать, а то и прямо поставить с ног на голову, что распутать этот клубок не так-то просто.

Одним из наших мыслителей, которым удавалось его успешно распутывать, был известный литературовед и историк Вадим Валерианович Кожинов (1903—2001). В своей обстоятельной книге «Правда сталинских репрессий» он писал: «Объяснение террора 1937 года индивидуальной сталинской психикой — это крайне примитивное занятие, не поднимающееся над уровнем предназначенных для детей младшего возраста книжек, объясняющих всякого рода бедствия кознями какого-либо лубочного злодея».

В живой жизни всё было иначе. Не «плохой Сталин» был против всего остального народа, а шла лютая внутренняя борьба. И в этой борьбе И.Э. Якир, например, был за рас-

стрел Н.И. Бухарина, а В.Э. Мейерхольд выступал в печати за то, чтобы М.А. Булгаков как драматург «ни в какой мере не был допущен на театральную сцену». Михаил Афанасьевич, который считал себя учеником Н.В. Гоголя, написавшего однажды: «Спасен я был Государем», — не преминул и тут провести параллель в их судьбах, сказав: «Спасен я был генеральным секретарем».

Можно составить целый список известных людей, которых спас Сталин от «сталинских репрессий». В этом списке будут святитель Антоний, схиархиепископ Таврический (в миру князь Давид Ильич Абашидзе, бывший инспектором Тифлисской семинарии тогда, когда в ней учился Иосиф Джугашвили), генерал А.Е. Снесарев (вместе с которым Сталин воевал в Царицыне), маршалы Б.М. Шапошников, Г.К. Жуков, К.К. Рокоссовский, писатель М.А. Шолохов...

То есть, факты истории говорят о том, что репрессии, которые проводились в нашей стране с 1917 по 1953 год, и даже репрессии 1937—1938 годов, отнюдь не всегда проводились по инициативе Сталина, а то и вопреки ему.

В.В. Кожинов писал, что *«жертвы «контрреволюции» 1930-х годов не сопоставимы... с результатами революции... В 1934—1938 годах погибло примерно в 30 раз (!) меньше людей, чем в 1918—1922 годах...»*; *«Именно те люди, против которых были прежде всего и главным образом направлены репрессии 1937-го, создали в стране сам «политический климат», закономерно — и даже неизбежно — порождавший беспощадный террор. Более того, именно этого типа люди всячески раздували пламя террора непосредственно в 1937 году!..»*

Главный карательный орган большевиков — Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем, ВЧК, — была создана 7/20 декабря 1917 года постановлением Совета народных комиссаров РСФСР, который возглавлял В.И. Ленин. Вместе с ним страной тогда управляли Л.Д. Троцкий (в народе тогда так и говорили: «Ленин-Троцкий») и Я.М. Свердлов. Во главе ВЧК был поставлен Ф.Э. Дзержинский, который занимал этот пост все первые годы советской власти, когда «чрезвычайка» «прославилась» неслыханно жестоким террором против народа.

В декабре 1917-го Троцкий, который ввел в жизнь понятие «красный террор», говорил: «Террор примет очень сильные формы по примеру великих французских революционеров. Врагов наших будет ждать гильотина, а не только тюрьма».

М.И. Лацис (1888—1938) был в 1918—1921 годах членом Коллегии ВЧК и возглавлял в ней отдел по борьбе с контрреволюцией. Современники указывали на его большую лич-

ную жестокость. Выступал против изъятия у ЧК права выносить смертные приговоры. В 1919 году принял постановление: «Приговор ВЧК к лицам бывшей императорской своры — утвердить». По этому постановлению в Петрограде были расстреляны Великие Князья Николай Михайлович, Георгий Михайлович, Павел Александрович и Дмитрий Константинович.

В 1918 году в журнале «Красный террор» Лацис писал: «Мы не ведем войны против отдельных лиц. Мы истребляем буржуазию как класс. Не ищите на следствии материалов и доказательств того, что обвиняемый действовал делом или словом против советской власти. Первый вопрос, который мы должны ему предложить, — к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, воспитания, образования или профессии. Эти вопросы и должны определить судьбу обвиняемого. В этом — смысл и сущность красного террора».

Было и такое его высказывание в газете «Красный меч»: «Для нас нет и не может быть старых устоев морали и «гуманности», выдуманных буржуазией для угнетения и эксплуатации «низших классов». Наша мораль новая, наша гуманность абсолютная, ибо она покоится на светлом идеале уничтожения всякого гнета и насилия. Нам всё разрешено, ибо мы первые в мире подняли меч не во имя закрепощения и угнетения кого-либо, а во имя раскрепощения от гнета и рабства всех... Жертвы, которых мы требуем, жертвы спасительные, жертвы, устилающие путь к Светлому Царству Труда, Свободы и Правды. Кровь? Пусть кровь, если только ею можно выкрасить в алый цвет серо-бело-черный штандарт старого разбойничьего мира. Ибо только полная бесповоротная смерть этого мира избавит нас от возрождения старых шакалов, тех шакалов, с которыми мы кончаем, кончаем, миндальничаем, и никак не можем кончить раз и навсегда...»

В 1919—1921 годах этот «идейный» палач был председателем Всеукраинской ЧК, свои «идеи» претворяя в жизнь. По данным деникинской комиссии, с апреля по август 1919 года в Киеве было уничтожено десять тысяч человек.

Лацис писал: «ЧК — это не следственная коллегия и не суд... Это — боевой орган будущего, партии коммунистической. Она уничтожает без суда или изолирует от общества, заключая в концлагерь. Мы всё время были чересчур мягки, великодушны к побежденному врагу и недооценивали его жизнеспособность и подлость...»

Лацис был расстрелян в 1938 году. Реабилитирован в 1956 году как «жертва сталинских репрессий».

Одним из главных инициаторов террора 1937 года был Р.И. Эйхе, другой латыш, первый секретарь Западно-Сибирского крайкома ВКП(б). На Пленуме ЦК в тот год он грозил Сталину:

— Товарищ Сталин, мы поступаем слишком мягко!

В 1937 году «тройкой» под руководством Эйхе были репрессированы 34 872 человека по сфабрикованным делам «Белогвардейско-монархической организации РОВС», «Сибирского филиала Трудовой Крестьянской партии», «Церковно-монархической повстанческой организации» и другим. Расстрелян в 1940 г. Реабилитирован в 1956 году.

Следственное дело Эйхе, как и подавляющее большинство дел высших партийных руководителей, репрессированных в 1937—1938 гг., до сих пор засекречено.

Знал ли Сталин о репрессиях, которые при нем совершались? О каких-то точно знал, обо всех — точно знать не мог. Но даже когда знал, то о чём это говорит? О том, что они все исходили от него, были его целью? Или что он мог их все предотвратить — но не захотел? Нет, не говорит.

Святитель Тихон, Патриарх Московский и всея России, знал, что его отказ ввести в ВЦУ обновленца Красницкого грозит репрессиями архиереям. И все-таки он пошел на это. Его мучительные раздумья облегчил священномученик Кирилл (Смирнов), митрополит Казанский, которого в этот момент Господь послал Святейшему на помощь. Владыка сказал:

— Ваше Святейшество, о нас, архиереях, не думайте. Мы только на тюрьмы и годимся.

Вот так всё непросто бывает в живой жизни, в лютой борьбе, в которой враг рода человеческого так любит идти на шантаж, ставить перед «выбором» из двух вариантов, которые, как говорил Иосиф Виссарионович, «оба хуже». А выбирать нужно... И нужно побеждать.

Легенда «культы личности» построена на сказке о том, что такой был злой и коварный Сталин, так за власть свою держался, что ради этой власти уничтожал миллионы соотечественников. Других мотивов у него якобы не было. Ради этого он и «честных партийцев» так запугал и обманул, что им, бедным, ничего не оставалось, как только залить Россию кровью.

На самом деле Сталин-то как раз к власти не рвался. Она не была его целью, она была для него средством для достижения цели — построения справедливой Империи. Он принял власть как бремя. К власти действительно рвались деятели такого масштаба, как, скажем, «сталинский Сальери» Хрущёв, выдвигенец Кагановича. И потому Хрущёв шел на пре-

ступления, интриги, лишь бы только добиться власти и удержаться на ней, а потом всячески раздувал свой фарсовый «культ», думая возвыситься унижением великого предшественника — да народ только отвечал на это анекдотами и частушками, короче, презрением.

Д.Т. Шепилов (1905—1995), бывший министр иностранных дел СССР, вспоминал: «Без ведома и прямой санкции Хрущёва не решались никакие персональные вопросы опустошительных чисток 1937—1938 и последующих лет по Москве и Украине. Таким путем тысячи и тысячи ни в чем не повинных людей были ввергнуты в пучину невероятных страданий, нашли свою мученическую смерть с клеветническим клеймом «врага народа». И, может быть, самое примечательное и отталкивающее в этой стороне деятельности Хрущёва состояло в том, что многих из отправленных им на эшафот он затем с непревзойденным лицемерием оплакивал с высоких партийных и правительственных трибун. Причем в этих стенограммах виновниками гибели прославленных коммунистов выставлялся, конечно, прежде всего Сталин и другие его соратники, но не он, Хрущёв».

Но даже и Хрущёв в своих воспоминаниях, наговоренных им на пенсии, иногда проговаривается (а может, совесть заговорила?) и свидетельствует не против, а за Сталина, даже в главном, в вопросе о репрессиях 1937 года — о том, что Сталин их не возглавлял, а сдерживал.

По слову же главного маршала авиации А.Е. Голованова (1904—1975), Сталин эти репрессии остановил.

Почему у наших новомучеников в основном две даты кончины: 1918 и 1937 годы? Почему безбожники не расстреляли наших архиереев, священников до 1937 года? Борьба с религией бывала очень острой и между этими датами, в конце 20-х — начале 30-х годов, например. А что произошло в стране в 1937 году? Почему через двадцать лет советской власти опять начался террор? Почему одновременно с духовенством в этот раз расстреливали и большевиков, чекистов?

Согласно сталинской конституции 1936 года, всему нашему народу, в том числе духовенству, бывшим «лишенцам» (лишенным избирательных и иных прав согласно «диктатуре пролетариата»), давались общие, равные избирательные права, в том числе право выдвигаться в кандидаты любого уровня. Выборы предполагались альтернативными — в бюллетени вносилось не менее двух кандидатов. А это значило, что партийную верхушку народ свободно мог и не выбрать, и она бы мирно лишилась власти. И она опасалась того, что «в Верховном Совете будут одни попы». Но свою власть она от-

давать не собиралась. Прекрасно распознав угрозу своей власти, исходившую от выборов по плану Сталина, партийная и силовая верхушка встала на дыбы — и Сталину пришлось отступить. Начался террор — прежде всего против народа и тех, кого народ мог выбрать. Промыслом Божиим этот террор повернулся однако против самих карателей.

Историки полагают, что если бы Сталин тогда настоял на своем, то он был бы расстрелян заговорщиками во главе с Ежовым, Бухариным, Тухачевским и, возможно, Хрущёвым. И стал бы одной из жертв «сталинских репрессий» (интересно, как бы они тогда назывались?) Думается, что Хрущёв по плану троцкистов должен был занять место Сталина еще в 1937 году, но это удалось сделать только в 1953-м, когда Сталин, а потом и Л.П. Берия были убиты.

Говорят: Сталин тоже был большевиком, тоже участвовал в революции и он тоже отвечает за их злодеяния. Да, но если бы он в революции не был, не вошел в советское правительство, то он бы потом и не победил революционеров, не повернул их карательную машину против них самих. Один православный богослов не так давно назвал его «гением терпения». И еще — «ловцом». Ловец долго сидит в засаде, высматривает свою дичь, ждет удобного момента, а потом мгновенно бросается — и уничтожает.

Для нас, православных, есть прежде всего Промысл Божий, который никакой человек не может отменить. Он действовал и в 1937 году.

Однажды к московскому старцу святому праведному Алексию Мечёву (+22.06.1923 г.), незадолго до его кончины, пришел некий человек, и батюшка неожиданно сказал ему: «Вы не воображайте, что ваше дело спасти Россию, это совсем не ваше дело. Когда придет время, то Бог пошлет нужных людей, которые это дело сделают и уничтожат большевиков так, как буря ломает мачтовый лес».

В качестве доказательств вины Сталина в репрессиях против духовенства указывают на документы, подписанные Сталиным. Прежде всего, нужна, конечно, уверенность в их подлинности. Мы хорошо знаем, как с самого начала тенденциозно составлялась, притягивалась за уши, подгонялась под ответ антисталинская легенда, как много документов за шестьдесят лет уже уничтожено или подделано и как много архивов, относящихся к этим событиям, до сих пор закрыто. Но если подписи Сталина на этих документах подлинные, то объективной исторической науке предстоит определить, каковы были обстоятельства, в которых принимались столь драматические решения, каковы были их причины.

Есть документы, есть и историческая логика событий. Если главной целью Сталина была сильная страна, империя, то зачем ему нужен был геноцид народа, репрессии против него, тем более против лучших его представителей? Наоборот, нужен был его прирост. Он говорил уже в 1934 году о том, что нужно вплотную готовиться к будущей войне. В частности, строить школы, которые в случае войны использовать как госпитали. В 1936 году у нас были запрещены аборты. В стране набирал силу патриотизм. Был объявлен конкурс на новый, более объективный учебник истории СССР.

Логика истории говорит о том, что репрессии 1937 года против духовенства были нужны не Сталину, но только его политическим противникам. То, что такие коммунисты-троцкисты, как Хрущёв, могли посылать на расстрел священников и посылали, — в этом нет сомнения. Хрущёв в 1937 году относился к «попам» не лучше, чем во время гонений на Церковь после смерти Сталина. Но у Сталина с самого начала было другое мировоззрение. Факты говорят о том, что в руководстве страны в то время он лучше всех относился к Церкви и духовенству, но, как известно, был в меньшинстве.

«Первоначально тотальные аресты духовенства не планировались... — пишет Л. Наумов в книге «Сталин и НКВД» (М., 2007, с. 223). — Получается, аресты духовенства начались не как приказ Центра, а как инициатива местных органов НКВД. Это подтверждается и докладной запиской наркома НКВД Ежова... 8 сентября 1937 г. нарком Ежов направил И. В. Сталину спецсообщение №59750 «О первых итогах операции по репрессированию антисоветских элементов»... Ежов прямо пишет о новом направлении оперативного поиска: «Заслуживает серьезного внимания наличие выявляемого сейчас широкого церковно-сектантского повстанческого подполья».

Но кто и где начал аресты церковников? — задается вопросом автор книги. Спецсообщение Ежова дает ответ на этот вопрос: «Большое количество церковно-сектантских формирований вскрывается в Западной, Горьковской, Московской, Свердловской и других областях». То есть началось всё в нескольких областях под руководством Реденса, Каруцко-го, Лаврушина и Дмитриева».

Один из вариантов ответа на вопрос о списках, если будет доказана подлинность стоящей на них подписи Сталина: шла скрытая гражданская война. А на войне люди гибнут с обеих сторон. Без потерь войн не бывает. Когда командир посылает в бой воинов, он знает, что живыми вернуться не все. Но он идет на это, потому что нужна победа.

Мы знаем, что в результате репрессий 1937 года пострадало не только духовенство, но и была ослаблена репрессивная машина «диктатуры пролетариата», обезврежена «пятая колонна», предотвращен антиправительственный заговор. Вероятно, Сталин как опытный стратег вынужден был в чем-то отступить, пойти и на потери со стороны невиновных ради главной победы. Иначе бы страна не выжила, не победила в 1945 году.

Сталин никогда не был всевластным тираном. Но даже если бы ему действительно принадлежала неограниченная власть в стране, ему бы всё равно не могло быть подвластно всё, что в ней происходило.

Ни один командир, полководец не делает всегда то, чего бы ему хотелось, ему всегда мешает противник. Сталину, понятно, приходилось и отступать, и идти на вынужденные компромиссы. Всё дело в том, какова главная цель.

На войне как на войне. И Кутузову приходилось отступать, он вынужден был даже оставить Москву (которую Сталин не оставил в 1941-м). Не жалко ли было Михаилу Илларионовичу Москву сдавать? Жалко до слез. Но пришлось сделать это ради того, чтобы сохранить армию, а значит Россию.

«Запомни: Россией управляет Мать Божия Державная!» — говорил старец протоиерей Тихон Пелих (+17.07.1983 г.) одному из своих духовных чад. Это относится к такому великому духовному событию, как явление Державной иконы Божией Матери. Небесная Царица тогда вмешалась в течение русской истории. Она Сама объявила об этом явлении Своей Державной иконы — как объявила афонским монахам явлением Иверской иконы (обретенной преподобным Гавриилом, родом из Грузии), что Она желает быть их Игуменьей, Вратарницей и хранить их обитель до последнего дня.

Русская история пошла после этого уже иначе. После 1917 года события в России, покоренной властью, назвавшей себя «большевистской», «советской», всё более уходили в сторону от того пути, который ей уготовывали новые властители страны, а с середины 30-х годов пошли в чем-то прямо вспять.

Так неисповедимы пути Промысла Божия, так сильна оказалась православная самодержавная русская традиция, которой дала новую силу Державная Владычица, что проявилась эта традиция в нашей жизни и в это время, и так, как этого вовсе не ждали.

Пресвятая Богородица после явления Державной Своей иконы открыла нам, что она не может совсем избавить от тех бед, которые попущены Богом в это время лихолетья. Но те,

кто будут обращаться к Ней за помощью в это время, будут спасаемы. Всё это — тайна Промысла Божия. И видеть во всем лишь произвол человеческий — нам, верующим людям, невозможно.

Если бы Россией управлял с 1922 года Троцкий, а не «сосредоточил в своих руках необъятную власть, сделавшись генсеком» (как с удивлением писал Ленин в тот же год), неприметный, неброский Сталин — в течение последующих тридцати лет, — то что было бы с Россией? И была ли бы она сегодня вообще?

Высланный из страны Троцкий в 1936 году написал книгу «Преданная революция». Из нее мы узнаём, что троцкисты успели сделать с Россией и **какую** участь в будущем готовили нашему народу борцы с «истинно-русским варварством»? Троцкий писал: «Революция сделала героическую попытку разрушить так называемый «семейный очаг», то есть архаическое, затхлое и косное учреждение... Революционная власть принесла женщине право на аборт... Торжественная реабилитация семьи, происходящая одновременно — какое провиденциальное совпадение! — с реабилитацией рубля... Трудно измерить глазом размах отступления!.. «Азбука коммунизма» объявлена «левацким загибом». Тупые и черствые предрассудки малокультурного мещанства возрождены под именем новой морали... Когда жива была еще надежда сосредоточить воспитание новых поколений в руках государства, власть не только не заботилась о поддержании авторитета «старших», в частности, отца с матерью, но наоборот, стремилась как можно больше отделить детей от семьи, чтоб оградить их тем от традиций косного быта. Еще совсем недавно, в течение первой пятилетки, школа и комсомол широко пользовались детьми для разоблачения, устыжения, вообще «перевоспитания» пьянствующего отца или религиозной матери; с каким успехом — вопрос особый. Во всяком случае, этот метод означал потрясение родительского авторитета в самых его основах. Ныне и в этой немаловажной области произошел крутой поворот: наряду с седьмой пятая заповедь полностью восстановлена в правах, правда, еще без ссылки на Бога.... Забота об авторитете старших повела уже, впрочем, к изменению политики в отношении религии... Ныне штурм небес, как и штурм семьи, приостановлен... По отношению к религии устанавливается постепенно режим иронического нейтралитета. Но это только первый этап...»

«Советское правительство, — возмущался Троцкий, — восстанавливает казачество, единственное милиционное формирование царской армии... Восстановление казачьих лам-

пасов и чубов есть, несомненно, одно из самых ярких выражений Термидора! Еще более оглушительный удар нанесен принципам октябрьской революции декретом, восстанавливающим офицерский корпус во всем его буржуазном великолепии... Достоинством вниманья, что реформаторы не сочли нужным изобрести для восстанавливаемых чинов свежие названия...» В 1935 году были возвращены отмененные в 1917-м звания «лейтенант», «капитан», «майор», полковник».

Троцкого уже не было в стране, но троцкисты жили, трудились, боролись и не собирались сдавать оружия. И дожили и до 1953-го, и до 1956 года, и до 1991-го, и до сего дня. И устремлены в будущее.

Если бы у власти был Троцкий, что было бы в 1941 году? Сказал бы он «братья и сестры»? Пошли бы наши воины воевать «За Родину, за Троцкого»? Явилась бы в октябре 1941-го Мать Божия митрополиту Илие (Караму), открывая, что нужно сделать, чтобы Россия не погибла? Передал бы владыка всё это советскому правительству, во главе которого стоял бы нехристь? А если бы даже и передал, принял бы тот это чудесное свидетельство, исполнил бы его? И, наконец, состоялась ли бы встреча этого «товарища» с митрополитами 4 сентября 1943 года, в день Грузинской иконы Божией Матери? И вообще когда-либо нечто подобное могло бы быть?! Даже и подумать об этом невозможно.

А ведь Россия совершенно реально стояла тогда на краю гибели. И Москва, и Ленинград, и Сталинград в 1941 и 1942 годах висели на волоске. Не облетали бы тогда с Тихвинской иконой Москву, не было бы молебна перед Казанской иконой под Сталинградом, не было бы вообще всех тех явных шагов в сторону традиционной России в то роковое время да и раньше, — уцелела бы наша страна, выжил бы наш народ? Стали бы русские люди сражаться до последней капли крови за какой-нибудь «Троцкоград» или даже за Волгоград — так, как сражались за город-символ? А провал нашего контрнаступления под Сталинградом, как считают знающие люди, привел бы к поражению СССР в войне.

Даже это, вроде бы малое, но ведь всё тогда решало судьбу страны: не сохрани, скажем, Господь, Мать Божия в тайне от немцев план операции «Уран», о котором не знали даже некоторые члены Ставки Верховного Главнокомандования, но знали только Сталин, Жуков и Василевский, и потому немцы не ждали мощного контрнаступления под Сталинградом, — и славной победы в неприступном городе с самым большим окружением и уничтожением группировки войск за всю историю человечества, может, и не было бы. И тогда Япония

вступила бы в войну против нас на стороне Германии, к чему дальневосточные соседи уже готовились, да и Турция тоже, и куда бы тогда повернули наши «союзники» — и что бы было?

Не будем, братья и сестры, умалять благодеяния Царицы Небесной нашему Отечеству, которые Она явила нам! Не будем подвергать сомнению того, что делалось нашими верующими предками здесь, благодаря чему Она не лишила нас Своих милостей, не будем объявлять их мифами — уже затем, чтобы иметь надежду на Ее милости впредь.

«Загадка Сталина», одна из причин недоумений относительно его личности кроется в том, что, по-человечески глядя, его не должно было быть в большевистском СССР, в ВКП(б). Он не мог и не должен был победить — ни троцкистов, ни Гитлера. Но «у Бога всего много». А про Бога-то мы как раз и забываем. Забываем о чуде русской истории. О непрекращающемся в ней Промысле Божиим. О неусыпающей в молитвах Державной Царице Небесной. О непрекращающихся молитвах всего сонма русских святых — и на небесах, и на земле. И снова, как не раз было в русской истории, произошло то, чего по-человечески не должно было быть и чего без веры мы и постигнуть-то, охватить нашим умом не можем. СССР, ВКП(б), РККА, НКВД, ГУЛАГ — всё это существовало, а веры, молитвы, любви к Родине нашего народа, продолжавших верить крещеных русских большевиков, милостей Божиих, силы Божией, по мнению «воинствующих безбожников», не должно было быть. По планам «безбожной пятилетки», «к 1937 году имя Бога должно было быть забыто на всей территории СССР». Какое бессилие звучит в этой гордо-наивной формулировке! Не только «отменить» Самого Бога, но и веру в Него в людях им было, конечно, не под силу. Бог-то, слава Ему, есть! Есть Матерь Божия. Есть русские святые. Есть вера и молитва в людях. И потому был не только 1941 год — по человеческому измерению, по человеческим обстоятельствам, но и 1945-й. А это уже пасхальное чудо русской истории, небесный, вымоленный дар, дар Богородицы и всех русских святых.

Еще в 1917 году святитель Тихон составил молитву «О спасении Державы Российской», которая и поднесь читается в некоторых храмах за каждой Литургией. В ней он просил Бога: *«Воздвигни нам мужей силы и разума, и даждь всем нам духа премудрости и страха Божия, духа крепости и благочестия...»*

В России всегда были, конечно, люди, любившие свою Родину, верующие, молившиеся. Такие люди были в армии — скажем, маршал Борис Михайлович Шапошников, бывший царский офицер. Будучи командующим соответствующих

военных округов, он в Ленинграде в 1926 году выводил броневика против зиновьевцев, а в Москве в 1927-м — против троцкистов. Такие люди были в Церкви — митрополит Сергей (Страгородский) издал Послание (Декларацию) о лояльности к советской власти в июле 1927 года — через несколько месяцев после того, как Троцкого исключили из Политбюро, а в ноябре того же года — из партии. Русские православные патриоты, молясь о России, конечно, видели, какая борьба идет в руководстве страны и чья победа предпочтительнее для Церкви, для народа. Эти их решения, эта Декларация смотрели в будущее — в 1941 и 1943 годы, в 1945-й...

Антирелигиозная кампания началась сразу после смерти Сталина, с постановления ЦК КПСС 1954 года «О серьезных недостатках в атеистической пропаганде». Но главные гонения — после победы Хрущёва над «антипартийной группой Молотова, Маленкова, Кагановича и примкнувшего к ним Шепилова» в 1957 году, когда тем не удалось его сместить с поста Первого секретаря ЦК КПСС. Д.Т. Шепилов тогда сказал ему:

— Неграмотный человек не может управлять государством.

Дмитрий Трофимович в 1941 году пошел добровольцем в ополчение, закончил войну генерал-майором в Вене. Вместе со Сталиным работал над учебником по политэкономии. Член-корреспондент Академии наук СССР. Когда наступило 5 марта 1953 года, Шепилов был главным редактором «Правды». О том дне в своих воспоминаниях, названных им «Непримкнувший», он написал:

«Кремлевская площадь была безлюдна и безмолвна. По опустевшим ночным улицам Москвы я возвращался в «Правду» выпускать траурный номер. Дворники со скрежетом сдвигали с тротуаров ледяную корку. У продуктовых магазинов разгужались огромные крытые машины. Подгоняемые морозцем, торопливо двигались немногочисленные прохожие. Четко печатала асфальт двигавшаяся строевым шагом куда-то воинская часть. Медленно падал на город редкий и легкий снежок. Как будто всё было как обычно, ничто не изменилось в древней столице. Тем не менее я ехал в своем «ЗиСе» с таким чувством, будто в гигантской машине государства что-то надломилось в главном механизме. Все колесики, шестерни, трансмиссии — всё работает по-прежнему бесперебойно, и всё же произошло что-то очень большое, серьезное, чреватое огромными последствиями для судеб страны — и не только нашей».

КЕСАРЮ — БОЖИЕ

«Отдавайте кесарево Кесарю, а Божие Богу» (Мф. 22: 21).

Россия нуждается в создании института, который контролировал бы взаимоотношения Церкви и Государства. Об этом 3 августа в интервью Общественной службе новостей заявил руководитель Фонда поддержки христианских церквей «Международный фонд Христианская Солидарность» Дмитрий Пахомов. Так и хочется добавить: спасибо отцу Сергию (Романову) — главному вдохновителю воинствующих либералов на «гениальные» политические решения.

«Та ситуация, которая сейчас складывается с отцом Сергием, — ожидаемо продолжает Пахомов, — красноречивее всего убеждает нас в том, что создание подобного рода структур жизненно необходимо. Схожие случаи происходят в ряде других регионов с различными организациями, позиционирующими себя и регистрирующимися как православные. Хотя, по сути, они являются деструктивными».

В тот же день на той же площадке, но уже с критикой создания регулирующего органа, выступил депутат Госдумы -

СИМВОЛ ВЕРЫ

Виталий Милонов, который уверен, что подобное решение не поможет церкви и лишь поспособствует конфликтам в обществе. *«На дворе XXI век, и нужно быть крайне аккуратными при внедрении подобных учреждений. Излишняя активность государства в вопросах веры может вызвать конфликты в обществе»*, — считает депутат.

Выступающие же за учреждение органа контроля над Церковью главным своим аргументом считают то, что подобные институты были в Российской империи: в частности, институт обер-прокурора Святейшего Правительствующего Синода. Каждый архиерей в Синоде приносил обязательную клятву монарху. В СССР также любые церковно-бытовые вопросы решались только через уполномоченного по делам религий и т.д.

Таким образом, в информационное поле был вброшен политический дискурс, началось продвижение, прямо скажем, очень деликатного вопроса. Но зачем всё это нужно? Сказать, что контакта между Русской Православной Церковью и властью на сегодняшний день нет, будет неправильно. На федеральном уровне управление в сфере религии осуществляет Департамент по делам общественных и религиозных объединений, который является структурным подразделением Министерства юстиции Российской Федерации. Коммуникация осуществляется в законодательной сфере, на практике проявляется в контроле государством соблюдения законности со стороны религиозных объединений, защите прав верующих, решении вопросов регистрации объединений и т.д. Но этого инструмента, видимо, недостаточно. Уж не связана ли необходимость создания нового органа с зафиксированным недавно Советом по правам человека грубым нарушением государством санитарно-эпидемиологических требований при проведении богослужений, иных религиозных обрядов и церемоний, с необоснованным вторжением в деятельность религиозных организаций во время карантина в РФ?

Понятно, что при современных технологиях управления сознанием визуально можно заполнить любой дискурс, вплоть до самого абсурдного, но чтобы не поломать ноги на прямой дороге, всё-таки не будем изобретать велосипед, а полистаем прежде классиков русской религиозной мысли, которые, чего скрывать, были много умнее и проницательнее нас.

Тема взаимоотношения религии и политики активно исследуется Н.А. Бердяевым («Новое религиозное сознание и общественность», «Царство Духа и царство кесаря», «Sub

specie aeter-nitatis»). Философ указывает на идеальную перспективу религиозно-политических отношений, осуществление которой может и должно начаться усилиями христиан ещё в мире объективации. Пути возможного строительства отношений Церкви и государства (исходя из природы каждого из них) определяют Л.П. Карсавин («Об опасностях и преодолении отвлечённого христианства», «Церковь, личность и государство») и А.В. Карташев («Церковь и государство», «Церковь как фактор социального оздоровления России»). Выявляя специфическую природу Церкви и государства, они указывают на те «области», где интересы Церкви и государства могут совпадать. Фундаментальные работы С.Л. Франка («Духовные основы общества» и др.) затрагивают серьёзные темы взаимоотношений Церкви и мира, зависимости общественного порядка от нравственного уровня человека, предела эффективности политического насилия. Богатый материал для размышления дают работы С.Н. Булгакова («Христианство и социализм», «Церковь и социальный вопрос», «Церковь и государство»), в которых автор определяет место и роль религии в жизни общества, в том числе и жизни политической. Невозможно не упомянуть работы И.А. Ильина («Путь духовного обновления» и др.), в которых выдающийся мыслитель определяет христианское отношение к политике и государству. Богатый материал для размышлений дают философские построения Владимира Соловьёва («Критика отвлечённых начал», «Духовные основы жизни», «Владимир Святой и христианское государство»).

В рамках русской религиозной традиции оформилось адекватное понимание природы религии как самостоятельного «региона» реальности, имеющего основу в самом себе. Красной нитью размышлений отечественных религиозных мыслителей является построение такой модели взаимодействия религии и политики, которая позволяла бы обосновать возможность сохранения своей самости (специфической природы!) каждой из сторон такого взаимодействия. Идеальные отношения между религией и государством часто обозначаются таким богословским термином, как «неслиянно нераздельные», а также характеризуются как отношения целого и части, где «целое» — это религия, а «частное» — государство. Коммуникация между религией и политикой определяется как «взаимоотношение», а не «взаимодействие», т.к. «взаимодействие» изначально предполагает коммуникацию целого и целого, но не целого и части. В то время как выражением «взаимодействия» между религией и политикой являются такие деформации как политизация религии или сакрализа-

ция политики. Идеальная модель религиозно-политических отношений в представлении современного ученого Е.Г. Аванесовой исключает как идею полной автономии религии и политики, так и возможность их взаимного поглощения. Таким образом, качество религиозно-политических отношений зависит от степени их автономности! Это принципиально важно в современном контексте, ибо свобода у нынешней Церкви, чего греха таить, весьма относительная — как внутренняя, так и внешняя.

Одна из основных проблем РПЦ в последние 30 лет — это то, что миряне, прихожане в Церкви ничего не решают ни на своем родном приходе, ни в масштабах всей РПЦ. По последним двум уставам РПЦ (1988 и 2000 гг.) абсолютной властью в епархии и на приходах обладает только архиерей. Он может всё: снять в любой момент без объяснения причин настоятеля, разогнать приходскую общину, если она выступит против несправедливых решений епископа. В случае конфликта закон будет всегда на стороне архиерея.

Эта схема во многом объясняет жизнь нынешней РПЦ. Система построена таким образом, что любые реформы снизу невозможны, потому что голоса мирян и простых священников ничего не значат ни в моральном, ни в юридическом смысле.

Впрочем, тут патриархия идёт рука об руку с нашим дорогим государством, которое, как наглядно показали события с короновирусной свистопляской, предпочитает главенство авторитарного толка.

Церковь давно не знала подобных примеров преследования со стороны государства, которому мы все стали живыми свидетелями. Пусть с опозданием, но в Совете по правам человека запрет на посещение храмов в период пандемии сочли грубым нарушением прав верующих.

В своем докладе «Уроки эпидемии с точки зрения соблюдения прав и свобод человека и гражданина» председатель СПЧ Валерий Фадеев заявил, что ограничение работы храмов со стороны светских властей является грубым нарушением, поскольку такие запреты должны исходить только от религиозных властей. Ссылаясь на гарантии свободы вероисповедания, закрепленные в Конституции РФ, он указал, что нарушением являются и требования о приостановке приёма прихожан, закупке и использовании одноразовых принадлежностей и посуды (ложек) во время совершения религиозных обрядов, в частности, таинства Евхаристии. То есть получается, что власть грубо вторглась в дела Церкви. «Между тем, — говорится в докладе, — в соответствии с законода-

тельством о свободе совести религиозные организации вправе беспрепятственно совершать богослужения, религиозные обряды, церемонии и таинства в культовых зданиях в соответствии с внутренними распорядками».

Подобные действия поставили под сомнение тезис о сорботничестве Церкви и государства. О каком «взаимодействии» с властью может идти речь, когда ее методы, во-первых, автократичны, а во-вторых, с богословской точки зрения безграмотны? Я, конечно, понимаю, что санитарный врач не обязан знать догматическое богословие и православную экзегетику, но... Это исторический провал с треском! Как известно, Московская Патриархия стала единственной Поместной Церковью, которая изменила древний порядок причащения мирян и начала «дезинфицировать» лжицу (ложку для причастия). Никто из власть имущих с чаяниями простых верующих в современной России считаться не собирается. О чем говорить, когда даже главный экуменист — вселенский патриарх Варфоломей — заявил недавно, что Константинопольская православная церковь подчинилась уговорам санитарных и политических властей, «но мы отказываемся слушаться власти и сильным мира сего в тех случаях, когда ставится под сомнение тайна таинств жизни, Божественное Причастие».

Умышленно или случайно, но ситуация вокруг о. Сергия Романова открыла ящик Пандоры. Романовский бунт стал отправной точкой не только к обсуждению вопроса создания контролирующего Церковь органа, но ещё более настойчиво стали говорить о возможности интеграции религиозных сообществ в политическую жизнь государства. Что это значит? Грамотно играя на екатеринбургском скандале, о. Сергия виртуозно используют главным образом как повод для репрессий в отношении трезвых консерваторов и для дискредитации консервативной церковной повестки в целом. Итогом стало ожидаемое продвижение вопроса противодействия идеологии религиозного экстремизма и нейтрализации деятельности «деструктивных» религиозных течений, к которым нас с вами (самых обыкновенных ортодоксов) торжественно и причислят, назвав «раскольниками», «экстремистами», «зилотами» со всеми вытекающими последствиями...

ИСКУШЕНИЕ ВИРУСОМ

Вас постигло искушение не иное, как человеческое; и верен Бог, Который не попустит вам быть искушаемыми сверх сил, но при искушении даст и облегчение, так чтобы вы могли перенести.

(1 Кор. 10: 13)

Всего год назад происходящие ныне события были абсолютно невообразимы. Ничто не предвещало, никто не предрекал. «Но слово Господне пребывает вовек» (1 Пет. 1: 25). «Сын Человеческий, придя, найдет ли веру на земле?» (Лк. 18: 8). Пока нас посетил всего лишь какой-то вирус, а вера многих уже основательно поколеблена.

А ведь сказано: «Если отвергшийся закона Моисеева, при двух или трех свидетелях, без милосердия наказывается смертью, то сколь тяжчайшему наказанию повинен будет тот, кто попирает Сына Божия и не почитает за святыню Кровь завета, которою освящен, и Духа благодати оскорбляет?» (Евр. 10: 28-29).

Архимандрит Тихон (Агриков) — в схиме Пантелеимон — еще в 1970 году писал о том же: «И неудивительно видеть это среди людей мира, не знающих ни Евангелия, ни примеров жертвеннос-

СИМВОЛ ВЕРЫ

ти за ближних. Но когда делаем это мы, христиане, и тем более — учителя христианской веры: князья церкви, чиновники в рясах и митрах — это уже страшнее всякого бедствия и всякой губительной чумы».

И всякого вируса, добавим мы, пусть даже и «коронованного». Надо же, никто и никогда не пытался «короновать» холеру и чуму, а вот пресловутый вирус сподобился этой сомнительной чести...

Да, к великому сожалению, были и есть среди церковных «князей» и «чиновников» люди, для которых Священное Писание («исправленное» и перетолкованное ими вкривь и вкось), Священное Предание (огульно объявленное ими устаревшим) и тем более жития святых (по их словам, прости Господи, «произведения литературного жанра») давно не являются незыблемыми ориентирами в повседневной жизни.

И если таковые и их последователи, «боясь заразиться» и «страдавая беззглывостью», отказались от таинства Евхаристии в период пандемии, — то сами себя добровольно отлучили от церковного общения. Вещи надобно называть своими именами.

Неужели не понятно, что сама постановка вопроса: может ли вирус передаваться через Святые Тайны — Тело и Кровь Христовы — является откровенно кощунственной, а всякие дискуссии, раздуваемые по этому поводу в СМИ и социальных сетях, по своей сути злонамеренны и провокационны?

Верующему же человеку достаточно вдумчиво и нерассеянно прочесть «Последование ко Святому Причащению», особенно выделив десять молитв, составленных Василием Великим, Иоанном Златоустом и другими святыми.

Уместно напомнить и слова Тихона, святителя Задонского, имеющие самое прямое отношение к данной ситуации: «О Таинстве <...> святейшей Евхаристии и о прочих — того, что не открыто в святом Божьем слове и что открыто, но понять не можешь, любопытно не испытывай, чтобы не впасть в сеть диавольскую, не запутаться в ней так, что вырваться из нее не сможешь, и не погибнуть. Ибо что требует одной веры и превосходит наш разум, то испытывать очень опасно. Берегись испытывать то, что выше тебя. Веруй во всё так, как верует святая Церковь. Это путь безопасный».

Поэтому, ничтоже сумняшеся, будем действовать так, как рекомендует «Известие учительное»: «Во время же причащения да приступает чинно, в глубоком смирении, и **Христу, истинно в Тайнах Сущему под видом хлеба и вина**, до земли кийждо да поклонится единощи, руце к персем крестообразно согбенне имуще, и Христа распятого исповедающе, и лю-

бовь к Нему имут. Приемше же честно да поглотят, и по утер-
тии уст покровяем рукою священническою, **лобызают край
святой чаши, якоже самое Христово ребро**, из негоже истече
кровь и вода».

Столь же благоговейно, подражая всем предыдущим по-
колениям православных христиан, будем почитать святой
Крест и честные иконы.

«Крест хранитель всяя вселенная, Крест красота Церкви,
Крест царей держава, Крест верных утверждение, Крест Ан-
гелов слава и демонов язва» — так прославляется он в цер-
ковном песнопении.

«Церковь же, украсившись иконами, как багряницею
царскою, достойно чтит их и призывает своих православ-
ных сынов к надлежащему их почитанию. <...> Взирая те-
лесными очами на иконы, сердечно очи обращаем к тому,
чей образ созерцаем; **целуем их устнами**, в том смысле, как и
блаженный патриарх Иаков целовал окровавленную ризу
возлюбленного своего сына Иосифа» — читаем в «Новой
Скрижали».

При этом новоявленные иконоборцы считают их прямы-
ми переносчиками коронавируса и нам, грешным, по сооб-
ражениям «современной гигиены», приказывают занимать-
ся дезинфекцией! Хотя протирать салфеткой и одеколоном
напрестольный крест, иконы и даже святую Плащаницу по-
сле многолюдных богослужений приходится регулярно. Но не
с целью обеззараживания, а токо ради удаления следов губ-
ной помады... Однако это уже совсем иная «антисанитар-
ная» история.

А что же наши откровенные супостаты, злопыхатели и про-
вокаторы? Они злорадствуют, достаточно оценить заголов-
ки — «Коронавирус ставит вопрос: зачем нужна Церковь?»,
«Коронавирус погрузил РПЦ в кризис», «Радует в действи-
тельности то, что «духовность» в России не возродилась». Тем
самым они только яснее и нагляднее выказывают свое сата-
нинское нутро.

Их мрачные прогнозы относительно ситуации в Белору-
ссии, слава Богу, не сбылись. Наши церкви на Пасху (а также
ни до, ни после) светскими властями не закрывались. Ноч-
ная телетрансляция из Минского Свято-Духова кафедраль-
ного собора (наполненного молящимися, пусть и не битком)
весьма выгодно отличалась от аналогичной трансляции из
пустого храма Христа Спасителя в Москве (совершенно апо-
калиптическое впечатление).

Тот факт, что многие клирики православных храмов и мо-
настырская братия переболели вирусом (подавляющее боль-

шинство благополучно) не дает оснований называть наши церкви и обители «очагами распространения». Никакого «эпидемиологического взрыва» и «массовых жертв» внутри Церкви не случилось, а ведь, повторим, карантин в Белоруссии не вводили.

Да, вполне определенное разделение по отношению к вирусу в Церкви произошло (например, в нашем приходе, «заезжан» и «подснежников» ни на праздник Благовещения, ни в Великий Четверг, ни на Пасху, практически не было, т.е. количество людей уменьшилось по сравнению с 2019 годом примерно в 2 раза).

Но это только подтвердило древнюю истину: «Как если спросишь землю, она скажет тебе, что дает очень много вещества, из которого делаются глиняные вещи, а не много праха, из которого бывает золото, так и дела настоящего века. Многие сотворены, но немногие спасутся» (3 Езд. 8: 2-3).

Другие, еще более ужасные, пророчества о повальном вымирании населения, по милости Божией и благодаря высокому профессионализму наших медиков, также не оправдались. Безусловно, эта зараза работает. Но если смертность от вируса сравнить, например, с соответствующим числом смертей от сердечно-сосудистых заболеваний, онкологии и туберкулеза? Или просуммировать все убийства, самоубийства и погибших на дорогах за аналогичный период? Но СМИ почему-то даже не пытаются проводить подобные сравнения.

И вы еще называете нас фанатиками и мракобесами? Посмотрели бы лучше в зеркало: вылитые модернисты и обновленцы! В марте и апреле вы подняли настоящий истерический гвалт и приветствовали закрытие храмов в России (снова повторим — Белоруссию Бог миловал!). А к середине июля поток ваших фейков иссяк, осталась одна надежда — на вторую волну.

Вы пишете о «кризисе власти» в Церкви? Вам не понять самой простой вещи: истинный Глава Церкви — отнюдь не патриарх и не уполномоченный по ее делам, и, тем более, не санитарный врач. Это — Господь и Бог наш Иисус Христос. И Он Церковь нашу на произвол судьбы никогда не бросит. Мы переживали под Его правлением и гораздо более тяжкие времена.

А как же наши земные начальники, те самые «князья и чиновники»? То, что было верно во времена царя Соломона, верно и сейчас. «Строг суд над начальствующими, ибо меньший заслуживает помилование, а сильные сильно будут истязаны. <…> Начальствующим предстоит суровое испытание» (Прем. б. 5: 6,8). И если некто, как говорят на Востоке,

окончательно «потерял лицо», то самое время отправляться «за Иордан». На покаяние.

Можно ли в нынешней ситуации говорить о реальном кризисе отношений Церкви от государства во всех смыслах особенно ярко проявился в России (к великой радости тамошних либералов), а чьи-то многолетние надежды на пресловутую «симфонию» с этой секулярной властью оказались совершенно несостоятельными. Но в Белоруссии, начиная с 1996 года, фраза об отделении Церкви от государства из Конституции исчезла! Неужели и в такой малости (кажущейся?) проявляется таинственная сила слова?

Пустые разглагольствования о «богословском» или «идеологическом» кризисах в Церкви, домыслы о «неминуемых изменениях» в обрядах и церковной практике, как-то связанные с вирусом, со временем полностью себя исчерпают. Более того, это постепенно уже и происходит на наших глазах.

Нас пугают «экономическим кризисом»? Вот цитата: «Людей нет, пожертвований нет, отчислений в епархию нет, платить сотрудникам нечем. Дальше хуже». Да, многие приходы живут сейчас от Литургии до Литургии. Молятся и живут.

В полном соответствии со словами апостола Павла: «Нас почитают обманщиками, но мы верны; мы неизвестны, но нас узнают; нас почитают умершими, но вот: мы живы; нас наказывают, но мы не умираем; нас огорчают, а мы всегда радуемся; мы нищи, но многих обогащаем; мы ничего не имеем, но всем обладаем» (2 Кор. 6: 8-10).

И пусть заинтересованные и компетентные лица обещают нам скорое наступление второй волны коронованной заразы. Чем мы намерены ее встретить? Вновь закрытыми на замки храмами? Да не будет!

«Я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, **ни другая какая тварь** не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем» (Рим. 8: 38-39). И даже такая тварь, как коронавирус, отнюдь не всесильна.

Страха же вашего не убоимся, ниже смутимся: яко с нами Бог!

г. Минск

ЗА ВСЁ, ЧТО НАТВОРИЛИ

С годами вскрываются всё новые материалы о русской катастрофе 1917 г. О подрывных технологиях революционеров, об их финансировании из-за рубежа, об участии в разрушительной работе иностранных правительств и спецслужб — германских, британских, американских. Знаем мы и о том, чем обернулся для нашей страны революционный обвал. Разрухой, чудовищными жертвами, уродливыми социальными экспериментами, торжеством хамов и «воинствующих безбожников»... Но неужели кучка заговорщиков, даже располагая огромными денежными суммами, сумела бы запросто обвалить могучую державу, взбесить многомиллионный народ? Конечно, не смогла бы. Однако к началу трагических переломных событий Россия уже оказалась тяжело больной.

Гибельная хворь охватывала ее постепенно, в течение нескольких столетий. Вольнодумство, «свободные» нравы, разврат, теории атеизма и либерализма. Причем в первую очередь ими заражались аристократия, дворянство, интеллигенция. Еще в XVIII—XIX вв. они привыкали ориентироваться на Европу, зарубежные взгляды и оценки становились образцами для

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

подражания, воспринимались как «общепризнанные». А уж потом, с «головы», гниль поползла на простонародье.

В данном случае выглядит показательным пример с помещиком Иваном Петровичем Костомаровым, отцом известного историка. Увлечшись французским «просвещением», он принялся учить своих крепостных, что Бога нет, и загробной жизни нет. Преуспел настолько, что дворовые в 1828 г. убили его и ограбили. Рассудили: если за гробом «ничего нет», то зачем себя ограничивать? Впрочем, духовные устои крестьян в ту пору были прочнее, чем у образованной части общества. Убийц замучила совесть, они вышли на церковное крыльцо и покаялись перед «миром».

Увы, Иван Петрович был не единственным энтузиастом «просвещения», а главное, в России утвердилась и развивалась западная система образования. За основу брались всё те же европейские стандарты и теории — и наряду с гуманитарными, техническими науками интеллигенция получала иные «добавки»: проникалась комплексами «национальной неполноценности», привыкала считать зарубежное «передовым», а свое, родное — «отсталым». Необходимость кардинальных реформ по чужеземным образцам даже не обсуждалась, виделась прописной истиной.

Вовсе не случайно очагом либерального духа становилась профессорско-преподавательская среда. Она пополняла образование в германских, французских, британских университетах. А дальше сеяла в душах молодежи семена импортных учений. Эти семена соединялись с обычным юным фрондерством и давали буйные всходы. Соблазны «свобод» кружили головы похлеще вина. Очернительство власти, законов, традиций становилось признаком хорошего тона. Внедрилось деление всех явлений на «прогрессивные» и «реакционные». Причем революционное, разрушительное относилось к «прогрессивному». А всё, что служило стабилизации государства, получалось «реакционным».

Студенты, проникнувшись подобными идеями, становились учителями — и несли их ученикам. В 1870-х годах кружки народников сунулись было открыто «будить народ». Но агитаторы ничего не добились, они были для русских людей чужеродными смутьянами. Их без долгих разговоров вязали и сдавали властям. Зато в сельскую земскую школу приезжал не агитатор. Приезжал учитель, начитавшийся атеистических книг Ренана, восторгавшийся «Великой французской революцией». Он выглядел для ребят куда более авторитетным и знающим, чем родители, чем скромный деревенский священник. Такие же учителя приходили в рабочие вечерние школы...

Болезнь России углублялась. В катастрофическом 1906 г. была созвана Государственная Дума, началась эпоха парламентаризма. Но первое, чего потребовали «народные избранники» — всеобщей политической амнистии! По стране лилась кровь, террористы нагло убивали государственных служащих, мирных граждан, а депутаты с пеной у рта голосовали за освобождение тех преступников, которых удалось изловить! А гимназисты, студенты, интеллигенция аплодировали таким «избранникам». Зачитывались оппозиционными газетами. Восхищались революционерами, на судебных заседаниях устраивали им овации. Прятали их, снабжали документами. С гневом обрушивались на патриотов, обливали презрением полицейских и казаков...

Поветрие либерализма охватило и высшие эшелоны руководства. Министры и губернаторы заигрывали с «общественностью», во всем шли на уступки, стыдясь прослыть «революционерами». Даже в Церкви пастыри пытались согласовать проповеди с «прогрессом». Синод и архиереи внушали терпимость к явно антироссийским (и антихристианским) учениям. Устои Православия расшатывались и слабели. Оцените сами — весной 1914 г. из 16 выпускников Иркутской духовной семинарии лишь двое решили принять сан священников, из 15 выпускников Красноярской семинарии — ни одного! Остальные выбрали работу учителями, чиновниками. Интеллигенция стала считать веру в лучшем случае «красивой народной традицией». В худшем — относила к «пережиткам», тормозящим «прогресс».

В наши времена принято восхищаться «Серебряным веком русской культуры» — однако забывается, что и культура начала XX в. была насквозь больной! Она погрязла в декадентстве, эротике, темных душевных надломах. Кумирами молодежи становились сатанист Валерий Брюсов, Федор Соллогуб — отвергший Бога и взывавший к нечистому, Андрей Белый — теософ и антропософ, Александр Блок — увлекшийся учением розенкрейцеров. Они владели умами, над их фотографиями рыдали поклонницы, их стихи переписывали друг у друга...

Ну а среди простонародья разрушение духовности проявлялось разгулом эгоизма. Рабочие вроде бы числили себя патриотами. Но ничуть не считали зазорным бастовать во время войны, требуя повышения зарплаты. Хотя зарплата у них была самой высокой по сравнению с другими воюющими государствами — а день забастовки на одном лишь Металлическом заводе в Питере недодавал фронту 15 тыс. снарядов. Крестьяне числили себя законопослушными и право-

славными людьми — но жадно обсуждали «аграрный вопрос», приглядывались: как бы переделить чужую собственность...

Эти недуги разъедали фундамент империи и предопределили ее падение. А.И. Деникин впоследствии писал: «Когда повторяют на каждом шагу, что причиной развала послужили большевики, я протестую. Россию развалили другие, а большевики — лишь черви, которые завелись в гнойниках ее организма». Он был прав. Обычная, отнюдь не большевистская интеллигенция в подавляющем большинстве бурно приветствовала Февральскую революцию, вполне одобряла аресты и убийства полицейских. Цепляла красные банты, выходила на демонстрации, запевала: «Вихри враждебные веют над нами, темные силы нас злобно гнетут». Правда, в скором времени хлынули иные демонстрации, полезли на трибуны иные ораторы, и учителя с профессорами и предпринимателями вдруг с удивлением узнали — под «вихрями враждебными» и «темными силами» теперь значатся они сами...

В данном случае представляется любопытным обратиться к великолепному произведению Михаила Булгакова «Собачье сердце». Разве можно забыть столь колоритные образы? С одной стороны — умные, талантливые, высококультурные профессор Преображенский и доктор Борменталь. С другой — тупой наглец Швондер, хам Шариков... Но если сопоставить повесть с историческими реалиями, то... она полностью соответствует действительности! Только упускает очень важные моральные аспекты.

На самом-то деле именно Преображенские, Борментали и им подобные были в России главными носителями радикальных взглядов. Именно они всю ратовали за «свободу, равенство и братство». Кого же было винить, что «свободы» оказались не только для них, но востребовались «свободы» крушить «реакционеров», царя и правительство? Пришли свободы и для Швондеров — свободы оскорблять и третировать вчерашних ниспровергателей, свободы отбирать ответственность, гадить по подъездам и горланить революционные песни. То есть — «равенство и братство»! Как говорится, за что боролись...

Да и Шариковых в действительности создали именно российские интеллектуалы. Разумеется, создали не из собак. Шариковых создали из простых русских людей, которые прежде были честными, добрыми, богобоязненными... Первый заряд атеизма и «прогрессивных» взглядов детишки получали еще в школах. Сергей Есенин в своих автобиографиях хвастался, как он пристрастил прогуливать церковные

службы. Бабушка давала ему с собой просфору и копейку на освящение. Но мальчик научился так же, как священник, вырезать серединку из просфоры, а деньги присваивал. Как видим, семья была верующей, бабушка набожной. Кто же сбил Сережу с пути истинного? Очевидно, учитель. Или товарищи, отвращенные от веры «просвещенными» наставниками. А потом Сережа подрастет, напишет богохульную «Инонию», и закувыркается его жизнь в разочарованиях, кризисах, тупиках...

Другие такие же мальчики и девочки, повзрослев, вступали в отряды Шариковых под началом Швондеров, брали винтовки, чтобы «всё взять и поделить». Из особо рьяных формировались когорты палачей, развернувших кампании «красного террора», массовые казни «буржуев» — то есть интеллигенции. Той же самой интеллигенции! Учителей, журналистов, чиновников. Но ведь и в Евангелии сказано: «А кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы ему повесили мельничный жернов на шею и потопили его в глубине морской» (Мф. 18: 6). Так случилось с соблазнительями...

И что, одумались, спохватились, раскаялись? Ничуть. Те же интеллигенты и студенты, когда их тащили на расстрелы в ЧК, продолжали считать себя «настоящими революционерами», а большевиков «душителями революции». Корниловцы браво распевали свой марш: «Мы былого не жалеем, Царь нам не кумир!» Донские казаки на кругу приняли свой гимн «Всколыхнулся, взволновался православный Тихий Дон» — подменив слова. Вместо «И послушно отозвался на призыв Монарха он» вклеили: «На призыв свободы он». Кубанская Рада приняла «самую демократическую в мире конституцию» и развернула сепаратистскую борьбу — превознося Петлюру и Махно. А все надежды борцы с большевизмом возлагали на Запад, который как раз и организовал российскую катастрофу. Стоит ли удивляться, что Господь не дал им победы?

В древние времена, описывая те или иные бедствия, русские летописцы не искали виновных на стороне. Причину они формулировали однозначно: «По грехам нашим». Для объяснений катастроф XX в. подобное определение тоже оказывается самым точным. Россия фактически отреклась от царя. Его поливали грязью и сплетнями, рассуждали, как чудесно жилось бы без его «гнёта». А кто-то думал иначе, но не спорил. Во всяком случае, никто не выступил в поддержку Государя. Даже среди белогвардейцев монархистов было очень мало. Ну что ж: если не захотели законного царя, — то

попали под власть узурпаторов и вынуждены были терпеть такой гнет, какой им и не снился.

Образованная часть российского общества безгласно кривила от отечественных порядков, мечтала жить, «как за границей». Эта мечта также исполнилась. 2 млн. человек очутились в эмиграции, получили заграничный «рай» со всеми «свободами» и «прогрессом». Правда, до революции русские интеллигенты и предприниматели видели Европу из окон комфортабельных отелей, пансионатов, через призму книг и газет. А теперь им пришлось зарабатывать на хлеб грузчиками, судомойками, чернорабочими, проститутками... Но ведь западная «демократия» и раньше была такой! Значит, мечтали как раз об этом, только для себя предназначали иную роль.

А ту интеллигенцию, что осталась в России, гнобили и топтали Швондеры. Но ведь она сама ратовала за права Швондеров! Громогласно выступала на их защиту, сочувствовала, жалела, поощряла, требовала для них всевозможных свобод — вот и посадила их себе на шею. Кстати, Булгаков с изумительным талантом сумел показать в лице профессора Преображенского типичного представителя российской интеллигенции. Вспомните, чем он обеспечивает себе роскошные для советского времени условия? Выгодно использует знания, полученные при царе, за солидные деньги пересаживает стареющим извращенцам «яичники обезьяны» и другие органы, чтобы поддержать и потешить их похоть (сегодня его последователи делают операции по изменению пола на противоположный). Но при таком нравственном уровне он считает себя высококультурной личностью, ходит в оперу, авторитетно и безапелляционно берётся судить обо всем окружающем...

Ну а Шариковы, которых сотворили подобные деятели, ринулись «всё взять и поделить». С энтузиазмом громили помещичьи, «кулацкие» хозяйства, грабили чужую землю, имущество. Хотя в итоге сами были ограблены продразверстками, раскулачиванием и коллективизацией. Палачи, залившие всю Россию кровью «красного террора», через пару десятилетий сами попали под репрессии. «Ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такую и вам будут мерить» (Мф. 7: 2).

В 1922—1923 гг. большевики нанесли сокрушительный удар по Православной Церкви. Закрывали и грабили храмы, монастыри. Казнили 15 тыс. священников, монахов, мирян. Тысячи людей разослали по тюрьмам... Но ведь Церковь одной из первых отрёклась от царя, Помазанника Божия, своего Защитника.

Впрочем, основная-то масса прихожан, миллионы людей к антицерковной вакханалии руку не прикладывали. Но и не пытались защищать свои храмы, своих батюшек. Прикинули, что их хата с краю, так спокойнее. Зато в июне 1941-го в армии оказались солдаты 1922—1923 г. рождения. Ровесники разгрома Церкви! Дети, появившиеся в свистопляске кошунства, от блудных невенчаных связей, некрещеные. А командовали ими вчерашние активисты, взрывавшие и закрывавшие храмы, забрасывавшие камнями крестные ходы. Именно это поколение попало под первый, самый страшный удар врага, и было стерто почти полностью.

Валерий ГАБРУСЕНКО

АНТОНОВ ПРОТИВ АНТОНОВА

В списке общерусских фамилий Антоновы занимают скромное 87-е место. Среди деятелей XIX века почти нет известных Антоновых, однако в XX веке эта фамилия зазвучала достаточно громко. А судьбы двух носителей фамилии — А.С. Антонова и В.А. Антонова (Овсеенко) драматически пересеклись.

Александр Степанович Антонов
(7.08.1889 — 24.06.1922)

В советских учебниках его фамилия упоминалась в связи с крестьянским восстанием в Тамбовской губернии и только со знаком «минус» — «антоновщина», «антоновские банды», «кулацкие банды Антонова» и т.п. Сегодня известно, что в 1920 году тамбовские и воронежские крестьяне подняли восстание в ответ на беспредел большевиков («продразвёрстку»), отнимавших у крестьян подчистую всё, вплоть до семенного фонда. Во главе восстания по просьбе самих крестьян встал

А.С. Антонов. В 1921 г. восстание потерпело поражение и окончательно было разгромлено в 1922-м, сам Антонов погиб в неравном бою. Однако жертвы были не напрасны. Тамбовское восстание, наряду с массовыми, хотя и менее организованными восстаниями крестьян Сибири, Поволжья, Урала, а также восстание моряков Кронштадта основательно напугали большевиков, и те отступили — по предложению дальновидного Ленина отказались от продразвёрстки и перешли к нэпу — Новой экономической (т.е. рыночной) политике — «всерьёз и надолго, но не навсегда».

Известно об А.С. Антонове немного. Сын отставного фельдфебеля, он был мужественным, смелым человеком и талантливым военным руководителем, однако его дореволюционное прошлое симпатий не вызывает. Был исключён из Тамбовского реального училища за распространение эсеровских листовок, в 1904 г. вступил в партию эсеров, стал заниматься обычным для революционеров делом — грабежами («экспроприацией») для пополнения партийной кассы. В 1909 г. за попытку покушения на генерала Сандецкого приговорён к повешению, заменённому вечной каторгой, в 1910 г. бежал, был пойман и посажен в Шлиссельбургскую крепость. В 1917 г. освобождён Временным правительством, стал помощником начальника губернской милиции в Тамбове, затем начальником уездной милиции в Кирсанове, остался на этой должности и при большевиках. В 1918 г. в знак несогласия с политикой большевиков в крестьянском вопросе ушёл со службы и создал партизанскую дружину для борьбы с советской властью.

По существу, ещё мальчишкой он стал жертвой антигосударственной пропаганды, организованной эсерами, большевиками, меньшевиками, анархистами и прочими «борцами за народное счастье», которых финансировали зарубежные банки и иностранные разведки (а когда не хватало денег, не гнушались и разбоем). Прозрение наступило слишком поздно, и за него он героически заплатил своей жизнью.

Владимир Александрович Антонов-Овсеенко
(21.03.1883 — 10.02.1938)

Видный деятель Октябрьского переворота, один из руководителей Военно-революционного комитета, лично арестовал и отправил в тюрьму министров Временного правительства. Родился в дворянской семье, в 1901 г. окончил Воронежский кадетский корпус, в 1904-м — пехотное юнкерское училище, получил чин подпоручика, но в армии почти не служил, а занимался там революционной пропагандой, т.е. под-

рывом боеспособности Русской Армии. Как и А.С. Антонов, в юные годы был одурманен революционным опиумом: «Я в семнадцатилетнем возрасте порвал с родителями, ибо они были люди старых, царских взглядов, знать их больше не хотел», — писал он о себе. Освободиться от этого дурмана он никогда не пытался.

Жизнь его, как в приключенческом фильме, изобиловала событиями — аресты, побеги из тюрьмы (даже с подрывом тюремных стен), бегства за границу, возвращения, опять аресты, опять бегства, дружба с Троцким, редактирование зарубежного троцкистского журнала и т.д. После 1917 г. — главнокомандующий Южным революционным фронтом, командующий войсками Южного фронта (там он лично приказал расстрелять находившегося на покое отставного царского генерала Ранненкампа), командующий группой войск по подавлению Ижевско-Воткинского восстания рабочих, командующий всеми вооружёнными силами советской Украины. Его безжалостную решительность приветствовал сам Ленин. Затем он — уполномоченный ВЦИК по продрозвёрстке в Тамбовской губернии, наконец, председатель комиссии ВЦИК по борьбе с бандитизмом в Тамбовской губернии. Здесь его пути и пересеклись с А.С. Антоновым. Надо ли говорить, что в борьбе с тамбовским «бандитизмом» В.А. Антонов-Овсенко был столь же безжалостен, что и при подавлении Ижевско-Воткинского восстания.

В 1922—1924 годах, в бытность Троцкого председателем Реввоенсовета, он возглавлял Политуправление Красной Армии, и в период обострения борьбы в руководстве ВКП(б) направил в Политбюро письмо с предупреждением, что «если тронут Троцкого, то вся Красная Армия встанет на защиту советского Карно» и сможет «призвать к порядку зарвавшихся вождей». Когда в борьбе за лидерство в партии Троцкий окончательно проиграл, Антонова-Овсенко не тронули. Он служил послом в ряде стран, прокурором и министром юстиции РСФСР, военным советником в Испании. Однако Молох добрался и до него: 12 октября 1937 г. его арестовали, а через четыре месяца расстреляли по приговору Военной коллегии Верховного суда «за принадлежность к троцкистской террористической и шпионской организации». Приговор встретил спокойно, а на расстрел пошёл босым — ботинки, пиджак и кое-какие личные вещи отдал сокамерникам. Что ж, в мужестве ему было не отказать.

Так пересеклись судьбы двух самых знаменитых в 1920-е годы Антоновых. Остаётся только горькая досада — на *что* растратили свои жизни, недюжинный ум, военный талант и кипучую энергию эти яркие русские личности...

Василий СМИРНОВ,
кандидат философских наук

«ВОЕННЫЙ ГЕНИЙ» ТУХАЧЕВСКИЙ

Как известно, ровно сто лет назад молодое Польское государство начало войну против Советской России. Считается, что если бы Тухачевскому (командующему советским Западным фронтом) удалось взять Варшаву, то революция распространилась бы по всей Европе. Также есть крайне необоснованное мнение, что Тухачевский был военным гением, которого «злой тиран» Сталин расстрелял в 1937 году, чем «неимоверно ослабил Красную Армию накануне Великой Отечественной войны» (очень стойкий либеральный миф, который укоренился даже в школьных учебниках по истории).

Весной 1920 года получившая независимость Польша, которая была одержима идеей восстановления своего государства в границах Речи Посполитой 1772 года, решила начать войну против Советской России, чтобы оттяпать у нее Украину и Белоруссию. Польшей тогда руководил Юзеф Пилсудский, которого нынешние поляки считают «отцом польской государственности». Парень весьма интересный: в молодости готовил покушение на российского императора Александра Третьего (за что потом пробыл несколько лет на каторге под Иркутском), сотрудничал с японской разведкой во время Русско-японской войны, формировал «польские легионы», которые сражались с русской армией в Первой мировой войне. Ну и самое главное, Пилсудский считается создателем прометеизма — политического проекта, направленного на ослабление и расчленение Российской империи и, впоследствии, Советского Союза с помощью поддержки националистических движений за независимость (выходит, Горбачев и Ельцин реализовали план Пилсудского). Короче говоря, отец польской государственности был врагом госу-

дарственности российской, в любой ее форме — что советской, что царской...

Война началась в апреле 1920 года с наступления поляков на Киев. РККА на польском направлении действовала двумя фронтами — Западным (Тухачевский) и Юго-Западным (Сталин и Егоров). В подчинении у Тухачевского было 5 армий, у Сталина и Егорова — только две полубоеготовые армии, против которых Пилсудский создал четырехкратное превосходство. Однако, несмотря на это, Юго-Западному фронту (Сталин и Егоров) удалось выбить поляков из Киева и развить наступление на Варшаву. Буденный вызвал у поляков ужас до такой степени, что Польша, по словам Пилсудского, зашаталась как государство. 1-я конная армия Буденного и 12 и 14 армии Сталина и Егорова наголову разгромили Южный фронт Пилсудского. После чего, боясь флангового удара, побежал и Северный фронт Шептыцкого. На конец июля 1920 года Западный фронт под командованием Тухачевского фактически стоял перед готовым «котлом» деморализованных поляков, которые уже были полуокружены.

Если Фридрих Второй изобрел «косое» построение своих войск за счет усиления левого фланга, то Тухачевский считается автором идеи т.н. «пехотного тарана». Суть этого тарана в том, что фронт предлагалось прорывать за счет движения войск массой. Противник, выстроенный в линию, должен был бросать под эту таранную массу свои слабые резервы, а масса бы их давила. При этом не имело смысла особенно выбирать операционное направление и краткий путь к цели. Чем более длинным путем будет двигаться таранная масса, тем больше противник бросит под нее слабые резервы и тем большие потери понесет. Именно таким длинным путем Тухачевский и пошел к Варшаве. И тут мир удивило еще одно маразматическое «нововведение» Тухачевского — идущие в прорыв наступающие войска не нужно было обеспечивать резервами, а фланги и тылы не нужно было прикрывать.

Северный фронт поляков, воевавший против Тухачевского, побежал, но не из-за «гениальности» Михаила Николаевича, а по причине того, что у поляков рухнул Южный фронт и они боялись полного окружения со стороны Буденного и Егорова.

Если бы в эти дни Тухачевский, например, заболел гриппом и не мог руководить войсками, то совершенно точно — Советская Россия одержала бы полную победу и смогла бы навязать капитулировавшей Польше какие-угодно ус-

ловия мира. Но, к сожалению, «военный гений» был здоров. И тут Тухачевский делает полякам поистине королевский подарок: вместо того, чтобы на плечах отступающих (фактически беспорядочно бегущих) польских войск ворваться в Варшаву единым ударным кулаком, он по непонятной причине делит свой фронт на пять частей и посылает эти части на разные направления. Без фланговых прикрытий! Этот маневр дорого обошелся РККА: в тылу за чем-то брошенного на форсирование Вислы Западного фронта осталось 70% неуничтоженных польских войск, которые после небольшого замешательства, ринулись гротить советские дивизии.

Если бы Пилсудский летом 1920 года знал наверняка, каким идиотом был Тухачевский, он бы, вне всякого сомнения, взял в окружение весь Западный фронт. Но Пилсудский думал, что «чудо на Висле» — какое-то роковое стечение обстоятельств, а не следствие тотальной некомпетентии (или сознательного вредительства) Тухачевского (который, кстати, сидел в 400 км (!) от своих войск — в Минске — и оттуда, из железнодорожного вагона, «руководил» операцией). Хотя и без полного окружения Западного фронта ситуация была катастрофической — Пилсудский нанес Тухачевскому молниеносное поражение, в ходе которого из пяти армий Западного фронта более или менее уцелела только одна.

Максимум, чем до этого командовал Тухачевский, — был взвод солдат в Первой мировой войне. Потом он попал в плен к немцам. Потом бежал из плена, оказался в России, его заметил Троцкий, и Михаил Николаевич стал его любимчиком. Вот такой стремительный карьерный рост — от командующего взводом — сразу к командующему фронтом.

После проигранной по вине Тухачевского советско-польской войны Советская Россия подписала кабальный Рижский мир, лишивший нашу страну половины Белоруссии и Украины. 70 000 красноармейцев, оказавшихся в польском плену, были помещены в концлагерь, где их почти всех перебили.

Даже страшно представить, что было бы с нашей страной, окажись этот поручик во главе Красной Армии в 1941 году. Так же, как он поставил под разгром свои войска Пилсудскому в 1920-м, он бросил бы РККА под удар Гитлеру в 1941-м. И немцы бы уже в сентябре были в Москве. Когда либералы льют слёзы, что Сталин расстрелял «военного гения» в 1937-м, сам собой возникает единственный вопрос — почему он не сделал этого раньше?

ШЛЯХТА И МЫ

Сто лет назад, в июне 1920 года, Красная армия в ходе Советско-польской войны освободила Киев, «мать городов русских». Решающую роль в операции сыграла 1-я Конная армия под командованием Семена Буденного.

Об этой войне официальная Варшава предпочитает не вспоминать. О мифических преступлениях русских, например, о Катыни, поляки талдычат постоянно, зато о собственных и вполне реальных прегрешениях старательно умалчивают. А их в ходе Советско-польской войны 1920 года было совершено столько, что впору созывать Нюрнбергский процесс. Во-первых, поляки выступили в этом конфликте откровенными агрессорами и нанесли России колоссальный материальный ущерб. Во-вторых, обращение поляков с попавшими в плен советскими бойцами не вписывается ни в одну из принятых международных конвенций и отличается повышенной степенью зверства. Точно так же поляки вели себя и с местными жителями на временно оккупированных территориях России. Польские наработки в этом вопросе впоследствии творчески развили и довели до совершенства немецко-фашистские захватчики. Ну и в-третьих, поляки наплевали на положения Версальского мирного договора, предусматривавшего советско-польскую границу по так называемой «линии Керзона». В результате граница была произвольно установлена Варшавой почти на двести километров восточнее.

Итак, события весной-летом 1920 года развивались следующим образом.

В апреле польские паны, воспользовавшись смутой в России, решили пожить за счет своего восточного соседа. К военному конфликту с Россией поляков старательно подталкивали западные политики. После провала открытой англо-французской интервенции англосаксы активно помогали

всем, кто так или иначе выступал против Советской России. И не только мудрыми советами. Так, польская армия накануне восточного похода получила от Антанты почти полторы тысячи орудий, 350 самолетов, около трех тысяч пулеметов и огромное количество винтовок. Этого с лихвой хватило, чтобы вооружить довольно большую армию, численность которой к маю 1920 года была доведена до 200 тысяч человек.

Ситуация для Советской России осложнялась тем, что основные силы Красной армии были задействованы на других участках фронта и разбросаны на больших пространствах. При тогдашнем бедственном положении с транспортом переброска войск проходила крайне медленно. В итоге соотношение сил в начале войны оказалось в пользу поляков, причем по численности штыков и сабель поляки превосходили войска двух советских армий, прикрывавших западную границу, почти в десять раз!

Этим и объясняется стремительное наступление поляков в первые дни войны. Перейдя границу 25 апреля, польские войска за десять дней овладели всей правобережной Украиной и 6 мая заняли Киев. По этому случаю в «матери городов русских» был устроен грандиозный парад. По главным улицам Киева гордо проехали польские паны в шикарных нарядах, а вслед за ними продефилировали их верные холоуи — петлюровцы (соглашение между польским правительством и «правительством» Петлюры о совместном походе на восток было подписано 21 апреля 1920 года).

Кстати, это было уже вторичное появление петлюровцев в Киеве. В первый раз они захватили власть в городе в декабре 1918 года и за три месяца своего правления прославились бессмысленной резней русских офицеров и безуспешными попытками приучить киевлян к украинской «мове». В феврале 1919 года петлюровцев выбила из города Красная армия — при поддержке местных партизан и абсолютного большинства малороссийского населения. И вот спустя год подельники Симона Петлюры снова оказались в Киеве, правда, в качестве приспешников польских шляхтичей.

Впрочем, пребывание поляков в «матери городов русских» продолжалось недолго. Уже в конце мая к Киеву подошли 10 стрелковых дивизий, а также части 1-й Конной армии. В результате Киевской наступательной операции советские войска прорвали оборону поляков и окружили западнее Киева крупную группировку противника. Не дожидаясь полного окружения, поляки в ночь на 11 июня оставили Киев. А на следующий день в город вошли части Красной армии.

Взору советских бойцов предстала не самая радостная картина. Отступая, поляки постарались как можно больше нагадить русским. Вообще представители просвещенной Европы всегда вели себя в России как натуральные варвары. Поляки не исключение. Так, по приказу командующего 3-й польской армией Рыдз-Смиглы перед уходом поляки взорвали знаменитый Цепной мост, соединявший два берега Днепра. Красавец мост, состоявший из шести пролетов, был построен еще во времена Николая I по проекту британского инженера Чарльза Виньоля и русских инженеров Павла Мельникова и Станислава Кербедза. На тот момент (середина XIX века) мост был самым длинным сооружением такого рода в Европе. Открытие моста превратилось в торжества общероссийского масштаба, об этом писали газеты, по этому случаю в Киев приехал лично Государь Император. С тех пор Цепной мост на протяжении семидесяти лет считался одной из главных достопримечательностей Киева.

И вот в июне 1920-го это чудо инженерной мысли и техники было варварски уничтожено отступавшими шляхтичами. В воду рухнул правый, судоходный, пролёт моста, серьезные повреждения получили подвесные опоры. Восстановление Цепного моста заняло пять лет, движение транспорта по нему запустили лишь в середине 1920-х годов.

Итак, 12 июня 1920 года поляков выгнали из Киева. Развивая наступление, Красная армия успешно погнала врага на запад, освободив к июлю 1920 года практически всю Украину. Однако от полного разгрома шляхтичей спасла несогласованность в действиях Западного и Юго-Западного фронтов и откровенные «ошибки» армии под командованием Тухачевского. В итоге наступление на Варшаву было сорвано, а в плен к полякам попали десятки тысяч красноармейцев. Их судьба, как известно, оказалась весьма драматичной: многие из них погибли в польском плену из-за болезней и скотского обращения. А кроме того, государственная граница, произвольно установленная поляками, фактически оторвала от России значительный кусок территории. В результате миллионы русских, проживавших в западных областях Белоруссии и Украины, почти на двадцать лет оказались под властью польской шляхты.

Эта историческая несправедливость была ликвидирована лишь в сентябре 1939 года в результате освободительного похода Красной армии.

Валерий МЕДВЕДЬ,
Сергей ДОЦЕНКО

УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Строящийся Амурский газоперерабатывающий завод (далее — ГПЗ) в районе города Свободный Амурской области должен стать одним из крупнейших предприятий в мире по переработке природного газа, важным звеном технологической цепочки поставок природного газа в Китай по газопроводу «Сила Сибири». На ГПЗ будет поступать газ Якутского и Иркутского центров газодобычи, которые «Газпром» создаёт в рамках Восточной газовой программы. На строительство ГПЗ «Газпром» привлёк рекордную сумму в 800 млрд. руб. (около 11,4 млрд. евро). Это крупнейший проект, он позиционируется как самый крупный в РФ завод по переработке природного газа с проектной мощностью до 42 млрд. кубометров в год, при этом работы выполнены на 30%. Плановый срок запуска — 2024 г.

На стройке Амурского ГПЗ работают около 31 000 человек. Контракт с турецкой компанией на его строительство был подписан в 2018 г.

Но 13 июля 2020 г. иностранные рабочие, строящие ГПЗ, закидали камнями офис работодателя, вывели из строя оборудование. По данным из многих источников, в ночь с 13 на 14 июля протестующие взяли в заложники несколько

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

инженеров и потребовали погашения задолженности по заработной плате. В город были стянуты силы МВД и Росгвардии. Ситуацию удалось разрешить ценой больших усилий.

На опубликованных в медийных СМИ видеозаписях видно, как рабочие-мигранты крушат административное помещение. На других фрагментах видно, что руководство предприятия и его охрана, опасаясь расправы со стороны рабочих, ретировались с территории объекта.

По версии рабочих, большинство из которых из Казахстана, Киргизии, Узбекистана и Турции, нанявшая их подрядная фирма три месяца не платила зарплату. По данным прокуратуры, имеющее турецкие корни ООО Renaissance Heavy Industries в одностороннем порядке удержало из зарплаты более 1000 работников средства для оплаты патентов на осуществление трудовой деятельности за два месяца. Компания отделалась административным делом, участникам бунта угрожает уголовное преследование по части 2 статьи 212 («массовые беспорядки») и по части 2 статьи 213 («хулиганство») УК РФ, сообщает ТАСС.

Бесспорно то, что работники должны получать в установленный срок достойную заработную плату. Нам непонятно, почему на строительстве предприятия стратегического назначения должна работать **иностранная** компания, привлекающая для работы **иностранных рабочих**. В данном случае работодатели, ничтоже сумняшеся, ради выгоды на копейку, рискуют навлечь неприятности для своей страны на многие миллионы, которые будут погашаться уже не ими, а нами, налогоплательщиками. Но дело не только в этом. Речь тут не о «штрейкбрехерстве» дешёвой рабочей силы и не о тех деньгах, что утекают из страны и финансируют чужие экономические системы.

Ни для кого не секрет, что на территории нашей страны в качестве трудовых мигрантов находятся **миллионы** выходцев как из стран, ранее входивших в состав СССР, так и не входивших в его состав, но являющихся «питательной средой» для радикального ислама и, соответственно, агентуры ИГИЛ (террористическая организация, запрещённая на территории РФ).

С распадом СССР в этом регионе мусульманские радикалы имеют крепкие позиции. А в связи с особенностями восточного менталитета, предполагающего безоговорочное подчинение младших старшему, при возникающих массовых беспорядках безобидные «трудовые мигранты» превращаются в разрушительное оружие и могут представлять серьёзную опасность. Известно, что при массовых беспорядках возникает психологический эффект «**деиндивидуализации**» или в бытовом обиходе — эффект «толпы». А.Л. Свенцицкий пишет: «Деиндивидуализация — это утрата чувства индивиду-

альной идентичности и ослабление запретов применительно к поведению, которое не соответствует внутренним нормам индивида» (Социальная психология. М., 2004, с. 195).

Каждый в отдельности индивид после погружения в агрессивную среду превращается в погромщика, т.е. разделяет все самые отвратительные свойства толпы. Действует, не задумываясь, как автомат. Пока он в толпе, да ещё и в маске, он способен ломать, крушить, захватывать людей в заложники, избивать, даже убивать. А если умножим всё это на воздействие наркотиков и психотропных препаратов и добавим фундаменталистские лозунги, то что получится? Правильно — ферганская резня турков-месхетинцев июня 1989 г., пресечённая с участием курсантов-старшекурсников Орджоникидзевского высшего военного командного Краснознамённого училища имени С.М. Кирова МВД СССР, воинов других воинских частей внутренних войск, парашютно-десантных частей Воздушно-десантных войск.

По данным комиссии ЦК Компартии Узбекской ССР, во время произошедших 31 год назад событий погибло 103 человека, из них 52 турка-месхетинца, 36 узбеков, травмы и увечья получили 1011 человек, было ранено 137 военнослужащих внутренних войск и 110 сотрудников милиции, один из которых скончался; сожжено и разграблено 757 жилых домов, 27 государственных объектов, 275 единиц автотранспорта. Следует отметить, что турки-месхетинцы погибли от рук преступников, а узбеки, действовавшие в группах погромщиков, — в основном от действий правоохранителей. Накал страстей был таков, что резиновые палки и слезоточивый газ правонарушителей не останавливали. Военным и милиционерам пришлось применять автоматическое стрелковое оружие на поражение.

А теперь представим, что бесчинствующая толпа в несколько десятков тысяч человек, доведённых до нужного психоэмоционального состояния, крушит объекты инфраструктуры, убивает, грабит, насилует, будучи совершенно не связанной ничем ни с территорией массовых беспорядков, ни с населением, проживающим на этой территории. И что повод для гнева людей умело создают, а агрессию толпы поддерживают и направляют в нужное русло опытные поводыри, являющиеся эмиссарами террористических организаций или (что, порой, то же самое!) резидентами спецслужб враждебных для России государств...

Среднеазиатское восстание 1916 года — вооружённое выступление мусульманского населения среднеазиатских владений Российской империи против русских поселенцев и централь-

ной власти, вызванное трудовой мобилизацией и осложнённое межэтническим напряжением. Непосредственным толчком к началу восстания стал царский указ о привлечении на тыловые работы в прифронтовых районах мужского населения в возрасте от 19 до 43 лет включительно. Недовольство восставших также было обусловлено отъёмом правительством земель и передачей их в собственность русским переселенцам, нищетой, насильственной реквизицией скота у коренного населения. Местное духовенство в своих проповедях также возбуждало в населении недовольство политикой центральных властей.

Итог известен — на огромной территории развернулись широкомасштабные массовые беспорядки, сопровождаемые погромами и резнёй русского населения. Число жертв исчислялось, по разным источникам, многими тысячами. Регулярные войска, в которых остро нуждался фронт Первой мировой войны, были задействованы в глубоком тылу для обеспечения общественной безопасности. Вместо запланированных 480 000, к февралю 1917 г. удалось мобилизовать на тыловые работы лишь около 123 000 чел. Как указывал депутат Государственной думы кадет Василий Степанов, восстание и его подавление создали *«глубокую рытвину между местным населением и властью, превратив их в два враждебных лагеря, и в то же время привела к интенсивному росту национального самосознания народов края»*.

Большевики, вначале приветствовавшие «рост национального самосознания», вскоре, всего через пару лет, столкнулись с таким его проявлением как проблема басмачества. Причём, если доподлинно неизвестно, играли ли какую-нибудь роль в восстании 1916 г. иностранные спецслужбы (не считая эпизодически распространяемых турецкими агентами воззваний и прокламаций), то в организации басмачества они, несомненно, играли ведущую роль. И хотя, по официальной версии, басмачество как организованная сила было ликвидировано по всей Средней Азии в 1931—1932 гг., фактически оно продолжалось вплоть до 1942 г. Современная британская историография участия британских разведчиков в движении басмачей не отрицает, недавно рассекречены материалы по некоторым сотрудникам британской военной разведки, работавшим в то время в Средней Азии. Известны и следы организаторской работы гитлеровских спецслужб, стремившихся повторить во время Великой Отечественной войны эффект среднеазиатского восстания 1916 г. К чести сотрудников НКВД СССР и руководителей местных советских и партийных органов, в Средней Азии им это сделать не удалось, несмотря на помощь заброской немецких парашютистов и диверсионных групп, укомплектованных кол-

лаборационистами. А вот на Северном Кавказе Абверу некоторых успехов удалось добиться и даже оттянуть на борьбу с националистическими бандформированиями силы Красной Армии и внутренних войск НКВД.

И, как мы знаем, данные сценарии не раз приводили к гибели государств, к провалам в политике, поражению в войне. Нельзя забывать уроки нашей и мировой истории.

В Стратегии национальной безопасности совершенно ясно сказано: *«Основой общероссийской идентичности народов Российской Федерации является исторически сложившаяся система единых духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей, а также самобытные культуры многонационального народа Российской Федерации как неотъемлемая часть российской культуры»*. Повторим: людей, совершенно не связанных с народами, традиционно проживающими в России, их культурой, традициями, совершенно не знающих ни русского языка, ни языков этих народов, на её территории находятся уже **миллионы**. При умелой организации действий, материального обеспечения, пропагандистского и психологического сопровождения они могут полностью парализовать работу тыла, оттянуть на себя значительную часть ресурсов и воинских контингентов.

Нашему нынешнему правительству пора кардинально пересмотреть политику своих предшественников в отношении трудовых мигрантов. Ужесточить миграционное законодательство, точно пропуская через фильтр только действительно ценных специалистов. Для Российского государства сейчас, как никогда, это жизненно необходимо.

Константин НОВИКОВ

УНИЧТОЖАЮЩИЕ ПАМЯТЬ

Безобразная история со сносом в Сочи Монумена подвигу русских солдат в форте Святого Духа может иметь далеко идущие последствия...

Напомним, уничтоженный памятник был установлен на месте останков крепости Святого Духа, заложенной в 1837

году, спустя две недели после высадки десанта русской армии на мыс Адлер. Архитектурная композиция была представлена в виде возвышенности с изображением карты форта.

В 30-х годах XIX века форт Святого Духа служил укреплением Черноморской береговой линии и был одним из важнейших стратегических пунктов побережья. В июне 1837 года русские солдаты и офицеры вели ожесточенный бой с горцами. Известно, что в ходе боя от вражеской пули погиб поэт Александр Бестужев-Марлинский. Основание крепости Святого Духа стало днём основания города Адлера, входящего ныне в состав Большого Сочи.

Инициатива создания памятного знака принадлежала депутатам городского собрания Сочи, священникам Свято-Троицкой церкви, участникам военно-исторического общества и сотрудникам музея истории Адлерского района. В церемонии открытия монумента участвовали казаки, представители муниципалитета, национальных диаспор, ветераны боевых действий и военнослужащие.

Однако установка памятного знака вызвала протест со стороны националистов, выступающих от имени адыгских народов. Памятный знак посчитали «оскорбительным, искажающим историческую действительность, сеющим межнациональную рознь, болезненно напоминающим о Кавказской войне, демонстрирующим силу России малым народам» (и, видимо, «угнетённым») и многая прочая...

В итоге решением администрации Сочи памятник был демонтирован, о чём протестующим было торжественно объявлено.

Председатель Краснодарской краевой организации «Адыгэ Хасэ причерноморских адыгов-шапсугов» Маджид Чачух сообщил, что на встрече в администрации Сочи, куда он был приглашён, «власти признали, что памятный знак был поставлен без необходимых согласований, с очень большими ошибками, без обсуждения с представителями коренного народа. Общественный резонанс такой был, что всё это дошло на высший уровень... и глава города принял решение о демонтаже памятника».

История эта откровенно безобразная. Вначале скажем о том, что лежит на поверхности событий. **В преимущественно русском Сочи сносят памятник русским воинам!** Разрушают памятный знак о подвиге русских солдат и об основании города Адлера! Снос происходит по требованию адыгских националистов, выступающих от имени местных крайне малочисленных шапсугов и от имени народов соседних республик Северного Кавказа. Уничтожается монумент, не несущий в себе ничего оскорбительного, его композиция подчеркнута нейтральна и включает в себя лишь тумбу с картой форта. Монументом данное

сооружение можно назвать с большой натяжкой, это очень скромный памятный знак на месте основания города Адлера.

В мотивировке администрации Сочи одной из причин сноса памятника стало то, что установлен он был «без обсуждения с представителями коренного народа». Получается, по этой логике, всё памятное в Большом Сочи и, видимо, в Краснодарском крае должно получать изначальное одобрение «коренных народов», но не русских, а шапсугов, адыгейцев, черкесов, доля которых вместе взятых в общем числе жителей Сочи и Краснодарского края находится в пределах статистической погрешности! **Русские, таким образом, из числа «коренных народов» вычеркиваются, более того, ставятся в положение народа второго сорта по отношению к «коренным»!**

Вряд ли необходимо комментировать откровенную абсурдность решения об уничтожении памятника и оскорбительность этого шага для русских.

Одновременно трудно не провести параллель с вакханалией сноса памятников разворачивающейся сейчас в Америке. И тут и там уничтожение исторического наследия происходит по требованию национальных меньшинств, считающих себя коренными, обиженными, привилегированными со всеми вытекающими из этого комплексами и претензиями к молчаливо-покорному большинству.

При этом очевидно, что задачей разогрева страстей в войне с историческим наследием является не удовлетворение амбиций лидеров меньшинств, а ампутация и подавление исторической памяти сложившегося этнического большинства, лишение его корней, гордости за прошлое, а значит, и уверенности в будущем.

Прививка комплекса вины — оружие в глобальной войне против суверенитета государств и народов. С Россией это пытались проделать сразу после крушения СССР, когда русским навязывалось чувство вины за «преступления сталинизма» и «советский тоталитаризм». Тогда сделать русский народ виноватым за всё и вся не вышло, но попытки не прекращаются. И причины этого очевидны.

Россия находится в центре борьбы мировых сил, должна быть и будет опорой народов, не согласных на растворение в «человечьем винегрете». Господь судил русским людям быть земным орудием Удерживающего в борьбе с апостасией. Поэтому, наивно ожидать, что русский народ оставят в покое, что нас не попытаются лишить нашего прошлого, а, значит, и будущего. И нам недопустимо сидеть сложа руки, не пытаясь противостоять попыткам вычеркнуть нас из истории.

Русская народная линия

ДВА МИЛЛИАРДА ДОЗ ВАКЦИНЫ

Америка, похоже, просыпается от затянувшейся потребительской спячки. Количество выступающих против вакцинации в США стремительно растёт, народ негодует... Во главе протестного движения стоит Роберт Ф. Кеннеди-младший.

Кеннеди является частью известной политической семьи, будучи сыном сенатора Роберта Ф. Кеннеди и племянником президента Джона Ф. Кеннеди (оба были убиты в 1960-х годах). Экологический активист, писатель и адвокат, специализирующийся в области экологического права. Стронник теории зависимости вакцинации и аутизма. В 2016 году Роберт Ф. Кеннеди и Роберт Де Ниро сняли скандальный фильм «VAXED» («Отвакциненные»). В фильме разоблачается ложь и подлоги Центра по контролю за заболеваниями США.

В мае сего года Роберт Ф. Кеннеди открыто заявил о своей позиции в отношении вакцинации от коронавируса и тотального контроля над гражданами. Он смело обличает Р. Гейтса и биотехнологические корпорации, является организатором многотысячных акций протеста против тотальной вакцинации в штате Калифорния. Он в частности подписал обращение, созданное архиепископом Карло Марией Вигано, направленное на повышение осведомленности населения стран мира, правительств, учёных и средств массовой информации о серьезных опасностях для свободы личности, возникших во время распространения Covid-19.

«Мы требуем от руководителей правительств стран мира обеспечить строгое исключение форм контроля над людьми, — написано в обращении, — будь то с помощью систем отслеживания или любой другой формы определения местонахождения человека. Борьба с коронавирусом, какой бы серьезной она ни была, не должна служить предлогом для поддержки скрытых намерений транснациональных корпораций,

имеющих очень сильные коммерческие и политические интересы в этом плане. Мы требуем, чтобы гражданам была предоставлена возможность отказаться от вакцинации и ограничений личной свободы без какого-либо наказания и штрафов».

В обращении, в том числе, указывалось, что для католиков «морально неприемлемо разрабатывать или использовать вакцины, полученные из материала от абортированных плодов».

Среди подписавших обращение — сотни политиков, юристов, публицистов, священников, медиков, вирусологов. Списки американской элиты, открыто выступающей против тотального контроля и вакцинации, находятся в открытом доступе в сети. Роберт Ф. Кеннеди предупредил американцев, что следует проявлять осторожность в отношении любой новой вакцины против коронавируса. «Разработчики вакцины от фармацевтической компании Moderna, которая является ведущей в этой сфере, в погоне за выгодой, искусственно сократили сроки изготовления вакцины, они пропустили тестирование препарата на животных», — сказал Кеннеди во время онлайн-дебатов, посвященных проблеме принудительного вакцинирования населения в США. Оппонентом Роберта Ф. Кеннеди был профессор Гарвардского права Алан Дершовитц. Дершовитц известен тем, что предоставлял юридические консультации и защищал таких тяжеловесов, как Дональд Трамп, Джеффри Эпштейн и Джулиан Ассанж.

По словам Кеннеди, «тестирование вакцины от Moderna оказалось провальным». Вакцина была протестирована на 45 подопытных, из которых четыре человека заболели и были госпитализированы с тяжелыми травмами иммунной системы. «Но, несмотря на эти серьезные проблемы, — продолжает Кеннеди, — Moderna всё равно заказывает два миллиарда доз этой отравы. Они очумели?» К слову, население США — 329 миллионов человек. Интересно, кого еще собирается вакцинировать Moderna? «Гейтс, похоже, уверен, что кризис Covid-19 теперь даст ему возможность реализовать свои диктаторские программы вакцинации во всём мире».

«Другая проблема с тестированием вакцины против коронавируса заключается в том, что она тестируется не на «типичных американцах», а на тщательно отобранной группе людей, которые не страдают никакими заболеваниями», — объяснил Кеннеди. И подчеркнул: «Поймите, это отнюдь не гипотетическое заявление, что вакцины вызывают травмы, и что травмы эти на самом деле не редки. За последние три

десятилетия суды по вакцинам в США выплатили четыре миллиарда долларов пострадавшим от недобросовестной вакцинации».

Он упомянул еще одну причину не доверять любой компании, которая в настоящее время производит вакцины в Соединенных Штатах: «Все ведущие компании — производители вакцин, а именно, Moderna, Glaxo, Sanofi, Pfizer, Merck, являются осужденными серийными преступниками. За последние 10 лет они выплатили 35 миллиардов долларов в виде уголовных наказаний и штрафов за ложь врачам, за мошенничество и фальсификацию в науке, за сознательное убийство сотен тысяч американцев. Криминальная корпоративная культура этих компаний очевидна. Преступление — это то, чем они зарабатывают колоссальные деньги, и я убежден в том, что и сейчас они не остановятся в своих беззакониях».

Комментарии к видео дебатов между Кеннеди и Дершовицем единодушно указывали на то, что Кеннеди выиграл. Дершовиц согласился со многими пунктами, утверждая, однако, что с точки зрения конституционного права вакцина против коронавируса может стать обязательной, и что «государство имеет право насильно доставлять граждан в кабинет врача, чтобы вонзить иглу в их руку».

У нас в России таких, как Роберт Ф. Кеннеди, называют «маргиналами» и «конспирологами», высмеивают в публичном пространстве, крутят пальцем у виска. И это не удивительно. В Америке всё то же самое.

Еще в 20—30-х годах XX века известный чешский писатель Карел Чапек написал брошюру под названием «Двадцать приёмов литературной полемики, или Пособие по газетным дискуссиям», в которой описал не только способ создания «теории заговора» и отнесения к нему наравне с реальными фактами фантастических с целью их дискредитации, но и основные методы сокрытия и искажения неудобных фактов и событий ради «уничтожения» оппонента. Эту работу можно отнести к основам современного искусства ведения полемики, известного под названием «троллинг». Так что ЦРУ отнюдь не является пионером в этой сфере.

В американской истории существует огромное количество случаев, когда факты и события сначала были отнесены к «теории заговора», осмеяны и дискредитированы, а затем по прошествии годов они получили свое подтверждение. Последний пример — признание Дональда Трампа о том, что башни-близнецы были взорваны, а не обрушились вследствие воздействия на них пассажирских самолетов. То есть, когда неудобные факты и события начинают мешать властям и

элитам, тогда они причисляются к фантастическим конспирологическим явлениям и дискредитируются, пока через какое-то время эти «заговоры» не получают своего документального подтверждения. Но, как говорится, «поезд уже ушёл», цели достигнуты и к неудобным фактам никто уже не возвращается.

Так что будем бдительны!

Валерий ФИЛИМОНОВ

ВСЁ ИСПОЛНЯЕТСЯ НА НАШИХ ГЛАЗАХ

Систему видеоидентификации на основе распознавания лиц запустили в Астраханском государственном техническом университете (АГТУ). Система узнает человека, даже если он в медицинской маске, сообщили в пресс-службе АГТУ. «В Астраханской области комплексная система видеоидентификации внедрена впервые. Студенты и сотрудники получают доступ в АГТУ без дополнительных пропусков и удостоверений: система распознает человека по лицу, даже если он в медицинской маске. Системы полностью адаптированы к техническому и информационному обеспечению АГТУ. Еще до внедрения систем на территории студенческого городка были установлены около 300 видеокамер, турникеты и электронные замки», — говорится в сообщении пресс-службы».

Никто даже не задумывается, как людей, созданных по образу и подобию Божию, превращают в жёстко контролируемое в режиме реального времени оцифрованное стадо «био-объектов». А где же гарантированные Конституцией РФ достоинство личности, свобода и личная неприкосновенность? Человек становится ходячим идентификатором самого себя!

Тем не менее, организаторы электронного цифрового загона в студенческую городке с удовлетворением сообщают: «Скорость распознавания лиц системой «Визирь» — менее одной секунды. Для ее работы не требуется контакт человека со специализированным устройством, например, сканером отпечатков пальцев... Для эффективного распознавания лиц система способна визуализировать такие биометрические данные, как возраст, пол, температуру и эмоции. При использовании определенного вида камер они позволяют автоматически проверять температуру людей на входе в здание». Итак, система способна даже распознавать психоэмоциональное состояние человека в режиме реального времени! Вот одно из применений искусственного интеллекта.

Показательно, что античеловеческая система распознавания лиц внедряется в АГТУ под эгидой главного ростовщика России — Сбербанка, претендующего на контроль за персональными данными десятков миллионов граждан нашей страны. Трехминутный ролик даёт полное представление о духовном состоянии её строителей и пользователей, добровольно отдавших ростовщикам свои сугубо конфиденциальные биометрические данные. Люди просто не понимают, к каким последствиям может всё это привести. В ближайшем будущем «новшество» намерены распространить на другие вузы и учреждения Астраханской области.

Вспоминается, как за шесть столетий до наших дней прозорливый византийский Старец точно описал времена тирании антихриста: «Каждый человек будет под учетом: каждое не только дело, но и жизнь, но и слово и даже душевное движение его будет под непрерывным надзором и наказанием, так что человек отучится и думать из боязни, чтобы на лице его невольно не отразилось нечто не созвучное власти всемирного правителя, то есть антихриста. Всякий труд и каждая пядь земли, и горсточка зерна будут во власти антихриста... И только принявшему на себя знамение зверя, то есть сатаны, будет позволено до времени существовать, хотя и в самых рабских и низких условиях крайней нищеты и попрания человеческого достоинства, принятого человеком от его Творца. Всё будет сделано с той целью, чтобы имя Христово совершенно было похищено из сердца человека. Поистине наступит адское царство на земле. Людей Божиих останется очень мало. Братья, внимайте знамениям наступления конца мира, которые нам открыл Господь наш Иисус Христос и Его пророки и апостолы, не ослабевайте в вашем уповании на Бога» («Размышления смиренного сердца». Пер. с греч. архимандрита Амвросия (Погодина). М.: «Скит», 1994).

Великий старец точно описывает адское царство на земле, строительство которого ныне близится к своему завершению. Оно уже вступило в решающую фазу. Очень печально, что многие, в том числе, именующие себя православными, слышать об этом не хотят. Почему? Потому, что не желают внимать явным знамениям времён. Не задумываются они и о том, что цифровая идентификация и аутентификация личности является ключевой составляющей процесса построения единого наднационального глобального цифрового общества, которое со временем возглавит описанный в Священном Писании «сын погибели»...

Игорь РОМАНОВ,
доктор социологических наук

КТО СКРЫВАЕТСЯ ПОД МАСКОЙ?

Продавец на кассе в супермаркете требует надеть на лицо маску. Тряпочную бело-голубую повязку с резинками, которые цепляются за уши. У нас здесь, в южном Приморье, сейчас жарко. Август, горячее, почти тропическое солнце. Продавщица настаивает на маске. Мужчина лет шестидесяти, один из постоянных прихожан нашего храма, уже набрал продукты. И теперь спокойно отказывается от маски, объясняет, что ему жарко, «нечем дышать и аллергия от этих масок». Молодая женщина, продавец на кассе, злится. «Нет, вы её наденете!» — жестко и ультимативно говорит она, имея ввиду маску, которую держит в руках.

Она как будто почувствовала какую-то власть. И это, конечно, не её власть. Она сама в чьей-то злой власти. И в этой злой власти не только эта несчастная продавщица, требующая от человека, вопреки его воле, нацепить на лицо в жару в общем-то бесполезную тряпку. Никакими медицинскими нормами не объяснить этот абсурд. Просто так надо. Зачем? Неважно. Всемирная организация здравоохранения постановила. Но ведь уже многие факты и заявления авторитет-

ных людей подтверждают, что эта организация — мошенническая и вообще преступная.

Продавец в магазине, может быть, даже не знает ни о какой Всемирной организации здравоохранения. От неё просто этого требует её работодатель. А от работодателя требует мэр города. От мэра — губернатор, от которого требует вовсе не президент, а вообще неизвестно кто. Но в конечном итоге все эти требования исходят с далёкого всемирного уровня. Там, на этом мировом уровне, сидят какие-то важные люди, которые принимают откровенно идиотские и даже античеловеческие решения. И все почему-то эти решения поддерживают. Полный и откровенный идиотизм — залепить себе рот тряпкой в тридцатиградусную жару и шарахаться от каждого прохожего на расстоянии 1,5—2 метра. Форменный идиотизм. Но большинство граждан даже в нашей независимой России этот идиотизм поддерживают. Конечно, многие не добровольно это поддерживают. И продавец — настойчивая и даже агрессивная женщина — вынуждена поддерживать. Если она заявит, что это идиотизм, её выгонят с работы.

Страх лишиться работы, страх лишиться каких-то социальных возможностей, страх в конце концов стать изгоем общества заставляет нас принимать откровенно античеловеческие порядки. Маска на лицо — это не медицинская, а социальная мера. Так же, как установленная между людьми дистанция, которая так и называется — «социальная». Социальные меры, направленные на дрессуру общества. Не хочешь гулять на поводке с намордником — будешь сидеть на цепи. Выбор в общем-то небольшой, и строится он на том, что человек в представлении людей «мирового уровня» проишёёл от обезьяны. А поскольку мы давно согласились с этим идиотским и оскорбительным лжеучением, то к нам и относиться как к животным. И если мы превратимся в непослушных «животных», то нас либо уничтожат, либо лишат возможности получать корм и необходимые для жизни условия.

В Приморском крае уже прямо об этом говорится на уровне официальной власти: «За повторяющиеся нарушения предусмотрено наказание в виде запрета на оказание услуг». За людьми уже следят тысячи видеокамер. Камеры фиксируют всех, кто появляется в местах массового скопления людей без маски с нарушением социальной дистанции. При этом о людях, как о каких-то глупых животных, говорится: «массовые скопления»... Это не случайная терминология, не случайные требования.

Теория Дарвина, которой следуют современные социал-дарвинисты, захватившие власть в мире, низводят человека на уровень животного. При этом человек, как определяют социал-дарвинис-

ты и зеленые фашисты, «самое худшее животное» — человек «загрязняет природу», «наносит вред всему животному миру» и т.д.

Сегодняшние нормы, определяющие поведение людей в условиях угрозы коронавируса, заметно связаны с социал-дарвинистскими взглядами на человека и его жизнь. Ещё в начале распространения вируса в мире многие авторитетные люди выражали мнение, что эта ковидная зараза создана искусственным образом, чтобы заставить общество жить по определенным социал-дарвинистским нормам. Социал-дарвинистская терминология сопутствует всемирной борьбе с вирусом. Мы уже слышали, что для приобретения человечеством иммунитета к заразе, нужно, чтобы «переболело 70% стада» — об этом говорил мелькавший на экранах некий доктор Мясников. Некоторые академики уверенно заявляют о том, что должны инфицироваться «семьдесят-восемьдесят процентов популяции» или «семьдесят процентов человеческих особей» для приобретения коллективного иммунитета. Эта терминология, этот цинизм — из области социал-дарвинизма, мальтузианства, античеловеческих теорий регулирования численности населения.

Удивительно, что современные либералы-«правозащитники» могут орать о чем угодно, возмущенно рассказывать на каком-нибудь «Эхо Содома» о нарушении прав лошадей Невзорова и скунсов Макаревича. Но про то, как вопреки воли человека на его физиономию натягивают маску, они помалкивают.

Социал-дарвинизм, как известно, был горячо принят германскими фашистами. Фашисты смотрели на человечество как на стадо дарвиновских обезьян.

Неудивительно, что главный удар современных социал-дарвинистов, использующих в качестве повода новую заразу, пришёлся на Православную Церковь. Церковь учит тому, что человек — это любимое создание Божие, что человек призван к святости, к богоподобию. А социал-дарвинисты, мальтузианцы, евгеники определяют человека как «худшее животное на земле». Они заявляют, что этих худших животных слишком много и их численность необходимо убавить. Кстати, немало доказательств того, что именно ВОЗ занималась разработкой и внедрением вакцин, которые приводили к бесплодию, сокращая рождаемость населения в ряде стран.

Сейчас нам говорят о новой вакцине против нового вируса, при этом заявляют, что вакцинация будет добровольной. Однако вряд ли следует сомневаться, что без прививки от ковида из вас постараются сделать изгоя общества, точнее, «стада». Ведь паспорт здоровья, который от нас потребуют при пропуске в то или иное учреждение, должен будет содер-

жать отметку о сделанной прививке от ковида. Нет прививки — нет услуги, нет еды, жилья, человеческого общения. Без добровольной прививки от ковида ты просто должен самоизолироваться от всех в гробу на кладбище. Добровольно.

Как же это случилось, как произошло, что мы, обыкновенные, законопослушные граждане, стали «худшими из животных», оказались под подозрением собственной власти, перешли в разряд обвиняемых и преследуемых лишь за то, что не хотим носить на своем лице маски? А всё потому, что семьдесят-восемьдесят процентов из нас просто отказались от Бога. Многим из нас Дарвин и дарвинисты со всей своей совершенно ненаучной фантастикой оказались ближе, чем Господь Бог. Нам почему-то легче поверить в то, что мы произошли от обезьяны, а история человечества — это сплошная борьба, битва между особями и популяциями за свое существование, за место под солнцем, как утверждают социал-дарвинисты.

...Несчастливая продавщица, которая с какой-то непонятной злобой требовала от человека нацепить маску, как будто чувствовала в себе какую-то власть. Власть над людьми: она, молодая продавщица в супермаркете, может потребовать и может заставить. Потому что у неё «есть право». Право — не продать человеку пищу. Девушке на кассе явно нравилась её власть...

Человек, от которого грубо и ультимативно потребовали «надеть маску», молча оставил продукты на ленте у кассы и спокойно вышел из магазина. Человек ушёл из этого магазина, помня о том, что он — Человек.

Александр КАЗИН,
доктор философских наук

НОВЫЕ «СРЕДНЕНЬКИЕ ЕВРОПЕЙЦЫ»?

Тревожно стало в мире. Недавно мы наблюдали этнические-политические бури, снос памятников и коленапреклоненную полицию в Америке и Европе. Потом рвануло в Белоруссии. До разрушения памятников вроде бы пока не дошло,

но кто поручится, что не дойдет? На Украине ведь случился «ленинопад». Правда, недовольные выборами белорусы клялись в том, что они европейцы, и даже убирали после своих акций за собой мусор... Чистота на улицах — это похвально, но знают ли эти аккуратные люди, что значит сегодня быть европейцем — настоящим, законченным, «щирым», как говорят на Украине?

Вряд ли самопровозглашенный «национальный лидер» белорусского народа г. Тихановская читала Константина Леонтьева — этого пророка, эстета и тайного монаха. Особенно рекомендую две его работы: «Национальная политика как орудие всемирной революции» и «Средний европеец как орудие всемирного разрушения». Уже много раз отмечалось, что в прошлом и в начале нынешнего века сбываются практически все философские, культурологические и национальные прогнозы этого удивительного человека, вплоть до деталей. У него чёрным по белому описано, к чему идёт сегодня на деле глобальная рыночная цивилизация: *к утрате смысла жизни*. Его не заменишь ни усадьбами, ни Mercedesами, ни футболом, ни трансгендером, ни компьютерным сексом, ни демократией. Возведя в образ будущего комфортабельную сытость — *конечное бытие без тайны* — нация (как и человек) теряют метафизическую перспективу, утрачивают образ Божий в себе, и конец такой нации и человека уже виден в буквальном смысле слова. Половину циркулирующей в интернете информации, к примеру, составляет порнография разных сортов, и это подсчитано в килобайтах. Осталось только перенести её из «виртуала в реал», что уже и происходит под знаменами *прав человека* среди *самых цивилизованных* наций. Не случайно посольство США в Москве вывесило на своем фасаде радужный флаг.

Местечковый (хуторской) «национализм» есть абсолютизация псевдонации, ее обожествление, превращение в нечто *высшее*, подобно тому, как индивидуализм есть превращение в «бога» самого себя. В этом и состоит собственно местечковая *национальная революция*, какими бы свободолюбивыми лозунгами она ни маркировалась. Под революцией вообще Леонтьев понимал всемирный либеральный прогресс, вместе с определяющим его типом человека — собственника и эгоиста. И как раз в нём он видел главную угрозу мировой истории. А в буржуазных «националистах» усматривал людей, которые сознательно или бессознательно способствуют утверждению на вершине мировой пирамиды такого «обезьяночеловека».

В наше время указанный процесс созрел до откровенного

«инферногенеза» — всё более очевидной демонизации социума, сейчас уже постхристианского, а скоро и антихристианского. Гениально писал Леонтьев: «Не ужасно и не обидно было бы думать, что Моисей всходил на Синай, что эллины строили свои изящные акрополи, римляне вели Пунические войны, что гениальный красавец Александр в пернатом каком-нибудь шлеме переходил Граник и бился под Арбеллами, что апостолы проповедовали, мученики страдали, поэты пели, живописцы писали и рыцари блистали на турнирах для того только, чтобы французский, немецкий или русский (в том числе украинско-белорусский. — А.К.) буржуа в безобразной и комической своей одежде благодушествовал бы «индивидуально» и «коллективно» на развалинах всего этого прошлого величия?»

Возьмите классическую русскую литературу и философию — где вы найдёте апологию либерального «национализма» или рыночного индивидуализма? Может быть, это Чичиков — подлец-приобретатель? Или Штольц — немец-бизнесмен? Русский гений, от Чаадаева до Бердяева, сплошь антибуржуазен, и большевики (левые западники) успешно использовали эту соборную установку русского типа сознания в своих целях.

Пушкину принадлежит классический приговор русскому «европеизму»: «Россия никогда не имела ничего общего с остальной Европою; история её требует другой мысли, другой формулы».

Белорусский народ в своем духовно-цивилизационном ядре является естественной частью Русского мира — отнюдь не мира романо-германского и тем более англо-американского. Правильно сказал Александр Лукашенко в одной из своих речей — «ведь мы же русские!» Только почему-то белорусское телевидение вырезало эти слова своего президента из видеорепортажа...

Если говорить о европейской нации (нациях) как таковой в эпоху постмодерна, то она в своём массовом варианте представляет собой некий «мидл-класс», которого кто-то остроумно обозвал «быдл-классом», состоящим из обитателей мегаполисов, абсолютно оторванных от своих религиозных корней, природы и традиции. Его единственная идеология (она же религия и философия) — это массовое потребление вещей и эмоций. Хлеба и зрелищ — давняя формула. Средний культурный уровень населения в мире катастрофически снижается. Ныне, в 2020 году от Рождества Христова, мы имеем опасно разделённое по ключевым социальным признакам общество, почти мертвую культуру и почти безбожного чело-

века, живущего исключительно ради своего удовольствия — особенно в просвещенной Европе.

Надо называть вещи их собственными именами. Последняя книга Нового Завета называется «Апокалипсис», и многие, хотя и не все, знают, что там написано. Молочных рек в кисельных берегах в конце истории нам никто не обещал, а технический прогресс, построенный на песке нравственного нигилизма и пошлейшего прагматизма, в любой момент грозит взорваться тем или иным кризисом, и никогда нельзя поручиться, что он не будет последним. Главный кризис, собственно, уже произошёл: на философском языке он называется постмодерном, который окончательно («по совести») попрощался с разделением добра и зла в жизни, культуре и политике. На наших глазах на Западе происходит инволюция всего корпуса социокультурных связей в сторону тотальной эгоистически-прагматической модели.

В недалёком будущем мы можем столкнуться с полным исчезновением того, что когда-то называлось «благородством» (и было даже закреплено за особыми сословиями, что специально подчеркивал К.Леонтьев). Это и есть конец духовной истории человечества. В некотором смысле конец культуры, нравственности и искусства уже произошёл, только не все это заметили.

На этом фоне, однако, именно Россия — и шире, Русский мир — остаётся сегодня одним из немногих мест на земле, где ещё продолжается борьба против ниспадения человечества в то предсмертное состояние, которое Александр Зиновьев назвал «всемирным человеичником». Быть русским в XXI веке — значит принимать в этой борьбе сознательное участие. То же самое касается и «заграничных» русских (белорусов, в частности), если они хотят оставаться не просто «этнической биомассой», а быть на стороне светлых сил мироздания. Быть *русским со знаком качества*, как в своё время выразился нынешний президент Белоруссии.

Основной вызов русской, малорусской, и белорусской идентичности бросает в XXI веке духовное (и, как следствие, социальное и биологическое) растворение её среди постхристианских народов, обладающих на сегодняшний день рядом прагматических преимуществ, прежде всего информационного и технологического порядка. Нам вместе придется менять эту ситуацию.

Если постмодернистская глобализация будет продолжаться в том же направлении, то в перспективе, как ни печально это признать, христианской цивилизации, возможно, придётся трансформироваться в практиках скрытой («катаком-

бной») Церкви и сопутствующих ей социокультурных отношений. А оставшимся среди руин и симулякров «европейцам» придется выбирать между сотней оттенков серого, от inferнального темно-серого до средненького серенького — цветами заката Европы.

Валерий ГАБРУСЕНКО

«ИМПЕРИЯ НАОБОРОТ»

Стенания о том, что Россия выкачивала из республик СССР огромные материальные ресурсы до сих пор раздаются в Казахстане и Прибалтике, на Украине и в Закавказье. Как же было на самом деле. Вот некоторые цифры за 1990 год — последний полный год существования Советского Союза.

Производство ВВП на душу населения в РСФСР было 17,5 тыс. долл., а потребление — 11,8 тыс. долл., т.е. в 1,5 раза меньше, чем производство. В Белоруссии — соответственно 15,6 и 12,0, т.е. в 1,3 раза меньше.

Зато в остальных республиках было всё наоборот. В Латвии потребление на душу населения превышало производство в 1,6 раза (соответственно 26,9 и 16,5 тыс. долл.), в Литве — в 1,8 раза (23,3 и 13), в Эстонии — в 2,3 раза (35,8 и 15,8), в Киргизии — в 1,6 раза (11,4 и 7,2), в Казахстане — в 1,75 раза (17,7 и 10,1), в Туркмении — в 1,9 раза (16,2 и 8,6), в Узбекистане — в 2,6 раза (17,4 и 6,6), в Таджикистане — в 2,8 раза (15,6 и 5,5), в Азербайджане — в 2 раза (16,7 и 8,3), в Армении — в 3 раза (29,5 и 9,5), ну а в гордой Грузии, граждане которой были всегда при деньгах и к русским высокомерно относились как к нищим, так вообще в 4 раза (41,9 и 10,4). Даже на Украине, где ещё в советское время были твёрдо убеждены, что москали съедают украинское сало, потребление (13,3 тыс.) на 7,5% превышало производство (12,4 тыс.).

Что из этих цифр следует? Следует, во-первых, что уровень жизни во всех союзных республиках был выше, чем в России и в Белоруссии. Следует, во-вторых, что достигнут он был не собственным трудом, а за счёт эксплуатации России и отчасти Белоруссии. То есть Советский Союз был «империей наоборот» — не колонии кормили метрополию, а метрополия кормила колонии. Следует, в-третьих, что в СССР проводилась государственная политика дискриминации русского народа, и проводилась все 74 года Советской власти. Это и была та самая «ленинская национальная политика», начатая сразу же после Октябрьского переворота.

При всей нелюбви к советской власти современные власти продолжают ту же политику — теперь уже внутри РФ. Так в 2019 году дотации Чечне составляли 80% доходной части её бюджета, Ингушетии — 79%, Туве — 77%, Горному Алтаю — 69%, Дагестану — 67%, Карачаево-Черкессии — 67%. Причём проводят дискриминацию не только экономическую, но и дискриминацию социально-политическую, чего в СССР не было с середины 1930-х годов. Если в 1920-е годы дискриминация шла под флагом борьбы с «русским великодержавным шовинизмом», то в 1990-е годы — под флагом борьбы с «русским фашизмом», а с 2000-х годов — под флагом борьбы с «русским национализмом». А чтобы «борьба» стала победоносной и противник не смог оказывать сопротивления, были введены в Уголовный кодекс и активно задействованы статьи 280 и 282. К русофобам эти статьи, как правило, не применяются.

ПРОТУБЕРАНЦЫ

*РАЗМЫШЛЕНИЯ И ВОСПОМИНАНИЯ.
ФРАГМЕНТЫ КНИГИ*

2020 год
(Август)

Власть заразительна. И потому — и в Белоруссии, и в России — тот, кто долго находится у власти, патологически боится ее потерять. Любой из них понимает, что бесконечные президентские сроки — это незаконно и что, потеряв власть, они очень быстро окажутся под судом. И при такой перспективе им нужны любые поводы ради сохранения власти. В России для этого «обновили» Конституцию. В Белоруссии Лукашенко ухватился за российских «боевиков», якобы (по версии белорусского КГБ) прибывших его свергать...

Его пламенная речь, прозвучавшая в белорусском парламенте 4 августа, преследовала цель, с одной стороны, показать всему миру коварство России, а с другой — сплотить народ вокруг него, единственного «батьки» всех белорусов. Речь эта, по всей видимости, имела целью стать для Запада бальзамом на сердце. Местную оппозицию на короткое время она привела в растерянность, если даже не в ступор, т.к. должна была отнять у нее перед президентскими выборами часть электората, настроенного ан-

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

тироссийски. То есть «батька» в глазах этой части электората намеревался выглядеть более крутым антипутинцем, нежели оппозиционные лидеры. Это был хитрый ход ушло-го «батьки» (хоть и недальновидный), убивавший, как ему казалось, трех зайцев. Третьим зайцем, по плану лукаше-ковских советников, должна была стать «несговорчивая» Россия, точнее, ее президент, чтобы показать Кремлю, что он, «батька», может в случае чего окончательно повернуть-ся лицом и к США, и к Брюсселю, и к Украине... Конечно же, это был блеф. Белоруссия настолько в экономическом, политическом и военном отношении привязана к России, что отворачиваться от нее — смерти подобно для маленькой республики. Но пошантажировать кремлевскую верхушку накануне президентских выборов «батьке» было просто жизненно необходимо. И всё — из-за подкожного страха потери власти. Страх этот убивает разум и затмевает вся-кую логику.

Да, накануне выборов «хитроумная» задумка Лукашенко о 33-х российских «боевиках» (а в потенциале, как он ска-зал, их, готовых к засылке, было более двухсот) сыграла свою кратковременную роль. Тактически она его еще более при-подняла над всеми и без того несущественными претенден-тами на власть. Но стратегически, конечно же, он проиграл. В результате этой политической «игры» он еще более утратил доверие Кремля и довольно сильно подорвал симпатии к нему российского населения. Нарочитое политиканство не кра-сит никого, и если до сих пор многие русские в России ува-жали А.Лукашенко (хотя бы за то, что провел парад 9 Мая этого года и отказался от коронавирусного ажиотажа в своей стране), то после передачи Украине персональных данных 33-х арестованных российских псевдобоевиков — уважение к нему у них явно померкло.

Другое дело, что т.н. структуры ЧВК (частные военные кампании), чьими сотрудниками представлены арестован-ные в Белоруссии российские граждане, имевшие, по сооб-щению наших СМИ, билеты на перелет то ли в Турцию, то ли в Венесуэлу, сами по себе конституционно незаконны. По-просту говоря, это элементарные наёмники. И вообще-то их деятельность в нашей стране должна быть запрещена. Одна-ко правоохранные органы, как и ФСБ, почему-то за-крывали на них глаза... И в результате эти люди оказались втянутыми в чью-то провокацию и чужую антироссийскую «игру», которая чревата для них очень неприятными послед-ствиями. А ведь на самом деле всё это похоже на провал рос-сийских спецслужб...

Но самое печальное то, что на наших глазах происходит резкая деформация отношений между двумя союзными государствами: Россией и Белоруссией. И возможна она, вернее, даже неизбежна тогда, когда главным опасением для их руководства является потеря власти.

* * *

Моя уверенность в том, что вывоз в Белоруссию и захват 33-х российских «богатырей» были подготовлены в качестве спецоперации украинской СБУ и осуществлены белорусским КГБ, 7 августа подтвердили российские СМИ. В какой-то степени это, конечно, смягчит критику Лукашенко со стороны российских политических аналитиков — «батька», мол, просто доверился сигналам киевских друзей и собственных спецслужб о неких «диверсантах», проникших к ним, и решил элементарно подстраховаться... И теперь, когда во всём разобрались, он, сохранив лицо, пойдет на попятную и отпустит домой ни в чём не повинных, попавших в глупейшую ситуацию российских чевэкашных недотёп. И «недоразумение», таким образом, рассосется и к удовлетворению обеих сторон будет спущено на тормозах. И это станет единственно удобным вариантом для сохранения нормальных отношений между Москвой и Минском. (В тот же день 7 августа Путин позвонил белорусскому президенту, и вопрос с «богатырями», переставшими значится «боевиками», как сообщили СМИ, «был решён в духе взаимопонимания».)

Но у каждой медали есть и обратная сторона. И обнаруживает эта сторона довольно неприглядную картинку. У любого незашоренного человека вследствие данной истории возникает естественный вопрос: а где же всё это время, пока шла подготовка украинской спецоперации «захвата» (с мая этого года, по сообщению СМИ), была российская контрразведка? Чем она-то занималась? То есть через подставных людей у нас в стране вербовались молодые люди для якобы заграничных охранных мероприятий с целью их захвата, и никто этого не видел, не отследил ляпов с документами и билетами, никто этому не воспрепятствовал, никто не остановил их выезд из страны. А ведь при захвате вполне кто-то из них мог погибнуть или получить ранения, окажи они сопротивление... Ведь не случайно «батька» сказал, что к засылке к ним готовились «двести боевиков»... И цифра эта наверняка была реальной...

Возникает еще один вопрос: значит, украинская агентура могла завербовать к вывозу из России не 33 и не 200, а хоть 1000 желающих подзаработать молодых мужиков, и всем орга-

нам безопасности в России на это было наплевать?.. Их, наших мужиков, видите ли, «заманили», по словам комментаторов российского ЦТ, а сами эти мужики оказались главными недоумками и лёгкой добычей враждебного нам государства, в которое их чуть было не экстрадировали. Для этого даже Зеленский срочно позвонил Лукашенко...

И вот тут нельзя не сказать о третьей — главной стороне этой истории. Враждебная, фактически террористическая операция спецслужб Украины в отношении наших людей, по всей вероятности и к глубокому сожалению, так и останется безнаказанной со стороны официального Кремля. Как обычно, не последует ни санкций по отношению к ней, ни серьезных ответных заявлений МИДа, ни прекращения каких-либо договоренностей по Донбассу и переговорных мероприятий в рамках «минских соглашений». Всё будет течь, как и прежде, — с бесконечным украинским издевательством над здравым смыслом и нескончаемым кремлевским проглатыванием этих издевательств, насмешек и запредельных по мерзости подлянок. Вот на что мы, живущие в России, должны в первую очередь обращать свое внимание. Враги и дураки у нас будут всегда. С этим уже ничего не сделаешь. А вот потворствующая им власть — вещь недопустимая.

* * *

Прошло несколько дней после задержания белорусским КГБ 33-х наших то ли «богатырей», то ли «боевиков». По ящику это задержание нам представили как провокационную украинскую «спецоперацию», которая сразу же породила массу недоуменных вопросов. Но даже по прошествии нескольких дней по поводу данной «провокации» Украины, казалось бы, облапошившей службы безопасности России и Белоруссии, так и не появилось никакой официальной реакции ни со стороны Путина, ни со стороны МИДа, ни со стороны руководства Госдумы и Совета Федерации. И ФСБ с МВД молчат, как будто мышь проглотили... Лишь намозолившая глаза М. Захарова в связи с этим намекнула о какой-то «третьей стороне». Не странно ли это?.. Хотя я в предыдущих своих размышлениях это официальное молчание и предсказывал, тем не менее оно выглядит очень подозрительным. Ясно, что украинские спецслужбы — это филиал ЦРУ. Ясно и то, что самостоятельно Украина была не способна проверить столь сложную «спецоперацию» по вербовке, вывозу и аресту на чужой территории неудачливых российских «джентльменов удачи». И тот факт, что Россия на официальном уровне никого за это не осудила и никому не предъявила пре-

тензий, говорит о том, что дело это тёмное и что кроме себя самих нам, по большому счёту, обвинять некого.

* * *

В Белоруссии идет разработанный ЦРУ и осуществляемый под руководством западных спецслужб снос Лукашенко. Идет всерьёз, с учетом украинского опыта, но уже по новому сценарию. На Западе понимают, что Лукашенко не Янукович и что он быстро не сдастся. Поэтому его будут валить измором, создавая ему образ монстра и с каждым днем увеличивая, сгущая западное моральное давление на «последнего диктатора Европы» и его «преступный» режим, и одновременно всё громче раскручивая местную либеральную пропаганду поддержки протестующего «народа», а также массово вбрасывая фейки об остановке заводов, об отказе ОМОНа выполнять «преступные приказы», о братании антилукашенковской молодежи с силовиками, об избиении милицией детей и т.д. Этот измор может длиться долго, денег на «протестные акции» вброшено немеряно и украинско-польских боевиков завезено огромное количество. Запад к этим белорусским выборам готовился давно, и непризнание их итогов — лишь начало непримиримой и неотступной войны с существующей минской властью.

А.Г. Лукашенко, 26 лет держащий в своих руках эту власть, в конце концов может дрогнуть. Он не привык и скорее всего не готов к долгому сопротивлению давления на него одновременно извне и изнутри. Он ведь пытался задружить с Западом, как ему казалось, в противовес России, поиграть с русским медведем в кошки-мышки, дабы покормиться с двух столов. Конечно, надо признать, не ради каких-то личных выгод, а ради страны и своего народа. Не случайно ведь с таким пропагандистским скандалом были задержаны накануне выборов российские «боевики-вагнеровцы»... Возможно, таким способом он пытался отвести от себя и от страны западный удар... Однако эта двойная игра ему не помогла и даже вышла боком: на западе он как был чужим и неприемлемым, так и остался, а на востоке еще сильнее утратил доверие.

Цель Европы и Америки — окончательно и бесповоротно свалить Лукашенко и его режим. С Януковичем они справились легко и быстро. В Белоруссии им придется повозиться и использовать больше ресурсов — как людских, моральных, так и финансовых. И если на этот раз они всерьёз задались этой целью, их может ожидать успех. «Батяка» Лукашенко, на самом деле, не железный, способен и отсту-

пить. И тогда Белоруссию ожидает западное насилие похлеще украинского. Мало не покажется никому. Эта территория — очень удобный плацдарм для нападения на Россию. Тем более, что население, особенно молодое, вслед за украинским также мечтает стать «полноправной» Европой. А руководители государственных заводов и фабрик очень хотели бы их приватизировать (и, естественно, присвоив себе, разграбить). Да и одурманенные уличной «революцией» рабочие, наплевавшие на горький приватизационный опыт России и Украины, уже готовы, задрав штаны, ринутся в «революцию» и снести поднадоевшего им «бацьку». Так происходит потеря страны.

Есть только один вариант не допустить уничтожения Западом Белоруссии: активное воздействие на эту ситуацию России как союзного с Белоруссией государства. Но способна ли на это российская власть — очень большой вопрос. Кремль, как обычно, помалкивает, лишь ограничиваясь невнятным шёпотом о «недопустимости вмешательства извне во внутренние дела независимого государства».

* * *

Свинорыло, пришедшее к власти на Украине через государственный переворот, через сакральную жертву «небесной сотни», через одесский крематорий и через бомбардировку донбасских городов, на третий день после президентских выборов в Белоруссии призвало избранного президента Александра Лукашенко *«прекратить насилие, освободить политзаключенных, обеспечить диалог с обществом и объявить о проведении повторных президентских выборов с участием международных наблюдателей»*.

Пять лет свинорыло не отказывалось от насилия, ежедневных обстрелов и терактов на территории донбасских республик. Свинорыло устроило военную провокацию в Керченском проливе и засылало диверсантов в Крым. И теперь это потерявшее человеческий облик свиноподобное животное требует от главы другого государства некой гуманности по отношению к подготовленным в украинско-польских учебно-диверсионных лагерях молодым белорусским экстремистам и к засланным сюда и схваченным здесь бандеровским боевикам и организаторам беспорядков.

Вообще-то на месте А.Г. Лукашенко надо возбудить уголовное дело против свинорылолого военного преступника и потребовать его экстрадиции в Минск для суда над ним за преступления против человечности и вмешательство во внутренние дела соседнего государства.

15 августа без шума и громких телесенсаций Белоруссия передала России 32 т.н. «вагнеровца», задержанных там накануне президентских выборов. Еще один из них оказался гражданином Белоруссии и остался дома. На этом раскрученная чуть ли не на весь мир международная «провокация» с российскими «боевиками» вроде бы исчерпалась, что вызвало болезненную реакцию украинского клоуна по фамилии Зеленский, уговаривавшего батьку Лукашенко экстрадировать их в «незалежную». Но клоуну пришлось утешиться.

Сам факт тихой передачи «чевэкашников» России вроде бы говорит о том, что претензий к ним у минских правоохранительных органов больше нет. Но это, скорее всего, именно «вроде бы». На фоне протестных выступлений молодёжи и жестких ответных действий силовиков удерживать их в Минске и заниматься расследованием целей их прибытия в Белоруссию было, конечно же, не сподручно и не логично. А.Г. Лукашенко нужна была помощь России в его непростой ситуации, и потому вопрос с «джентльменами удачи» нужно было срочно закрыть. И теперь мы, наверное, уже никогда не узнаем, зачем же они именно в данный момент оказались на территории его страны...

И всё же вопросы остаются у нас. Теперь, когда Запад пытается снести «последнего диктатора Европы», не подчинившегося его, Запада, коронавирусной воле, очень странной выглядит спокойная, чуть ли не молчаливая реакция Кремля на это бесцеремонное, прямо-таки отъявленное давление. Создается впечатление, что здесь, в Москве, до определенного момента ничего не имели против его отстранения от власти... Я имею ввиду, естественно, не простых людей. И при таком впечатлении история с «вагнеровцами» уже выглядит совсем не случайной...

Ведь Россия коронавирусной воле Запада вынуждена была подчиниться...

Никита Михалков в своей телепередаче «Бесогон» с большим одобрением зачитал некое эссе под названием «Русское молчание». Малоизвестный автор этого эссе попытался опозитизировать т.н. «молчание России» по отношению к самым острым событиям в мире. Мол, Россия всё видит, но молчит, потому что она всё сказала и больше не хочет ничего гово-

ритель. «Но бойтесь «русского молчания!» — с пафосом процитировал чужие слова Михалков.

Кто-то, наверное, и поверил Михалкову, кому-то его артистический пафос, наверное, даже понравился. Но умеющие думать не могут не услышать в рассуждениях Михалкова, как и в самом этом поверхностном эссе, демагогическую лживость. В который уже раз «русским молчанием» подменяется исключительное молчание Кремля. А это не одно и то же. Когда Кремль никак не реагирует на сносы памятников в Польше и Чехии советским героям войны или на нацистские факельные шествия на Украине, или на польско-литовские заявления по Белоруссии, — это вовсе не «русское молчание». Это молчание Кремля. Русские газеты и журналы об этом не молчат. Они кричат. Но Кремль вместе с Н. Михалковым их не слышит и молчит. Но это не «русское молчание», г-н Михалков. А сказать вам, ведущему «Бесогона», почему молчит Кремль? Потому что там нет русских.

* * *

До сих пор в публикациях о белорусских Хатынях, в которых сжигались целые деревни вместе с жителями, говорилось о том, что это делали в основном украинские нацисты не без участия, конечно, германских фашистов. Но до нынешних событий замалчивался тот факт, что в этих варварских зверствах участвовали и белорусские нацисты тоже. Настало время говорить всю правду полностью. (В советское время и про зверства бандеровцев молчали.) Теперь же и белорусские нацисты, доньше как бы невидимые, сбросили маски. И оказалось, что их — много, очень много. Оказалось, что они успешно выращены, выпестованы не только своими затаившимися дедами, но и т.н. «национальной белорусской интеллигенцией», глядящей на Запад и лелеющей русофобские поползновения. Бог попустил произойти нынешним событиям, чтобы вскрылась наконец нелицеприятная правда, чтобы во всей своей неприглядности и во всем своем лицемерии открылась нам физиономия вызревшего и дождавшегося своего часа белорусского нацизма. Нет, не случайно они достали флаги своих дедов, под которыми те встречали вступающие в Белоруссию войска Вермахта.

Между прочим, А.Г. Лукашенко к их возрождению и выпестыванию тоже руку приложил. Вот они и отплатили ему за это своей лицемерной, грязной монетой. Потому что другой монеты у них нет.

Кстати сказать, и Кремль, как и в случае с Украиной, многие годы с безразличием взирал на возрождение нацизма в двух этих республиках. И расхлебывать это безразличие нам теперь придется долго и кроваво.

Симптоматична и везде до примитивности одинакова специфика современного нацизма. Так, украинские «нацики» согласны иметь у себя еврейскую власть (Зеленский, Порошенко, Тимошенко, Турчинов, Тягнибок, Яценюк...) Для них есть только один враг — русские («москаляки»). Так же и «*белорусские националисты*» ничего не имеют против супругов Тихановских — граждан Израйля и с радостью принимают в качестве своего идеолога бездарную «писательницу» еврейского происхождения С.Алексиевич...

Уже на десятый день после президентских выборов и яростных протестов обезумевшей «оппозиции» стало ясно, что т.н. евроинтеграторы в Белоруссии провалились. Стоило батьке не дрогнуть и спокойно продержаться несколько дней — и всё у них пошло прахом. Они ведь и надеялись только на его испуг. А погубила их обычная европейская наглость. Ничего, кроме наглости, и сопутствующим ей лжи, подкупа, запугивания и подлости у них не было. Да и не могло быть. Они использовали крикливых, безмозглых и безграмотных юнцов, не знающих жизни и не видевших ни войны, ни разрухи. Эти молокососы, орущие на площадях о каких-то «свободах» и «переменах», сдулись уже через неделю спокойной выдержки Лукашенко. А когда они увидели митинги и демонстрации остальной Белоруссии, у них совсем пропало желание скакать и орать.

Уже на десятый день «протестов» был виден полный провал «евроинтеграторов». Их «правительство» после возбуждения против него уголовного дела, стало разбегаться. Европа им ничего не могла предложить, кроме обещания денег, которых, как уже ясно, тоже не будет. И обычные европейские атрибуты — наглость, ложь, подкуп и угрозы на этот раз не сработали.

Всего неделю потребовалось батьке стойкости и терпения, чтобы вся эта дешевая прозападная шушера начала сдуваться и съеживаться, как надутый резиновый шарик. Еще немного — и коллаборанты из «координационного совета» с визгом побегут в Польшу и Литву, туда, где их вожделенное корыто.

Кстати сказать, и российское телевидение работало против Лукашенко. Что лишний раз говорит о засилье на нём прозападного либерального лобби. Но в связи с изменением ситуации в Белоруссии и оно вынуждено было изменить информационную политику по отношению к этой стране и ее главе. Однако закамуфлированный русофоб Карен Шахназаров (Шахназарян) в течение нескольких дней с экрана российского ТВ требовал новых президентских выборов в соседнем государстве.

* * *

Неоднократно была замечена такая закономерность: после ликвидации кавказских боевиков, готовивших террористические акты, уже через несколько дней происходили т.н. «взрывы газа» в жилых домах в российских городах. Так, 7-го и 18 августа на территории Ингушетии силами специального назначения были уничтожены пять террористов. А уже через три дня, 21 августа, в жилом десятиэтажном доме г. Ярославля прогремел взрыв в квартире на 4-м этаже. Произошло обрушение трех квартир, шесть квартир сгорели. Под завалами обнаружили тела трех человек, в том числе ребенка.

СМИ и Следственный комитет, естественно, основной причиной трагедии, как всегда в подобных случаях, назвали «взрыв газа».

Сразу вслед за этими событиями 23 августа в сельском поселении Троицкое Сунженского района Ингушетии силовики уничтожили трех боевиков. И через три дня, 26-го, в Москве была взорвана квартира в жилом доме на улице Кубинка. Полностью сгорели три квартиры. Тяжело пострадали четыре человека. СМИ не замедлили сообщить о «взрыве газа».

В тот же день, 26-го, как сообщило ТАСС, «взрыв бытового газа произошел в десятиэтажном жилом доме в Керчи с последующим пожаром на двух этажах».

Кто-нибудь помнит, чтобы в советское время с такой жуткой и регулярной последовательностью (чуть ли не ежедневно) взрывался газ в жилых домах?..

* * *

Только в конце августа В.Путин в интервью телеканалу «Россия-1» поведал о том, что по просьбе А.Г. Лукашенко он распорядился сформировать резерв бойцов МВД на случай экстремистских выступлений белорусской радикальной «опозиции». После чего сразу стало заметно, что слова и дей-

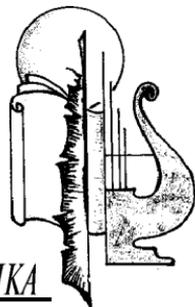
ствия батьки приобрели основательность и уверенность в своей правоте и своих силах. С Польшей, Литвой и Украиной он стал разговаривать уже как хозяин положения, а не как зависимый от них транзитный «партнер». Литовский президент только заикнулся о санкциях по отношению к Белоруссии, как Лукашенко тут же приказал правительству перекрыть для Литвы транзитные потоки через Белоруссию на восток и обратно. Тем самым он и России показал, как нужно реагировать на западные санкции. Литовские властные чиновники мгновенно завиляли хвостом и начали оправдываться. И если бы Россия изначально стала действовать таким же образом, то ни о каких санкциях со стороны Европы уже давным-давно и речи бы не шло.

«ОТ МЕНЯ ЭТО БЫЛО...»

*О книге духовной лирики Валерия Хатюшина
«Вино и хлеб»*

«Духовная лирика» — такой подзаголовок дал Валерий Хатюшин своей новой поэтической книге «Вино и хлеб» (М. Журнал «Молодая гвардия». 2019). Книга эта, привлекающая чистотой лирического чувства и сохраненной вопреки всему внутренней тишиной — одна из самых удачных у В. Хатюшина. Стихи, вошедшие в нее, современны — без потуг на современность, просты — без потуг на простоту, лиричны — без ненужного лирического надрыва и захлеста, серьезно глубоки — без излишней заумности и ложной философичности. Поэт абсолютно искренен и открыт перед собой и читателем, и в этом смысле перед нами, безусловно, лирическая исповедь. А если прибавить к этому неожиданный и нетривиальный составительский замысел, остается сказать, что эта книга читается на одном дыхании — с естественными интересом и удовольствием.

Но подзаголовок «Духовная лирика» заставляет задуматься. То, что Валерий Хатюшин называет «духовной лирикой», никак

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

го отношения к духовной лирике в общепринятом понимании этих слов — стихотворениям, посвященным Христу, Богородице, святым, библейским и евангельским событиям — не имеет. Перед нами лирический дневник современного человека, писавшийся всю жизнь, поэтическое житие, записки на полях о жизни и судьбе в их соотносённости с Богом, обращение к Богу не очень воцерковленного, как теперь принято говорить, но искренне верующего человека, который хорошо понимает, что Бог — главная часть его жизни, и постоянно размышляет о Творце мира. Книга эта — своеобразное лирическое исследование идущей к Богу души, где стихи, запечатлевшие сокровенные чувства и мысли, выступают как документальные свидетельства происходящего. И сомнений в том, что подзаголовок книге дан не случайно — не возникает.

Неизбежно вспоминается поэтическое духовное завещание святого Серафима Вырицкого «От меня это было», разговор Бога с душой человека, в котором судьба человека предстает как данный ему путь к Творцу: *«Думал ли ты когда-либо, что всё, касающееся тебя, касается одинаково и Меня? Ибо касающееся тебя касается зеницы Моего ока... От Меня это было»*. «Нет слепого случая! — пишет в «Аскетических опытах» Игнатий Брянчанинов. — Бог управляет миром, и всё, совершающееся на небе и в поднебесной, совершается по суду премудрого и всемогущего Бога, непостижимого в премудрости и всемогуществе Своем, непостижимого в управлении Своем». Вот эту-то волю Божью о себе, Пути Господни, и пытается понять В. Хатюшин в своем поэтическом исследовании.

Валерий Хатюшин принадлежит к «перемолотому» поколению, по которому тяжелой болью прошли все тектонические разломы эпохи. Как поэт он сложился в советское время, в предперестроечные восьмидесятые, когда большая часть интеллигенции бесповоротно распрощалась с атеизмом («Пусть атеизм вошел в сознание, // но в душу не проникнул он»), однако перейти порог храма, стать настоящими христианами, многим в этом поколении не удалось — Бог остался для них предметом личных размышлений, исканий, постоянных внутренних стремлений и любви. Поэтическое развитие Валерия Хатюшина идет стремительно, он следует за голосом души, прощается с губительными заблуждениями, выходит к Свету. Молодой поэт

в самом начале творческого пути, замышляя грядущее, обращается к своей душе и пишет: «Коль вырвать слово из нее, // прервав молчанье золотое, — // чтоб только главное, твое, // чтоб только самое святое». Это — поэтическое и нравственное кредо, которому он будет следовать всю жизнь. Стихи этих лет — философские размышления о Боге и бытии, попытка выбраться из атеизма, опираясь на науку и философию.

Валерия Хатюшина интересуют вечные вопросы — жизнь, смерть, вера, вселенная, душа, Бог: «К чему оставаться бессмертным // на брошенной в пропасть Земле? // Привыкнув к несчастьям несметным, // спасемся ль в пыли и в золе?» «Брошенная в пропасть Земля» явно перекликается с пустой вселенной Александра Блока: «Года идут. Миры летят. Пустая // Вселенная глядит в нас мраком глаз. // А ты, душа, усталая, глухая, // О счастии твердишь — в который раз?..» Брошенная в пропасть Земля — апофеоз безверия, вселенная, в которой нет Бога, и душу человеческую настигает неизбежное смятение, ибо жизнь и счастье в таком мире невозможны и бессмысленны. Но наука не объясняет вечного — и ее выводы тоже подвергаются сомнению. Одухотворенная, вызывающая восторг романтическая вселенная, возникающая в стихах Николая Заболоцкого, в которой присутствуют незримый и неназванный Бог и постигающий законы мироздания творческий разум ученого «Но для бездн, где летят метеоры, // Ни большого, ни малого нет, // И равно беспредельны просторы // Для микробов, людей и планет», — для Валерия Хатюшина невозможна. Человеческого познания и человеческого истин для него мало — без Божьей правды красота меркнет, а смысл бытия — исчезает. Поэт словно бы продолжает разговор, начатый Блоком, возвращаясь к корням русской веры и русского мировоззрения: «Счастье земное, придет оно! // Краше и радостней, чем в раю. // Если воскреснуть нам не дано, // как оправдаем мы жизнь свою? // Кончится время жестоких дней, // в деле, родившемся на Руси, // старая заповедь «Не убей!» // выльется в новую: «Воскреси!»

Заповеди Нового Завета вопреки всему живут в русских сердцах — тысячелетнюю молитву и веру не убили за десятилетия безбожной власти. Но корни народа подрублены, устои разрушены. Перед нами мир за минуту до крушения. Поэт хорошо понимает это. Он обращается к России: «Бесцельная, плутаешь, как во мгле. // Бурьяном заросла твоя дорога. // Россия, далеко ль уйдешь без Бога? // И есть ли путь без

веры на земле?» И опять — как приговор, ободрение и благословение на дальнейший путь, вспоминаются строки из поэтического завещания Серафима Вырицкого: «Я — Бог, располагающий обстоятельствами. Ты не случайно оказался на твоём месте, это то самое место, которое Я тебе предназначил. ...От Меня это было».

А дальше — «...безумный, неизвестный // И за сердце хватающий полет» (А. Блок) — крушение СССР, из крупнейшей в истории мира геополитической катастрофы переросшее в крушение основ мира, бытия и человеческой души. Спокойный, прогретый солнцем антропоцентрический атеистический мир стремительно рушится, становится откровенно предапокалиптическим — здесь всё срывается с орбит, всё летит в бездну. Рушатся государства, границы, представления о мире и бытии, планы, надежды, любовь, вера, рушатся человеческие судьбы и представления о мироздании. Этот мир бьется в сетях электронной всемирной паутины, где бродят «в лабиринтах Интернета // потерявшиеся дети...», где «мобильные зомби» «идут, уставившись в мобильники, // вокруг не видя ничего», «и, гнусавые, с экрана // смачно бесы голосят», где самолеты, сбросившие бомбы на Хиросиму и Нагасаки, возникают в небе Нью-Йорка и целются в его высотки. Но прежде всего они целются в Россию. Надо всем этим — ставшая вечным символом поруганной Родины черная тень горящего расстрелянного Дома Советов:

*Сгоревший Дом — как траурная тень...
Он был ушедшим им уже не виден...
На Красной Пресне в этот скорбный день
со всеми плакал я на панихиде.*

.....
*Нас ждет тоска немереных дорог,
нас в прах испепелят иные грозы...
Вчера закон был с нами, нынче — Бог,
и в этот день Он видел наши слезы...*

Понимание происходящего у Валерия Хатюшина совпадает с пониманием трагических событий Татьяной Глушковой, сказавшей пасхальное «смертию смерть поправ» в те минуты, когда дым и пепел горящего расстрелянного Дома Советов еще висели над Москвой: «Снег забинтует раненую Пресню. // Смотри: кругом — бело, и ветер стих. // Большая совесть обмирает с песнью: // «Их души водворяются во благих!» И Глушковой, и Хатюшиным великая тра-

гедия понимается в соотнесении с вечностью — зло и смерть в мире давно побеждены Христом, и благодаря Воскресению Христову не только души убиенных будут в раю, но и распятая на Кресте Россия одолеет смерть и воскреснет. Такая безоглядная вера удивительна, потому что в рушащемся, охваченном злом мире трудно расслышать голос Бога — он заглушается тектоническим шумом разрывающихся геополитических пространств, ложью орущих средств массовой информации, болью повальных предательств, и все эти наполненные полыхающей лавой разломы бытия проходят через сердца людей, через их души. Это мир крушения гуманизма, мир попранного человеческого. Но, по пророческому слову Тютчева, блаженны сумевшие расслышать высокий голос Бога в роковые минуты бытия. *«Когда искушения восстанут на тебя, и враг придет, как река, Я хочу, чтобы ты знал, что от Меня это было»* (св. Серафим Вырицкий).

Валерию Хатюшину удастся принять это высокое тютчевское блаженство. Его жизненная позиция давно обозначена, он — воин Христов в великой войне за Россию, являющуюся Престолом Божиим. Водораздел исторической правды для Хатюшина проходит по Христу: *«Распявшие Христа, // убившие царя, // растлившие Россию и народ, // они на площадях // беснуются не зря, // творя раздор и брань из года в год»*. Нахлынувшему мраку противостоит патриотическая Россия, представителем которой является поэт. В борьбе ада против Неба он — солдат Неба, и это его сознательный выбор.

*Одна лишь цель мне может силы дать,
не жалко жизни, чтоб ее достигнуть:
Империю былую воссоздать,
врагам России по делам воздать
и Храм Спасенья на Крови воздвигнуть.*

За долгие годы противостояния нечисти, губящей Россию, мировоззрение Валерия Хатюшина, его взгляд на историю, мир, происходящее сложились как христианские — это продуманная, пережитая, переболевшая действенная вера во Христа, возросшая на конкретных поступках. И не случайно вслед за психологически точным портретом растерянного современника (*«Все грешные мысли свои и дела // мы копим в темнице сердец. // И съежились мы в ожидании зла, // в погибельный веря конец»*) в стихах дается беспощадный приговор эпохе, а вместе с ним — возникает точное, выстрадан-

ное и непобедимо оптимистическое понимание того, что выход — не только есть, но и *есть*, и это непобедимое торжествующее ликование бытия родилось куда раньше нашего смертного мира:

*Но слова Его и любви красота
спасает наш мир каждый час.
Не ждите Антихриста, ждите Христа.
Антихрист давно среди нас.*

«Духом и истиною поклоняйтесь Богу, — писал Св. Иоанн Кронштадский. — Истиною — например, ты говоришь: *да святится имя Твое*. Есть ли в тебе действительно желание, чтобы имя Божие sanctificatum добрыми делами людей и твоими? *Да приидет царствие Твое*; желаешь ли ты в самом деле наступления Царствия Божия... Смотри же, чтобы язык твой не был в разногласии с сердцем; не лги... Господу на молитве твоей». Вот это постоянное обдумывание истин Божьих и деятельное следование им — и есть путь, которым Валерий Хатюшин идет к Богу. Это путь ума и действия, путь познания мира, созданного Богом, Божьей Правды и Слова Божьего и служение этой Правде поэтическим и публицистическим словом. «Помни, что всякая помеха есть Божие наставление, и потому положи в сердце свое слово, которое Я объявил тебе в сей день, — от Меня это было» (св. Серафим Вырицкий).

Трагична и личная судьба поэта, она походит на судьбы многих живущих в больших городах современников — крушение семьи, смерть близких и острое чувство одиночества в перенаселенном, гудящем, неостановимо несущемся навстречу земным химерам городе. Поэт сознательно не выделяет себя из многоголосой, спешащей, шумящей толпы — это его поэтическая и человеческая позиция. Он — часть народа, а потому, пытаясь понять свою жизнь и судьбу, Хатюшин стремится понять свой народ, живущий по-другому, чем предки, и избегающий в городе тоску генной памяти и детских деревенских воспоминаний. Слово «толпа» употребляется здесь не в пушкинском понимании слова, это не «тупая чернь», противостоящая поэту, не в понимании Ортеги-и-Гассета как восстание обезличенных масс — это полноводная текущая народная река с втянутыми в ее водовороты ярчайшими личностями, зачастую покалеченными миром, ввергнутыми в губительный «апокалипсис мелкого греха» (св. Иоанн Шанхайский), но не утратившими самобытности и самостояния.

Валерий Хатюшин — такой же, как тысячи его современников, спешащих по своим делам в метро, несущихся по проспектам, он — один из обитателей гудящей многомиллионноквартирной многоэтажки, называемой столицей, один из миллионов, вдыхающих дымный воздух ночного города. «Я на воздух из квартиры выхожу, // по сырому снегу в сумерках брожу. // Хлесткий ветер бьет в лицо со всех сторон, // слышу гнущихся деревьев тихий стон. // Желтый свет течет из каждого окна, // и душа еще сильнее напряжена». Над городскими многоэтажками трудно разглядеть небо. Поэтому временами поэта захлестывают отчаянье, ощущение бессмысленности происходящего, бессмысленности бытия: «Будет город беззвездный и смрадный // душу в адские муки ввергать, // будет пламя тоски беспощадной // грудь мою день за днем прожигать. // ... Но в московском отчаянье грешном // мне приснится земли уголок, // где в просторе полей белоснежном // я от скверны очиститься мог», — не в первый раз в стихах возникает образ утерянной деревни, утраченной природы, разрушенной России — как образ утерянного эдемского сада. Но и в отчаянье, и в беде с городского дымного беззвездного неба слышен голос Бога: «Ты создавал себе свои планы и принес их Мне, чтобы я благословил их. Но я хочу, чтобы ты предоставил Мне распоряжаться обстоятельствами твоей жизни... От Меня это было» (св. Серафим Вырицкий).

Стилистический строй стиха Валерия Хатюшина тоже подчеркивает его неразделимость с народом, с тысячами собратьев по бытию. Внутренне Хатюшин ориентируется на легкий летящий стих Пушкина — но вместе с тем это речь нашего современника, максимально приближенная к разговорной речи, без нарочитых, бросающихся в глаза образов, попыток поразить яркостью — и тут поэт, верный себе, желает соответствовать правде бытия. Не отделять себя от народа — нравственный выбор, и потому рассказ о личной судьбе и личных исканиях становится общезначимым и приобретает особую важность и глубину — ведь то, что происходит с автором этой книги, происходит со многими:

*Темно-серая, промозглая зима.
В четырех своих углах схожу с ума.*

.....

*То мне кажется, что где-то плачет дочь
и зовет, а я бессилен ей помочь.*

*То почувствую, что мать совсем плоха —
и гоню тоску подальше от греха...*

Мать и дочь — две точки нравственного отсчета, нерушимой и негасимой земной любви. Но и эта любовь горька и трагична. Болезнь и угасание матери: «Наркоза тягостный провал... // Надежд больничных упования... // Я вместе с ней переживал // ее безумные страдания». Разлука с дочерью — печальный результат крушения семьи: «Не дано нам встретиться, Алена... // Мать Божью столько долгих дней // всё прошу я сердцем воспаленным // развязать узлы беды моей». Поэт остро переживает и осознает и трагичность бытия, и свои собственные несовершенство и грешность. В чём был неправ? Почему так происходит? — вечные больные вопросы. Неизбежно приходят отчаянье и ропот — можно ли столько беды перенести одному человеку? Можно ли столько горя перенести каждому в этой спешащей, бесконечной шумной толпе? И опять вспоминается стихотворение Александра Блока: «И, уцепясь за край скользящий острый, // И слушая всегда жужжащий звон, — // Не сходим ли с ума мы в смене пестрой // Придуманных причин, пространств, времен...» Всё тщетно! Всё бессмысленно! Но и на это отчаянье Бог уже дал ответ поэтическими строками св. Серафима Вырицкого: «*Не получаешь ты долго известий от близких и дорогих тебе людей и по малодушию твоему впадаешь в отчаяние и ропот, знай — от Меня это было. Ибо этим томлением твоего духа Я испытываю крепость веры твоей...*»

Валерий Хатюшин в стихах предельно открыт и исповедален — он всегда идет за нахлынувшей лирической волной, но вместе с тем с пристальным вниманием наблюдает за глубинами души, отдавая себе отчет в сути происходящего и не скрывая от себя внутреннего разлада: «Жил я в азарте безумных утех. // Ангел отмаливал каждый мой грех. // Счастья искал я, невзгоды кляня. // Ангел прощенья просил за меня. // Сердце рвалось и скулило в крови. // Ангел шептал мне во сне о любви». Этот связующий с Богом Свет, ангел, постоянно шепчущий во сне о любви, подсказывает душе, как ей выйти из тьмы греха и бесконечных тупиков эпохи. «Бог есть Любовь», а потому следования путем ума, желания понять Правду Божью явно мало для того, чтобы осилить судьбу. Что удивляет в стихах Валерия Хатюшина — среди бесконечного гама и шума мегаполиса, среди камнепада и тектонической лавы эпохи ему удалось сохранить

чистоту лирического чувства, редкую в наши дни тишину души и присущую с детства нежность ко всему живому. Нежность эта, пожалуй, сродни есенинской, несмотря на совершенно иной строй стиха. По природе своего таланта Валерий Хатюшин — прежде всего лирик. Когда он пишет о природе — лирическая струя бьет, как незамутненный лесной ключ, возвращая земные творения Божьи под первозданную сень эдемского сада. И сердце человеческое, следуя властной лирической природе стиха, жаждет раскрыться Божественной любви:

*Предназначенье нашей жизни бренной —
не объяснить, не разгадать вовек.
Есть два создання высших во Вселенной,
Божественных — цветков и человек.*

.....
*И если в ком-то мы души не чаем, —
волнение дышит и у нас в крови.
Даря цветы, друг другу мы вручаем
частицу той Божественной любви.*

Есть в русской поэзии феномен, о котором хорошо знают поэты: при свойственной каждому из них несомненной, не скрываемой и хорошо осознаваемой грешности, когда они пишут стихи, подчиняясь поднимающей и преобразующей волне вдохновения, — сердца их чисты: всё лишнее, ненужное, сиюминутное, наносное из них уходит. Конечно, речь идет не о той чистоте сердца, которая дается Богом святым. И всё же сама природа поэтического слова преобразует поэта, поднимает его до *целомудренной бездны стиха*, как писал Заболоцкий. О преобразующей силе поэзии свидетельствовали многие, среди них — Евгений Баратынский: «Душа певца, согласно излитая, // Разрешена от всех своих скорбей; // И чистоту поэзия святая // И мир отдаст причастнице своей». Причастие поэзии — это причастие высокому земному слову. Но до Бога Слова и до причастия Христу от него лежит бесконечно долгий путь.

Так в трудную трагическую эпоху сложилась судьба одного из наших современников, похожая и непохожая на тысячи судеб живущих рядом людей. Пройдя путями Земли, он вкусил вина и хлеба жизни и стал причастен ко всему, что происходит на планете. Но выполнил ли он Божью волю о себе? Неизбежно наступает щемящая осенняя пора подведе-

ния итогов, раздумий, переосмысления и примирения со всем. Оглядываясь на пройденный путь, поэт в который раз пытается понять тайный смысл происходящего:

*Судьба, судьба, как странно ты сложилась!..
Была необъяснима жизнь моя.
Но шла за мною Божеская милость
и следом — беспощадность бытия.*

*Каким-то чудом выжил я на свете,
нисколько не озлобившись душой.
Смотрю с улыбкой, как играют дети,
как сквер сияет молодой листвой.*

*Была мне тайна высшая открыта
и о любви шептал мне каждый куст...
Я всё же выжил... Но страна — разбита,
и дом унылый — холоден и пуст.*

И всё-таки внутренний свет, тепло и любовь, которыми согрето стихотворение, заставляют усомниться в печальной трезвости последних строк. «Беспощадность бытия» в душе Валерия Хатюшина давно отступила перед щедрым светом идущей за ним божеской милости. Пришли смирение, спокойное примирение и с жизнью, и со смертью, неизбежные на зрелом земном рубеже. И высшая тайна Любви, разлитой в воздухе мира, открывшаяся поэту давно, перевесила все прошедшие печали — не зря каждый куст здесь шепчет о любви и каждый цветок передает вести от Бога: «...всякое жало притупится, когда ты научишься во всем видеть Меня. Всё послано Мною для совершенствования души твоей, — от Меня это было» (св. Серафим Вырицкий).

Вместе с приятием жизни, смерти, судьбы, примирением и прощением — в сердце поэта врывается живой солнечный луч вечной жизни — это пасхальная весть, вечная радость бытия, награда за терпение, труд, смирение и любовь. Человеку не дано окончательно преодолеть земное, и всё же осилившая земные пути душа поднимается ввысь, преодолевая силу притяжения влекущей к себе материи. Прощающий будет прощен. Эта личная победа, дарованная Христом, мгновенно преображает все чувства и мысли: «С бытийной круговерти // сойду без шумной тризны. // Родившийся для смерти, // умру для вечной жизни». Почувствовавшее стремительный солнечный

божественный ветер вечного бытия сердце раскрывается
долгожданным прозрением и покаянием — раскрывается
Христу:

*Как много лет, мой друг, поверь,
в потёмках я блуждал.
Христос в мою стучался дверь,
но я не открывал.*

*Я оставался глух и слеп,
мне было знать смешно,
чьим телом был мой чёрный хлеб
и кровью чьей — вино.*

После этого стихотворения восприятие книги резко меняется — как в русских иконах, происходящее начинает восприниматься в обратной перспективе: главное по мере удаления не уменьшается, а увеличивается, избирательно высвечивается, восприятие важности событий становится сакральным, смысловым. При этом, как замечал П.А. Флоренский, образуется символическое пространство, связывающее зрителя с миром символических образов горнего мира, и всё, прожитое поэтом до этого мига, видится совершенно по-другому. *Всё*, что происходило в жизни поэта, происходило именно для этого мгновения — для того, чтобы человек осознал, что *всё* дано ему Богом, что Христос *всегда* стоял рядом, *всегда* стучался в его сердце. Книга Валерия Хатюшина из лирической мгновенно превращается в документальную — в важное поэтическое свидетельство того, что Бог в судьбе человека присутствует *всегда*. Вся жизнь поэта видится как единая мысль о Боге, как путь к Богу, как подспудная молитва, интуитивное прошение к Христу — *позволь мне к Тебе прийти!* Ибо без позволения Христа человек прийти к нему не может. И когда эти два моления — постоянно обращенный к нам зов Христа: «Приди!», заглушаемый гулом времени, грехами, страстями, нерадением, и человеческая молитва — долгая упорная, подспудная, неотступная — сливаются воедино, происходит главное чудо:

*...Я знаю, кто спасал меня —
чья кровь и тело чьё.
И ответ горнего огня
изжег лицо моё...*

*Как много, друг, больших потерь,
как сердцем я устал...
...Христос в мою стучался дверь,
и я — не открывал...*

Новым, небесным светом после этих строк высвечивается название книги «Вино и хлеб», новым смыслом и новой Любовью высвечивается судьба — это Христос бережно и неотступно вёл поэта путями земли к причастию — Своим Телу и Крови. Так вино и хлеб жизни благодатью Христа преобразуются в вечные Вино и Хлеб Святых Даров.

Да, это **духовная лирика**, и более того — эта книга, писавшаяся всю жизнь, — очень важное для многих современников непридуманное свидетельство о внутренней жизни человека и о том, что Христос с нами всегда. *«А потому положи в сердце свое слова, которые Я объявил тебе сегодня: от Меня это было. Ибо это не пустое для тебя, но это — жизнь твоя»* (св. Серафим Вырицкий).

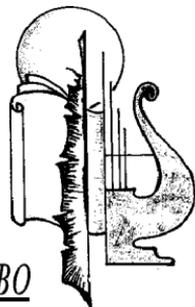
г. Смоленск

Татьяна НИКОЛЬСКАЯ,
кандидат исторических наук

НАРОД БЕЗМОЛВСТВУЕТ

Как бы ни развивалось искусство, какие бы направления ни состязались между собой, наивысшим образцом всё равно остаётся классика. В театре или кино даже самый безудержный экспериментатор мечтает обратиться именно к классическому произведению. Постановка или экранизация становится коллективным толкованием шедевра, где решающий голос, конечно, принадлежит режиссёру. А результат зависит не только от его таланта, профессионального опыта, но и от творческой мотивации. Если для одного режиссёра обращение к классике — сверхзадача, к которой он шёл, быть может, всю жизнь, то для другого — беспрюирышный способ привлечь внимание публики к себе, любимому, с помощью общепризнанного литературного «бренда».

Когда-то, в далёком 1977 году, проблема отношения к классике бурно обсуждалась на знаменитой дискуссии «Классика и мы», состоявшейся в Центральном доме литераторов в Москве. С тех пор минули десятилетия, но высказанные тогда мнения ничуть не устарели, а сама тема в контексте современных реалий сделалась ещё актуальнее.

ИСКУССТВО

В полной мере это относится к экранизациям трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов». В нашей стране их было всего две, снятые режиссёрами Сергеем Бондарчуком («Мосфильм», 1986) и Владимиром Мирзоевым («Парсуна», 2011). Вернее, полтора раза, ибо второй фильм вовсе не о царе Борисе, хотя в нём и звучит пушкинский текст.

К этому скромному списку можно добавить кинопостановку народной музыкальной драмы М.П. Мусоргского «Борис Годунов» («Мосфильм», 1954), поскольку либретто написано на основе трагедии А.С. Пушкина. Правда, опера, как самостоятельное произведение, лишь отчасти может считаться экранизацией пьесы. Тем не менее картина вызвала интерес не только любителей музыки, но и поклонников исторического жанра. Ведь в Советском Союзе фильмы о Средневековье снимались редко.

Великая трагедия А.С. Пушкина, казалось бы, сама «присилась» на экран: переломная, полная драматизма эпоха, генеральная трактовка истории, динамичный сюжет, яркие характеры, многообразие сцен, в том числе массовых и батальных, предназначенных скорее для кино, чем для театра... Тем не менее, единственная за всю советскую эпоху экранизация «Бориса Годунова» появилась уже на «закате социализма», хотя куда менее примечательные литературные произведения (в основном, приключенческого и детективного жанра) экранизировались подчас неоднократно (например, вышло целых два фильма по повести А. Козачинского «Зелёный фургон» — один в 1959 г., другой в 1983 г.). То ли режиссёры сами не решались обратиться к «Борису Годунову», то ли их инициативы пресекались «сверху»...

1980-е гг. стали временем взлёта массового интереса к русской истории. Насколько это было возможно в советских условиях, учёные, писатели, кинематографисты выражали свои взгляды на исторические события и процессы, нередко отличавшиеся от официальных концепций. В это время появился целый ряд фильмов исторического жанра: «Русь начальная» режиссёра Г. Васильева (к/ст. им. М. Горького, 1985), «И на камнях растут деревья» С. Ростоккого и К. Андерсена (СССР — Норвегия, 1985), «Даниил — князь Галицкий» Я. Лупия (Одесская к/ст., 1987), «Лермонтов» Н. Бурылева («Мосфильм», 1986) и другие.

К этой плеяде относится и «Борис Годунов», снятый совместно кинематографистами нескольких стран (СССР — Чехословакия — Западный Берлин — Польша, 1986). Но, безусловно, концепцию фильма определил постановщик и исполнитель главной роли Сергей Фёдорович Бондарчук (1920—1994) —

выдающийся режиссёр и актёр, народный артист СССР, лауреат многих премий... Его режиссёрский дебют «Судьба человека» («Мосфильм», 1959) был признан шедевром мирового кинематографа, а киноэпопея «Война и мир» в 1969 г. получила премию «Оскар» как лучший фильм на иностранном языке. Не удивительно, что премьера «Бориса Годунова» ожидалась зрителями с двойным интересом — и как первая кинопостановка великой трагедии, и как новая работа знаменитого режиссёра.

Правда, у С.Ф. Бондарчука имелись и оппоненты. Его осуждали за чрезмерно официозные, по мнению критиков, «Красные колокола» (СССР — Мексика — Италия, 1982), за частое использование массовых сцен (поставленных, кстати, блестяще, что особенно заметно в наши дни, когда «живая» массовка повсеместно вытесняется компьютерной графикой)... Думается, у коллег Бондарчука имелись и другие претензии. Всё это в сочетании с обострившейся на «заре перестройки» идеологической полемикой способствовало неоднозначному общественному восприятию картины «Борис Годунов». Несмотря на это, фильм имел успех и даже теперь, когда со дня премьеры минуло более 30 лет, привлекает внимание зрителей — в отличие от многих благополучно забытых «перестроечных» киносенсаций.

Действительно, «Борис Годунов», снятый в духе традиционного реализма, обладает всеми качествами добротного исторического кино. Создатели фильма постарались не только показать трагедию первого в истории Руси избранного царя, но и детально воспроизвести эпоху начала XVII века. Сцены продуманы до мелочей — от мебели и костюмов до выражений лиц и движений персонажей (включая фигуры на заднем плане). Вот заснеженная Москва, прикрытые от холода деревянные клетки со львами... Пышное венчание Бориса на царство, яркие народные сцены...

В картине участвовали известные советские актёры: Анатолий Ромашин (Василий Шуйский), Анатолий Васильев (Пётр Басманов), Евгений Самойлов (Пимен), Георгий Бурков (Варлаам)... Запоминается и Валерий Сторожик в роли князя Курбского (несколько лет спустя актёр замечательно сыграл полковника С.В. Зубатова в историческом телесериале Сергея Колосова «Раскол» (1993)). А в одной из эпизодических ролей снялся немецкий журналист Норберт Кухинке, знакомый советским зрителям по фильму Георгия Данелия «Осенний марафон» («Мосфильм», 1979).

Царь Борис Годунов, в исполнении С.Ф. Бондарчука, — богато одарённый человек, опытный и мудрый политик, заботливый муж и отец. Он, казалось бы, вполне заслуженно

достиг высшей власти. Вместе с тем, с первых же кадров Борис словно сам не верит свершившемуся. Во время венчания на царство он не просто взволнован, а безрадостно напряжён, пугается неожиданного резкого звука, как дурного знака. Эта напряжённость, сомнения в своих правах на престол не оставляют его и в дальнейшем. Задолго до появления Лжедмитрия Борис тревожится за будущее, обращается к колдунам, с горечью сетует на несправедливость «черни», обвиняющей царя во всевозможных преступлениях. И хотя большинство наветов являются лживыми, Борис не может восторжествовать «над тёмной клеветой» — именно потому, что на его совести действительно есть «единое пятно».

В фильме, как и в пьесе, вина Бориса в смерти царевича Дмитрия не подвергается сомнению. При этом эпизод рокового дня в Угличе показан скупно: трое убийц, без лиц, видимые только со спины, быстро надвигаются на ребёнка. В другой сцене Дмитрий чудится Борису в кремлёвских палатах.

Смутная угроза приближается с каждым эпизодом и, наконец, предстаёт перед царём в образе живого соперника. Григорий Отрепьев (актёр Александр Соловьёв) мечтает не столько о власти, сколько о яркой, интересной жизни. «Монах поневоле», он равнодушен к духовным наставлениям Пимена, к его «завещанию» продолжить служение летописца, но жадно слушает его рассказ о Дмитрии, в церкви робко любит Ксению Годуновой... Страшные сны о собственной гибели (в фильме Григорий видит себя в царской одежде перед убийцами, ворвавшимися в палаты) не пугают его, а скорее подстёгивают к действию...

Григорий Отрепьев не идёт ни в какое сравнение с умным, дальновидным Борисом Годуновым: ещё до бегства из Москвы он успевает разболтать о своём плане («буду царём на Москве»); принимая католичество, обещает иезуитам, что вскоре его примеру последует вся Русь (пустая, волюнтаристская болтовня)... Сила Лжедмитрия заключается не в его личных качествах, а в поддержке народа, отвернувшегося от своего царя. В картину добавлены безмолвные сцены, которые подчёркивают трагический разлом: торопливая панихида у длинного рва — общей могилы жертв голода; заморожённое наблюдение москвичами таинственной кометы; пытки арестантов в застенке... Народ в фильме — не безликая «масса», а самостоятельный персонаж, историческая личность, чей выбор, хотя и ошибочный, решил судьбу Руси и династии Годуновых.

Вместе с тем, растущую ненависть к Борису Годунову лишь отчасти можно назвать стихийной. В фильме присутствует

неоднозначная тема «рукотворности» массовых движений. Народный ропот умело подогревается как «фрондой» из ближайшего окружения царя, так и зарубежными противниками Руси. Живым воплощением предательства является князь Василий Шуйский: в зависимости от положения Бориса он то осторожно сплетничает о правителе, то изображает верного царского слугу, то активно плетёт заговор. Даже не зная исторических фактов, зритель может понять, что и в дальнейшем Шуйский не удержится от новых измен.

С другой стороны, в Речи Посполитой Лжедмитрий находит покровительство у врагов русского царя. Польские аристократы и служители иезуитского ордена со всех сторон окружают и опутывают новоявленного «царевича», чтобы сделать его своим орудием. В Кракове за его первыми шагами к трону издали наблюдает некий монах, похожий на Игнатия Лойолу (основатель ордена иезуитов, умерший за полвека до событий), а в замке воеводы Мнишек «царевич» попадает под власть многоопытной Марины. Несмотря на легкомыслие, он и сам понимает свою недостойную роль («Я Литву позвал на Русь»), но уже не в силах выйти из политической игры. Символичен эпизод (отсутствующий в пьесе), когда на балу у Мнишек избранным гостям подносится огромный торт в виде Московского Кремля. Лжедмитрий безжалостно режет на куски русскую церковку и почтительно подносит угощение хозяину замка.

Увы, С.Ф. Бондарчук не удержался от типичного для режиссёров соблазна, отдав роли Фёдора и Ксении Годуновых своим детям Фёдору и Елене Бондарчукам. Этот своеобразный «семейный подряд» вряд ли украсил картину. Молодые дебютанты выглядят блёкло, тем более на фоне яркой игры отца. Впрочем, благодаря хорошей режиссуре, концепция образов передана верно. Царевич Фёдор — одарённый юноша, ещё не осознавший свою силу, тушующийся в тени отца-государя. Показывая начерченную им карту Руси, Фёдор держится скромно и почтительно, стараясь не обидеть своими знаниями и умениями менее образованного родителя. Только в сцене гибели Годуновых допускается серьёзный исторический и психологический просчёт. При виде убийц Фёдор отступает от них, прячась за спиной матери. В действительности 16-летний юноша бросился защищать мать и сестру, так что четверо взрослых убийц едва справились с ним.

К сожалению, несколько важных эпизодов подверглись сокращениям — причём не только сцена у фонтана с «неполиткорректной» для советско-польского фильма фразой Лжедмитрия: «И поляков безмозглых обманул», но также раз-

говор Григория с Пименом в келье Чудова монастыря, сцена в корчме... О причинах остаётся лишь гадать...

Вместе с тем, несмотря на отдельные оговорки, картина С.Ф. Бондарчука заслуженно занимает место среди лучших отечественных экранизаций русской классики. Её ценность даже возросла после появления в 2011 г. ещё одной кинопостановки «Бориса Годунова». Правда, режиссёр Владимир Мирзоев не стал озадачиваться реалиями XVII века, а перенёс действие пьесы в наши дни; при этом на экране периодически мелькают фигуры, наряженные в стиле предреволюционных и революционных лет.

Такие приёмы вызывают неоднозначную реакцию, хотя сами по себе они легитимны и давно используются кинематографистами. Так в фильме «Иван Васильевич меняет профессию» действие перенесено из 1930-х в 1970-е гг., а инженер Николай Тимофеев (герой пьесы М.А. Булгакова «Иван Васильевич») преобразён во всенародно любимого Шурика. В «Покаянии» Тенгиза Абуладзе (Грузия-фильм, 1984) действие разворачивается вне времени, а советских арестантов сопровождают средневековые рыцари в латах.

Ещё чаще подобные приёмы практикуются в зарубежном кино. Например, в фильме «Сало, или 120 дней Содома» режиссёра Пьера Паоло Пазолини (Италия — Франция, 1975) по книге маркиза де Сада действие происходит в Италии 1945 года, что придаёт картине антифашистское звучание. Фильм «Ромео + Джульетта» База Лурманна (США, 1996) является осовремененной версией знаменитой трагедии В. Шекспира. Не забыта и драма «Макбет», имеющая по крайней мере несколько осовремененных киновариантов.

Можно по разному оценивать эти фильмы, но там изменение исторического фона или смешение эпох не входят в противоречие ни с сюжетом, ни с образами персонажей. В одних случаях они вымышлены и не привязаны к конкретной эпохе (как Ромео и Джульетта), в других — их статус адаптирован к современности, когда, например, Макбет борется не за королевский престол, а за успех в бизнесе. В «Покаянии» действие и вовсе оказывается фантазией героини.

Иначе происходит в фильме В. Мирзоева, где подлинные исторические личности и события перенесены в современную эпоху чисто автоматически: Борис Годунов, живя в XXI веке, является царём Руси, его сподвижники — боярами, а в каком качестве Польша (член НАТО) начинает войну с восточным соседом — и вовсе остаётся загадкой... Осовременивание сводится исключительно к внешним атрибутам: бар вместо корчмы, танк вместо лошади, использование мобильных телефонов, видеотехники, тренажёров и т.д.

Возможно, В. Мирзоев имел задумку показать на основе бессмертной трагедии противоречия современной элиты, которая, минуя эпоху подъёма, сразу перешла к быстрому вырождению и упадку — как нравственному, так и умственному. Но причём тут Борис Годунов и другие исторические личности? Ведь персонажи фильма, носящие их фамилии, не имеют с ними ни малейшего сходства. «Царь» Годунов лишён политической и личной судьбы. Это человек без прошлого, заскочивший во власть, словно чёртик из табакерки (чем же тогда помешал ему «царевич» Димитрий?). Да и по масштабу личности Годунов никакой не царь, пусть даже условного государства, а, скорее, глава мафиозного клана. Фальшиво, как некий «прикол», звучит из его уст классический монолог про «совесть» и тяжесть шапки Мономаха (ни того, ни другого у героя фильма нет и быть не может).

В фильме С.Ф. Бондарчука царь Борис, несмотря на «мальчишеские кровавые», до последней минуты сохраняет государственный ум и силу характера. У Мирзоева переживания Годунова относятся скорее к области психиатрии, чем психологии. При первых же известиях о Самозванце Годунов начинает тупо сходить с ума. Совсем скоро он выглядит «готовеньким» и вместо обсуждения государственных дел, к изумлению окружающих, «играет» с призраком Димитрия.

Под стать Годунову и его сын — самодовольный, глуповатый мажор. В начале фильма (сцена в кремлёвских палатах) он с отсутствующим видом играет телефоном; видимо, так авторы решили проиллюстрировать слова Бориса: «Ты с малых лет сидел со мною в Думе». И если реальный Фёдор в 14—15 лет начертил карту Руси — шедевр картографии XVII в., позднее изданную в Амстердаме, то его «двойник» даже не пытается создать что-то талантливое и полезное: его карта — всего лишь дорогостоящая интерактивная игрушка из песка. Характерно, насколько по-разному в фильмах иллюстрируется фраза: «Царевич может знать, / Что ведаёт князь Шуйский». У С. Бондарчука при этих словах из палаты послушно удаляется карлик-шут, у В. Мирзоева самодовольно ухмыляется мажор.

В целом игра актёров напомнила мне спектакль «Борис Годунов» в ленинградском театре юных зрителей (конец 1970-х гг.). Не знаю, было это изначальным замыслом режиссёра или постановка со временем деградировала, но участники буквально измывались над пьесой: кричали дурацкими голосами, кривлялись (например, Лжедмитрий при словах «Узреть твои царёвы ясны очи» выпучивал глаза) и т.д. Замечу, что в спектакле играли неплохие актёры, поэтому пошлость была неожиданной и вызывала даже не протест, а скорее оторопь.

Нечто подобное получилось в мирзоевском фильме. Хотя ни в пьесе, ни в реальности Шуйский с Басмановым не тянут на положительных героев, всё же оба они были незаурядными государственными деятелями. Здесь же представители элиты выглядят как шуты, потешающие богатенького господина. На протяжении фильма они без устали ёрничают, будто высмеивают самих себя. Слова про честь «для всей Руси», про «бедствия народны» — явно не из их лексикона и подходят им как коровам сёдла.

Немного последовательнее изображён Григорий Отрепьев, который без всякой сюжетной надобности сделан 35-летним: это авантюрист, на короткое время взлетевший ввысь и страдающий «головокружением от успехов». Ради продления своего короткого «праздника жизни» он готов обещать что угодно и кому угодно. Правда, людей, проявляющих к нему политический интерес, в фильме практически нет — ни военных советников из НАТО, ни, на худой конец, посла США... Одна Марина Мнишек хоть как-то пытается управлять Лжедмитрием. Но в фильме Бондарчука она — гордая, рассчётливая и неглупая особа (этот образ талантливо воплотила польская актриса Адриана Беджиньская). Здесь же кандидатка в русские царицы сама не уверена, чего хочет — осетрины с хреном или государственных реформ. Она требует «алмазный мой венец», но не надевает его, объявляет Лжедмитрию, что до свержения Годунова не станет слушать его любовных речей, а в следующем кадре... легко отдаётся ему. Ни панской гордости, ни элементарного расчёта. Сама же сцена у фонтана эпигонски перенесена в бассейн (сразу вспоминается «Ромео + Джульетта», где в бассейне происходит объяснение героев). Уж выбрали бы место пооригинальнее: каток для игры в кёрлинг, что ли...

Корчма (вернее, бар), куда зашли монахи с Григорием Отрепьевым, расположена на берегу обширного водоёма, границы которого скрыты в сумерках. Но если имеется в виду Балтийское море, то, выходит, Григорий добирался до Литвы... через Калининград (плоховато у создателей фильма с географией). Вместо одной хозяйки посетителей обслуживают две барменши. При появлении дозора первая из них приветствует приставов по-русски, а вторая что-то бурчит по-литовски (пожалуй, лучший момент фильма). Но далее пристав задаёт вопрос о грамотности собеседников, и Варлаам читает царский указ по слогам. Это не противоречит пушкинскому тексту, но в современном интерьере выглядит нелепо. Постсоветские поколения и впрямь не блещут грамотностью, но не до такой же степени, чтобы вовсе не уметь чи-

тать. А Варлаам и Григорий, судя по возрасту, учились в советской школе. Так с чего им быть малограмотными?

Войско самозванца переходит границу Руси на единственном танке, видимо, символизирующем вооружение современной Польши. А в одной из следующих сцен вместо танка появляется бутафорская лошадь, над которой страдает Лжедмитрий, стилизованный под белогвардейца.

Князь Курбский произносит свой монолог, восстанавливая порушенный пограничный столб — не то СССР, не то РФ (по цвету они идентичны). Если учесть, что войска Лжедмитрия пересекли границу Руси в районе города Моравска (ныне Черниговская область), то водружение пограничного столба РФ прямо посреди Украины выглядит довольно пикантно.

Но, пожалуй, самыми вздорными получились «народные» сцены. Они сводятся к периодическому появлению на экране двух квартир, чьи обитатели смотрят телевизор и «подают реплики». При этом они почти непрерывно едят и пьют, что показывает экономическое благополучие Годуновской Руси и приличный уровень жизни народа. Ни голода, ни пожаров, ни массового бегства на окраины, ни роста преступности, ни прочих бедствий... Думается, если бы в начале XVII в. всё так и было, если бы все русские граждане имели приличное жильё (о чём и теперь миллионы людей лишь мечтают), хорошо оплачиваемую работу и материальный достаток, то вряд ли правление царя Бориса закончилось бы столь трагически.

Кому же в начале фильма люди демонстрируют лицемерные слёзы, если находятся у себя дома? В чём состоят «бедствия народны», поминаемые Басмановым, если в стране всё хорошо? И каким таким «мнением народным» силён Лжедмитрий, если за весь фильм никто не поднял ради него «пятую точку» (да и незачем...)? Где, наконец, «мужик на амвоне», чей возглас стал началом мятежа в Москве и решил участь Годуновых?.. На худой конец, показали бы телевизор с уличными выступлениями — шествием оппозиции или пикетами: «Годунов, уходи!»... Из квартирных эпизодов можно понять лишь одно: русский народ для авторов — нечто неприятное и неинтересное... Ради «счастья» лишний раз пнуть его авторы не пощадили и собственный фильм, сделав бессмысленными ключевые сцены.

Складывается впечатление, что создатели фильма абсолютно безразличны к личности Бориса Годунова, к истории России, средневековой и современной, а гениальное произведение — для них всего лишь литературное сырьё, материал для самоутверждения. Что же касается отношения к зрителю, то фильм, вероятно, рассчитан на амбициозную, но не-

вежественную аудиторию, не способную понять трагедию А.С. Пушкина без показа мобильных и телевизоров.

К своему удивлению, в интернете я нашла положительные рецензии на мирзоевского «Бориса Годунова». Впрочем, дивиться нечему — ведь полный антиисторизм и презрение к русскому народу, включая самоненависть, по сути, становятся современной идеологией, причём весьма агрессивной... А вот народ, насколько можно понять, проголосовал против фильма «ногами» или, в данном случае, «глазами». «Шедевр» 2011 года выпуска успел устареть, так и не замеченный зрителями.

Сравнение двух экранизаций «Бориса Годунова» свидетельствует отнюдь не в пользу современного российского кино. Ситуацию не исправил и недавний сериал «Годунов» («Москино», 2018), изобилующий историческими «вольностями», перечислять которые скучно и бессмысленно. Фактически на экране действуют современные люди в театральных костюмах, жертвы ЕГЭ, не знающие русской истории, не понимающие психологии своих героев. Например, возвышение Бориса Годунова объясняется... манипуляциями его жены, Марии Скуратовой, которая использует примитивные бабьи уловки, по типу: не сделаешь, как я скажу, — не пушу в постель. Судя по увлечению «гендерными» версиями (вспоминаются также сериалы «София» и «Золотая Орда»), нашим киношникам не дают покою лавры создателей турецкого сериала «Великолепный век», где в центре сюжета — женщины, обитательницы гарема. Однако «Великолепный век» намного превосходит упомянутые российские киноподделки — и по степени историзма, и по художественным качествам, и по яркости образов. Тогда как герой сериала «Годунов» в исполнении Сергея Безрукова изображён недалёким, безвольным подкаблучником, каким царь Борис Годунов никогда не был.

А между тем, глубина трагедии А.С. Пушкина остаётся неисчерпаемой, да и фильмы по русской истории по-прежнему востребованы зрителями. Надеюсь, в России всё же появится современная (а не осовремененная) экранизация «Бориса Годунова» — картина, достойная первоисточника, после которой народ не будет безмолвствовать.

г. Санкт-Петербург

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 2020 год

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

- Владимир БОЛЬШАКОВ. Осторожно: либерализм! — 3
Владимир БОЛЬШАКОВ. Будем действовать мудро и смело — 4
Владимир БОЛЬШАКОВ. Кто владеет нашей страной? — 7-8
Владимир БОЛЬШАКОВ. «Мы всегда правы» — 9
Владимир БОЛЬШАКОВ. Кто сладостно Россию ненавидит? — 10
Иван БУКАРЕВ. Миграционная политика в подражание США — 10
Александр ВОСКРЕСЕНКИЙ. Под ширмой пандемии — 9
Наталья ГОЛУБКОВА. Невоплощенная мечта — 1-2
Виталий ДАРЕНСКИЙ. Война против цивилизации — 4
Виталий ДАРЕНСКИЙ. Запад против русской цивилизации — 10
Светлана ЗАМЛЕЛОВА. Детки в клетке — 3
Константин ИЛЬИН. Традиционализм — альтернатива либерализму — 1-2
Александр КАЗИН. «Ангел священной брани» — 11-12
Валентин КАТАСОНОВ. Проект нового мирового порядка — 7-8
Валентин КАТАСОНОВ. Что нам готовят? — 11-12
Лев КРИШТАПОВИЧ. Союзное государство как историческая необходимость — 1-2
Вячеслав МАТУЗОВ. Кто был главным по развалу СССР — 3
Эмма МЕНЬШИКОВА. Провинция Отечества. Очерки русской жизни — 9
Валентина НОВИКОВА (Чернышёва). Феминизм: защита прав или?.. — 3
Василий ПУШКИН. Мигрантами по безработице — 1-2
Владислава РОМАНОВА. «Культурная революция» тёмных людей — 11-12
Людмила РЯБИЧЕНКО. По ту сторону абсурда — 7-8
Людмила РЯБИЧЕНКО. Великий и ужасный, или Всё под контролем — 11-12
Олег УСИК. Беды российского леса — 1-2
Валерий ЧУБАР. Шиес. Очерк — 4
Владимир ЮДИН. Звезда над русским лесом — 4
Александр ОГОРОДНИКОВ. Навстречу Победе — 5-6
Алексей ФЕДОТОВ. Кто привёл к власти Гитлера — 5-6
Валерий ФИЛИМОНОВ. На пути в «цифровой рай» — 7-8
Валерий ХАТЮШИН. Коронованный вирус — 7-8
Сергей ХОЛОДОВ. Война в прямом эфире — 5-6
Алексей ЧИЧКИН. Забытые сталинские удары — 5-6
Израэль ШАМИР. Битва за Освенцим — 5-6

ПРОЗА

- Борис АГЕЕВ. Деревья на усадьбе. Эссе — 1-2
Татьяна АКИМОВА. Шапочка. Рассказ — 1-2

Александр АЛЕКСАНДРОВ. Просто кончилась зима. Рассказ — 11-12
Александр АНДРЮШКИН. На родине. Рассказ — 3
Владимир ВЕЩУНОВ. Змей и корова. Рассказ — 4
Юрий ВИСЬКИН. Поступок. Повесть — 9
Дмитрий ВОРОНИН. Рассказы — 4
Василий ВОРОНОВ. Жар-птица. Рассказ — 3
Михаил ЕСЬКОВ. Сеанс гипноза. Повесть — 7-8
Татьяна ГРИБАНОВА. Два рассказа — 11-12
Юрий ЖЕКОВ. Амурские привилегии. Рассказ — 9
Михаил ЗАРУБИН. Потоп. Повесть — 3
Камиль ЗИГАНШИН. Бессонная ночь. Рассказ-быль — 4
Лидия ИВЧЕНКО. Праздники и проза жизни. Рассказ — 3
Геннадий КАРПУНИН. Душа подневольная. Рассказ — 10
Павел КРЕНЁВ. И на земли мир... Повесть — 1-2
Павел КРЕНЁВ. Белоушко. Повесть — 7-8
Владимир КРУПИН. Громкая читка. Повесть — 11-12
Александр ЛАРИН. Человек-ничто. Рассказ — 7-8
Светлана МАКАРОВА-ГРИЦЕНКО. Телефонный звонок.
Рассказ - 9
Андрей НЕКЛЮДОВ. Аист. Рассказ — 10
Фёдор ОШЕВНЁВ. Полонез Огинского. Рассказ — 5-6
Ирина ПРИЩЕПОВА. Мир единственный и неповторимый.
Эссе — 3
Виктор ПРОНИН. Два рассказа — 4
Владимир ПРОНСКИЙ. Два рассказа — 1-2
Владимир ПРОНСКИЙ. Заветная осень. Рассказ — 7-8
Сергей ПЫЛЁВ. Фермер. Повесть — 10
Валерий СЕРЯКОВ. Рассказы — 5-6
Михаил СМИРНОВ. Позднее возвращение. Рассказ — 5-6
Владимир СМИРНОВ. Два рассказа — 7-8
Николай ХАПЛАНОВ. Рассказы — 11-12
Юрий ШИПНЕВСКИЙ. Невезуха. Рассказ — 9

ПОЭЗИЯ

Анатолий АВРУТИН. Птица русского слова. Стихи — 5-6
Сергей АГАЛЬЦОВ. Нежно цветёт облепиха... Стихи — 3
Магомед АХМЕДОВ. Зелёные звёзды. Стихи — 4
Валентина БЕЛЯЕВА. Под шуршанье железных колёс. Стихи — 7-8
Владимир БОЛЬШАКОВ. Над обрывом. Стихи — 10
Юрий ВОРОТНИН. Загляжусь в облака... Стихи — 4
Ольга ГОНЧАРОВА. Шёпот дождя. Стихи — 5-6
Татьяна ГРИБАНОВА. Сули хоть рай... Стихи — 4
Игорь ЕЛИСЕЕВ. Благослови, душа. Стихи — 1-2
Олег ИГНАТЬЕВ. Не страшась измены и обмана. Стихи — 7-8
Виктор КАРПУШИН. Настало время холодов. Стихи — 11-12
Ирина КАТЧЕНКОВА. Воля и сила. Стихи — 9
Надежда КНЯЗЕВА. В берёзовой глуши. Стихи — 9
Ольга КОЗЛОВЦЕВА. Рассвет на родине. Стихи — 5-6
Георгий КОЛЬЦОВ. Послевоенная весна. Стихи — 5-6

Николай КОНОВСКОЙ. Крымские строфы. Стихи — 7-8
Валентина КОРКИНА. Как птицы. Стихи — 10
Юрий КРАВЦОВ. Сенокосная страна. Стихи — 11-12
Валерий ЛАТЫНИН. Колыбель для грядущих героев. Переводы из сербской классической поэзии — 10
Александр ЛИСНЯК. Сияй, Святая Русь! Стихи — 3
Виктория МОЖАЕВА. Сестра моя, сестричка... Стихи — 4
Александр НЕСТРУГИН. Осокорник. Стихи — 3
Борис ОРЛОВ. На землю снег летел... Стихи — 1-2
Сергей ПАНФЁРОВ. Память воды. Стихи — 10
Татьяна ПАРСАНОВА. Надо жить... Стихи — 9
Николай ПИДЛАСКО. Всё навеки во мне. Стихи — 7-8
Михась ПОЗДНЯКОВ. Две руки... Две любви... Стихи — 3
Андрей ПОПОВ. Река и речь... Стихи — 1-2
Владимир СКИФ. Золотая пора листопада. Стихи — 4
Стихи поэтов Костромы — 1-2
Стихи брянских поэтов — 5-6
Стихи поэтов Донбасса — 9
Светлана СЫРНЕВА. Северные песни. Стихи — 5-6
Анна ТОКАРЕВА. Не устану ждать. Стихи — 3
Андрей ФРОЛОВ. Родины усталые глаза. Стихи — 10
Александр ХАБАРОВ. Белая рубаха. Стихи — 11-12
Валерий ХАТЮШИН. Моя звезда. Стихи — 11-12
Петр ШУШКОВ. Тепло любимых рук. Стихи — 9
Иван ЩЁЛОКОВ. Берёза, сирень, акация... Стихи — 7-8
Людмила ЩИПАХИНА. Дар вечности. Стихи — 1-2
Наталья РАДОСТЕВА. Шафрановый настой. Стихи — 11-12

СИМВОЛ ВЕРЫ

Владимир АНИЩЕНКОВ. Идеологическое поражение сверхдержавы — 4
Юрий БАРБАШОВ. Под защитой веры — 7-8
Павел ВАСИЛЬЕВ-ЕФРЕМОВ. Искушение вирусом — 11-12
Лариса КУДРЯШОВА. Как остановить этот срыв? — 3
Мария МОНОМЕНОВА. Убить Бога — 10
Мария МОНОМЕНОВА. Кесарю — Божие — 11-12
Александр ХАЛДЕЙ. Либерализм как тоталитарная религия — 1-2
Сергий ЧЕЧАНИЧЕВ. Тайна молчания Государя — 9
Алексей ЩИПКОВ. Пандемия и новая сакральность — 10

УРОКИ ИСТОРИИ

Андрей БАШКИРОВ. «Отречение», которого не было — 1-2
Николай БУЛГАКОВ. Как православным относиться к Сталину? — 11-12
Валерий ГАБРУСЕНКО. Троцкий и Сталин — 3
Анатолий КЛИМОВ. Нашествие — 1-2
Александр ТЮРИН. Для чего вышли декабристы — 5-6

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

- Валерий ГАБРУСЕНКО. Творцы оружия Победы — 7-8
Валерий ГАБРУСЕНКО. Великие мужи России — 10
Валерий ГАБРУСЕНКО. Антонов против Антонова — 11-12
Максим ПОТЁМКИН. Битва при Молодях — 10
Василий СМИРНОВ. «Военный гений» Тухачевский — 11-12
Сергей ХОЛОДОВ. Шляхта и мы — 11-12
Леонид ЧЕКУРИН. Забытый герой Смутного времени — 1-2
Валерий ШАМБАРОВ. За всё, что натворили — 11-12

ДОСЬЕ МГ

- Владимир БОЛЬШАКОВ. Массонский заговор против России — 1-2
Владимир БОЛЬШАКОВ. Нацистские бесы и польские «свињи» — 4
Анна КОМИССАРОВА. Крупнейшая афера 90-х — 3
Валерий МЕДВЕДЬ, Сергей ДОЦЕНКО. Польские уроки — 9
Алексей МУХИН. На кого направлено этническое оружие — 10

РУССКИЙ ВОПРОС

- Владимир БОЛЬШАКОВ. Народ, не признаваемый властью — 5-6
Владимир БОЛЬШАКОВ. Сбереечь державообразующий народ — 9
Антей КРАСНОВ. Демографический провал русского народа — 4
Владимир ХОМЯКОВ. О «русском вопросе» без экстремизма — 4
Валентина ШТРАУС. Русский народ и Конституция — 10

РУССКИЙ МИР

- Владимир АНИЩЕНКОВ. Проект «Украина» — 7-8
Александр БУРЕНКОВ. Быть русскими! — 3
Михаил ЛЕМЕШЕВ. К гражданам России! — 3
Владимир ПАХОМОВ. Идеология ненависти «національно свідомых» — 5-6

СУММА ТЕХНОЛОГИЙ

- Алексей СИНИЦЫН. Снимем с вируса корону — 7-8

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

- Евдоким РУСАКОВ. Иду тропой в залив покосов. Стихи — 4
Вячеслав БОГДАНОВ. Я пришел в эту степь... Стихи — 10
Геннадий СУЗДАЛЕВ. Слава — 10
Любовь ФЕДУНОВА. «В мои глаза глядится Русь». О поэзии и судьбе Евдокима Русакова — 3

ЛАРЕЦ

- Федор АБРАМОВ. Два рассказа — 4
Иван БУНИН. Золотое дно. Рассказ — 10
Александр КУПРИН. Сашка и Яшка. Рассказ — 9

ВЕЛИКИЕ ИМЕНА

- Валерий ГАБРУСЕНКО. Великие мужи России — 1-2
Станислав ЗОТОВ. Преданный без лести — 1-2

СУДЬБЫ

- Яна МАНСУРОВА. Песня реки — 10

ПОДВИЖНИКИ

- Александр СКОКОВ. Путём зерна. Очерк — 4

ЛИЧИНЫ ДЕМОКРАТИИ

- Владимир ГОЛУБЕВ. Их любовь к Собчаку — 5-6
Сергей СПИРИДОНОВ. Либеральные «хиви» укровермахта — 3

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

- Платон БЕСЕДИН. Севастополь под лезгинку — 1-2
Юрий ГИЛЁВ. Цифры той войны — 1-2
Валерий ГАБРУСЕНКО. «Империя наоборот» — 11-12
Александр ИВАНОВ. Новости цифрового каганата — 1-2
Роман ИЛЮЩЕНКО. Выход пока еще есть — 3
Александр КАЗИН. Новые «средненькие европейцы»? — 11-12
Валерий КИРИЛЛОВ. Тестирование страхом — 7-8
Валерий КИРИЛЛОВ. Тупик «глобальной перспективы» — 9
Игорь КОПЫЛОВ. Цель коронабесия — 10
Владимир КОРНИЛОВ. Польша превращает палачей в героев — 10
Лариса КУДРЯШОВА. Может быть, мы уже проиграли? — 1-2
Вадим КУЛИНИЧЕНКО. Им не нужна наша Победа — 9
Руслан ЛЯПИН. Нас призвали покаяться — 5-6
Светлана МАКАРОВА-ГРИЦЕНКО. Первое условие спасения — 3
Светлана МАКАРОВА-ГРИЦЕНКО. С чьего «Голоса»?.. — 5-6
Валерий МЕДВЕДЬ, Сергей ДОЦЕНКО. Угроза национальной безопасности — 11-12
Екатерина МЕЛЬНИКОВА. Под угрозой исчезновения — 5-6
Мария МОНОМЕНОВА. Два миллиарда доз вакцины — 11-12
Константин НОВИКОВ. Уничтожающие память — 11-12
Владимир ОСИПОВ. Стыдливые чехи — 1-2
Владимир ПРОХВАТИЛОВ. Правда о коронавирусе — 7-8
Владислава РОМАНОВА. Новый фашизм и путь к свободе — 9

Игорь РОМАНОВ. Кто скрывается под маской? — 11-12
Геннадий САЗОНОВ. «Милый друг» дорогих россиян — 10
Андрей СОШЕНКО. Венгрия уговаривает Москву — 4
Андрей СОШЕНКО. «Антихрист уже в Израиле...» — 5-6
Елена ТИМОШИНА. Закон, разрушающий семью — 4
Валерий ФИЛИМОНОВ. Оцифрование человека — 1-2
Валерий ФИЛИМОНОВ. Театр абсурда — 4
Валерий ФИЛИМОНОВ. Удар по правам и свободам — 9
Валерий ФИЛИМОНОВ. Вирусы — оружие террористов — 10
Валерий ФИЛИМОНОВ. Всё исполняется на наших глазах — 11-12
Михаил ЩЕГЛОВ. А существует ли республика Татарстан? — 10

ЗЕМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Валерий ХАТЮШИН. Протуберанцы. Размышления и воспоминания — 1-2, 3, 4, 5-6, 7-8, 9, 10, 11-12
Александр ЩЕРБАКОВ. Ни песен, ни басен...

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Людмила ВОРОБЬЕВА. Души живая тайна — 1-2
Людмила ВОРОБЬЕВА. «С годами видится простое...» О книге лирики Светланы Супруновой «Прошу тишины» — 3
Людмила ВОРОБЬЕВА. Тот свет, который вечен. О книге духовной лирики Валерия Хатюшина «Вино и хлеб» — 10
Наталья ЕГОРОВА. «От меня это было...» — 11-12
Валентина ЕФИМОВСКАЯ. «Чёрный вечер. Белый снег». (О пьесе Василия Дворцова «С нами Бог») — 5-6
Станислав ЗОТОВ. «У меня есть дар» (В год 160-летия А.П. Чехова) — 7-8
Татьяна НИКОЛЬСКАЯ. Уже написана «Тля»... — 9

ИСКУССТВО

Елена КОЗЛОВА. Юбилей настоящего мастера — 1-2
Татьяна НИКОЛЬСКАЯ. Народ безмолвствует — 11-12

КРУГ ЧТЕНИЯ

Владимир ПЕТРОВ. Тайны творчества и судьбы — 4
Владимир ПЕТРОВ. По волнам «Тихого Дона» — 7-8
Николай ОЛЬКОВ. 200 русских гениев — 7-8